

дипкуръеры

дипкуръеры

дипкуръеры

ДИПКУРЬЕРЫ

*Очерки
о первых советских
дипломатических
курьерях*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1970**

Составление сборника,
а также подготовка к публикации воспоминаний
дипкурьеров *И. Х. Баумана, О. Х. Германа, Д. П. Короткова,*
А. С. Семенова и А. Г. Умблия
проведены В. И. ПОПОВЫМ

Д46

Дипкурьеры. Очерки о первых советских дипломатических курьерах. М., Политиздат, 1970.

271 с. с илл

На обороте тит. л. сост.: В. И. Попов.

Дипкурьеры... Это были гонимцы революции, отважные и находчивые помощники ленинских «красных послов». Трудно найти человека, который бы не слышал о подвиге Теодора Нетте. Но мало кому известны имена многих других дипломатических курьеров, в труднейших условиях выполнявших ответственные поручения Советского правительства, защищавших, подчас ценой собственной жизни, интересы рабоче-крестьянского государства.

На страницах книги рассказывается об этих людях. Авторы ряда очерков — сами дипкурьеры, большевики, ветераны нашей дипломатической службы. Они делятся воспоминаниями о своей нелегкой работе, о событиях грозных и героических первых послереволюционных лет.

О СОВЕТСКИХ ДИПКУРЬЕРАХ ПЕРВЫХ ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ

Академик И. М. МАЙСКИЙ

В сложном механизме международной дипломатии есть одно звено, которое на первый взгляд кажется очень второстепенным, но которое на самом деле является весьма важным для успешного функционирования министерств иностранных дел и посольств. Это звено — дипломатические курьеры. Они не пишут нот и не ведут переговоров, но без их четкой, бесперебойной работы министрам и послам было бы трудно, а подчас и невозможно выполнять свои обязанности.

Кто такой дипломатический курьер?

Дипломатический курьер — это человек, который регулярно возит дипломатическую почту (секретную и не-секретную) между министерством иностранных дел своей страны и его органами (посольствами, консульствами и т. д.) за рубежом и обратно.

Дипкурьерская связь имеет давнее происхождение, хотя в разные времена она по-разному именовалась. Так, например, в допетровской Руси дипломатические курьеры назывались гонцами. На протяжении веков сложился особый статус дипкурьеров, выделяющий их из обычных путешественников. Дипломатический курьер — лицо, которое узаконено международным правом. Он и почта, которую он везет, пользуются дипломатической неприкосновенностью за пределами своей страны. Он не подлежит обычной юрисдикции иностранных государств, через которые проезжает или в которых находится по прибытии в место следования почты, если, конечно, его собственное государство поддерживает дипломатические отношения с ними. Власти государств, по которым проходит путь дипкурьера, обязаны оказывать ему защиту и покровительство, а в необходимых случаях и помощь.

Всякое покушение на дипкурьера или его почту считается международным преступлением и строго наказывается по закону (что, впрочем, не всегда осуществлялось на практике).

В дореволюционное время дипкурьерская служба нередко походила на увеселительную поездку. Обычно почту возили, наряду с регулярными курьерами, также молодые дипломаты при прохождении низших ступеней служебной лестницы. Для них каждая такая оказия представляла собой интересное путешествие, присутствие на дипломатических приемах за рубежом, веселые попойки и прочее. Ведь особых опасностей для курьеров или почты тогда, как правило, не существовало, и молодым дипломатам — обычно из дворянских семей — можно было вести себя свободно и дать волю своим вкусам. Недаром они с такой любовью вспоминали приключения своей дипкурьерской «работы».

Октябрьская революция, резко расколовшая мир на два лагеря, внесла огромные перемены и в сферу дипломатии вообще и в дипкурьерскую службу в частности. Сама эта служба при Советской власти сохранилась, она стала теперь даже особенно важной, но состав ее работников и условия их деятельности сделались совсем иными, чем раньше.

Как известно, чиновники царского министерства иностранных дел после Октября отказались работать с большевиками и, за немногим исключением, объявили бойкот новой власти. Исчезли, стало быть, и прежние дипкурьеры. Советское правительство начало спешно создавать новый аппарат своего внешнеполитического ведомства из рабочих, солдат, профессиональных революционеров. Это было в тогдашней обстановке далеко не легкой задачей, но ею энергично занимался ЦК, активное участие принимал сам В. И. Ленин, а также его ближайшие помощники, и в частности Г. В. Чичерин. Результат получился хороший, и даже более чем хороший. Недаром Владимир Ильич говорил, что Наркоминдел является аппаратом «исключительным в составе нашего государственного аппарата» и что он «уже завоевал себе (можно сказать это смело) название проверенного коммунистического аппарата».

Советская внешняя политика, советская дипломатия должны были помочь защитить революционные завое-

вания Октября, сорвать вражеские козни против первой в истории страны социализма. Свой вклад в выполнение этой важнейшей задачи внесли и дипломатические курьеры первых лет революции.

Вместе с Наркоминделом появилась и новая дипкурьерская служба. Она была новая в двух отношениях. Во-первых, социальный состав ее радикально отличался от прежнего. Здесь были уже не выходцы из дворянских кругов, а почти исключительно дети рабочих и крестьян. Во-вторых, новые дипкурьеры в подавляющем большинстве являлись людьми боевыми, привычными обращаться с наганом и винтовкой. Они были особенно пригодны для охраны дипломатической почты революции, на которую в то время так зарились белогвардейцы и всякие иные авантюристы международной реакции. Не случайно именно в первые годы после Октября было столько попыток захватить большевистскую почту. Наиболее яркий пример этого — знаменитое дело дипломатических курьеров Т. Нетте и И. Махмастала, подробно описанное в одной из статей настоящего сборника. Курьерам описываемых лет некогда было развлекаться прелестями незнакомых пейзажей и архитектурными красотами чужеземных городов. Они всегда были на переднем крае, начеку, с револьвером в руках.

Кроме убийства Нетте были и другие случаи, закончившиеся трагически. Упомяну здесь только о двух.

В июне 1918 года С. Г. Шаумян, чрезвычайный комиссар Советского правительства по делам Кавказа, направил дипломатическую миссию в Иран во главе с И. О. Коломийцевым. В Тегеране она, по наущению хозяйничавших там англичан, была разгромлена, и Коломийцеву пришлось бежать. Зная о готовящемся нападении на миссию, Коломийцев послал в Москву с дипкурьером Кашкаровым важное письмо для Г. В. Чичерина. В Энзели Кашкарова задержали англичане и отобрали у него почту. Но Кашкаров был смелый и ловкий человек. Он сумел не только бежать от англичан, но и разыскать отобранную у него почту. Его вновь задержали и на этот раз убили. В 1919 году был схвачен и расстрелян врагами и сам И. О. Коломийцев.

В декабре 1920 года дипкурьер Холин-Хромушин был направлен с очень срочной почтой из Москвы в Ковно (Каунас) для Литовского Красного Креста. Ему

выделили специальный паровоз, на котором он должен был пересечь фронт (дело происходило во время советско-польской войны). Однако, хотя Холин-Хромушин имел разрешение польского командования на переход фронта, и он сам, и машинист были убиты агентами польской разведки.

Первоначально общее число советских дипкурьеров было невелико, ибо разъездов с дипломатической почтой было сравнительно немного. Хорошо помню, что, когда в феврале 1922 г. я был назначен заведующим отделом печати НКВД, Советское правительство поддерживало официальные отношения только с 11 государствами — Германией, Англией, Турцией, Ираном, Афганистаном, Монголией, Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей. Притом дипломатические отношения де-юре существовали лишь с последними девятью странами; с двумя великими державами — Англией и Германией — были еще отношения де-факто. Но постепенно росла сила и авторитет Советской державы, одновременно расширялись ее международные связи. Соответственно увеличивалось число дипкурьеров. Складывалась совершенно особая группа советских дипломатических работников, главным достоинством которых являлись беспредельная преданность делу революции, смелость, находчивость, бдительность. Этой группе НКВД многим обязан.

Иногда в ее ряды, по крайней мере временно, попадали люди совсем особого склада. Например, венгр Мате Залка, впоследствии известный писатель. (О нем тоже есть очерк в сборнике.)

Вспоминается также сын великого пролетарского писателя А. М. Горького Максим Пешков, который в 20-х годах выполнял функции дипкурьера, ездил по разным странам и иногда выполнял специальные поручения Владимира Ильича.

Наконец, еще один интересный случай. Знаменитый автор «Десяти дней, которые потрясли мир» Джон Рид тоже приобщился к семейству дипкурьеров. Он выехал из Советской России за границу в качестве советского дипломатического курьера. Сохранился даже соответствующий документ. Он гласил следующее:

«Народный Комиссариат по Иностранным Дела.
№ 22, 22 января 1918 г., г. Петроград. Курьерский лист.
Предъявитель сего гражданин Джон Рид отправ-

ляется в Стокгольм в качестве курьера с четырьмя пакетами дипломатической почты, адресованной официальному представителю России Воровскому.

Все гражданские и военные власти приглашаются оказывать гражданину Риду всякую помощь и дать ему возможность проехать в Стокгольм скорейшим путем.

Помощник народного комиссара по иностранным делам Георг. Чичерин»¹.

* *
*

Настоящий сборник имеет целью восстановить память о героической работе дипкурьеров первых лет после Октября, а также — и это очень важно — несколько подробнее рассказать о них самих, об их жизненном пути, партийной работе, ибо дипкурьеры ленинских лет представляли собой совершенно новое явление в истории дипломатии, все значение которого можно понять, лишь более или менее подробно ознакомившись с их биографиями.

Сборник состоит из материалов двоякого рода: из воспоминаний самих дипкурьеров, которые дожили до наших дней, и из статей, написанных другими лицами о дипкурьерах, которых уже нет с нами. Конечно, и те и другие материалы способны дать представление лишь о некоторых «гонцах революции». Большая часть их ушла безымянными фигурами в прошлое. Однако и то, что пока удалось узнать или найти об этих смелых и благородных бойцах советской дипломатической службы, достойно внимания читателя.

Пусть же настоящий сборник не только расскажет о работе тех дипкурьеров, которые в нем поименованы, но и явится книгой памяти того «неизвестного дипкурьера» первых лет революции, который сыграл поистине бесценную роль в развитии советской дипломатии.

¹ «Литературная газета», 1968. № 16, стр. 13.

ЧАСОВЫЕ НАРКОМИНДЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

С. И. АРАЛОВ

По окончании гражданской войны меня направили на дипломатическую работу.

Назначение произошло в начале 1921 года. Меня, признаться, обуяли сомнения, и при встрече с народным комиссаром по иностранным делам Г. В. Чичериным я изложил их ему. Говорил о своей неопытности, сложности обстановки, плохой связи,— значит, своевременно и нужный совет не получить. Дослушав до конца мою довольно бессвязную речь, Чичерин посмотрел на меня поверх очков и спокойно, с тонкой иронией спросил, подумал ли я, кто строит наше рабоче-крестьянское государство.

После небольшой паузы Георгий Васильевич за меня ответил: строят рабочие, крестьяне, интеллигенция, которая осознала свой долг перед народом. И — подчеркнул уже с другой интонацией — солдаты! Голос его и эта фраза остались в памяти навсегда.

— Мы,— продолжал Чичерин,— не природные дипломаты. Вы же в царские времена не командовали войсками, а в гражданской войне довелось? При затруднении партия вас поддержит, ошибки выправит...

Г. В. Чичерин снял очки, откинулся на спинку стула и твердо сказал:

— ЦК партии дает вам очень серьезное поручение. Для его выполнения необходимо быть подготовленным по вопросам и европейской и восточной политики, так как вы едете полпредом в Турцию. Необходимо изучить причины возникновения империалистической войны. Этому сильно помогут работы В. И. Ленина. Простудите Версальский, Севрский и другие договоры,

Мудросское перемирие¹. Надо знать и о дипломатах старой школы: Талейране, Меттернихе, Бисмарке, русских дипломатах. Будьте в курсе экономических интересов — именно в них глубокие корни внутренней и внешней политики и нашего государства, и Турции, и других стран.

В той памятной беседе Г. В. Чичерин дал много ценных практических советов для предстоящей дипломатической работы.

— Дипломату надо быть культурным, и не только по внешним признакам — они довольно быстро усваиваются; необходимо богатство приобретенных, усвоенных политических, исторических и даже естественных наук, умение разбираться в искусстве... Советую не чураться, а пользоваться культурным наследством буржуазного прошлого. Пользоваться критически, разумно, с пониманием современной обстановки...

Заканчивая беседу, Георгий Васильевич подробно охарактеризовал роль дипломатических работников разных категорий и технического аппарата полпредств. Он говорил о секретарях и атташе, шифровальщиках и делопроизводителях. Особо сказал о дипломатических курьерах.

Дипкурьер, не раз отмечал Г. В. Чичерин, не почтальон, не связной, не простой передатчик почты, а самый настоящий дипломат. Меньший рангом, правда, но ответственность он несет большую. Ему доверяются важнейшие документы, которые надо, чего бы это ни стоило, может быть даже жизни, доставить по назначению. Дипкурьер непременно должен быть храбрым, стойким, находчивым в противоборстве с коварным, хитрым противником, буржуазными мошенниками, действующими подчас из-за угла...

Большое внимание Чичерин уделял секретности в нашей работе. Пока продолжаются войны, пока существуют капиталистические державы с их агентурой, охот-

¹ Версальский мирный договор (1919) формально завершил первую мировую войну 1914—1918 годов; был подписан, с одной стороны, Германией и, с другой, державами Антанты и присоединившимися к ним государствами. Севрский договор (1920) — между Турцией и странами Антанты входил в систему международных отношений, известных под названием «версальской». Мудросское перемирие (1918) — фактически содержало условия капитуляции Турции в первую мировую войну.

никами за долларами и фунтами стерлингов, с их террором, заговорами, провокациями,— до тех пор должна существовать сохранность секретности нашей дипломатической переписки. Это одна из важнейших сторон дела. Она имеет прямое отношение к защите интересов социалистического отечества. Дипкурьер — солдат наркоминдельской службы. Он ее охраняет, и отказаться от этой охраны мы не имеем права. Об этом, подчеркнул Георгий Васильевич, нам напоминает Ленин.

«Пока есть война,— указывал Владимир Ильич,— должна существовать и тайная дипломатия, как одно из средств войны. Отказаться от нее мы не можем»¹.

Одно дело — царское и буржуазное правительства. Мы считали безусловно нужным и осуществили опубликование тайных, грабительских договоров, направленных против трудящихся, бесстыдно обманываемых Керенским, меньшевиками, эсерами. Но обстановка коренным образом изменилась. Новая, советская дипломатия не имеет ничего общего с подготовкой грязных разбойничьих сделок за спиной народов. Наша задача, говорил Ленин,— это защита социалистической республики от сил международного империализма. И во имя этой высокой цели необходима, жизненно важна сохранность советской государственной тайны. Не случайно буржуазные разведки так настойчиво стремились овладеть советской диппочтой, организовать провокации против рабоче-крестьянской власти, использовать любой повод, чтобы причинить нам вред.

Дипломатическому курьеру доверена государственная тайна Страны Советов. И можно сравнить дипломатического курьера с часовым, стоящим на страже наркоминдельской работы.

Г. В. Чичерин предупреждал об опасности болтливости. Любопытный пример. Георгий Васильевич 18 февраля 1922 года написал В. И. Ленину письмо, в котором сообщал, что Радек в интервью, опубликованном во французской буржуазной газете «Матэн», рассказал о наших переговорах с правительством Франции и допустил при этом выпады против Англии. Своим несвоевременным выступлением Радек нанес Советскому государству дипломатический ущерб.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 341.

В. И. Ленин на письме Чичерина пометил 20 февраля: «Я думаю, что Чичерин вполне прав, что Радек доказал этим случаем еще раз, что... он совершенно не годится в дипломаты». Днем позже Владимир Ильич писал: «...Радека безусловно отставить от дипломатии»¹.

Да, дипломатии В. И. Ленин придавал большое значение. Очень характерен его совет С. Г. Шаумяну. 14 мая 1918 года Владимир Ильич писал:

«Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предписываемую, безусловно, теперешним труднейшим положением,— и мы победим.

Трудности необъятны. Пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии»².

Дипломатия наша верно служила интересам интернационалистской политики партии. Интересно упомянуть историю отправки известного письма В. И. Ленина американским рабочим.

Письмо Лениным было помечено 20 августа 1918 года. Но как доставить его в Америку? Американские власти, конечно, не пропустили бы этого письма. Ведь в нем Владимир Ильич подчеркивал: банда международных империалистов ненавидит нас за то, что мы перед всем миром подняли знамя мира, знамя социализма. Реакция стремилась всячески помешать проникновению правды о Стране Советов в трудящиеся массы.

В. И. Ленин писал, что мы находимся как бы в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции³.

Надо было пронести письмо вождя революции через вражеское кольцо. По совету большевика М. М. Бородин за доставку письма взялся П. И. Травин (Слетов), которому и удалось с большим риском тайно доставить «Письмо к американским рабочим» в США. Письмо было широко использовано американскими товарищами в том числе журналистом-коммунистом Джоном Ридом, и сыграло большую роль в развитии коммунистического движения за океаном.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 176, 177.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 73—74.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 64.

Очень часто на пути советского дипкурьера возникали самые различные трудности. Среди публикуемых в этой книге материалов приводится рассказ Б. С. Шапика о том, как он доставил в Советскую Россию письмо советского представителя в США Л. К. Мартенса, для чего пришлось наняться матросом на пароход и спрятать пакет в угольном бункере, чтобы во время обыска его не могли обнаружить.

Г. В. Чичерин лично проверял товарищей, приглашенных на работу дипкурьерами. Часто беседовал с ними, заходя в их комнату. В этих разговорах нарком разъяснял им их ответственную роль как гонцов социалистического государства, вспоминал исторические факты из жизни тех стран, куда направлялся тот или иной дипкурьер, знакомил с основами дипломатии. По инициативе Г. В. Чичерина вопросы работы дипкурьеров нередко ставились в партийной организации.

Особо важные обязанности возлагались на дипкурьеров во время международных конференций.

Дипкурьеры возили делегациям директивы партии, письма В. И. Ленина, его указания и распоряжения. Во время Генуэзской и Лозаннской конференций, в которых непосредственно участвовал Г. В. Чичерин, В. И. Ленин направлял народному комиссару по иностранным делам свои письма и решения Советского правительства, постоянно ориентируя его во всех важных вопросах.

Однажды мне пришлось слышать телефонный разговор Ленина с Чичериным о работе дипкурьеров. Это было в 1921 году. Г. В. Чичерин отвечал на вопросы Ленина о подборе дипломатических кадров, о работе дипкурьерской связи и наиболее оперативной доставке важнейших документов. О том, какое это имело значение, говорит следующий факт. В первой половине апреля 1920 года Великое национальное собрание Турции по предложению Мустафы Кемаль-паши (Ататюрка) направило Совету Народных Комиссаров РСФСР письмо, в котором выразило желание установить постоянные дипломатические отношения с Советской Россией и просило содействия в совместной борьбе против иностранного империализма, угрожающего обеим странам¹.

¹ См «Документы внешней политики СССР», т. II. Политиздат, 1958, стр. 554.

Это письмо было получено в Москве только 1 июня 1920 года. Задержка произошла не в результате чьего-то злого умысла или небрежности — она была следствием невероятно тяжелой дороги, опасностей, которые подстерегали курьеров на каждом шагу. В результате было потеряно много столь драгоценного времени.

Даже известный турецкий журналист Юнус Нади, пытавшийся пробраться в Москву, не смог этого сделать. Английский флот крейсировал по Черному морю, блокируя турецкие берега.

Обстановка требовала от дипкурьера напряжения всех его сил, бдительности, умения использовать любую возможность для оперативной доставки диппочты.

Пожалуй, одним из самых сложных предприятий была связь на участке Анкара — Москва. Как известно, Советская Россия горячо сочувствовала освободительной борьбе, которую вел с империализмом турецкий народ, руководимый Мустафой Кемалем. Поддерживая Турцию, Советское правительство помогало ей оружием, боеприпасами и т. д. Вооружение шло через Закавказье. Но часто дороги блокировались грузинскими меньшевиками, армянскими дашнаками и азербайджанскими мусаватистами, которые имели контакты с врагом Мустафы Кемала — заместителем восточной части Турции Кязымом Кара Бекиром. Препятствуя продвижению воинских грузов для Турции, они всячески тормозили и поездки наших дипломатических курьеров, затрудняя связь советского полпредства с Москвой.

Провоцировались пограничные инциденты в Закавказье. Особенно напряженная обстановка была в городах Батуми, Баку и в Крыму, где агентура империалистов вела бешеную работу, направленную как против Советской России, так и против Турции.

Именно в этот период в лесу между Инеболу и Анкарой на наших дипкурьеров было совершено нападение вооруженной банды. Произошла ожесточенная схватка, но дипкурьеры отбились и сумели спасти почту. И это нападение было далеко не единственным. Вражеские разведки организовывали бандитские налеты на дипкурьеров и в горах Афганистана, и в Китае, и на железных дорогах Западной Европы.

Но об этом речь в других очерках.

СОРОК СЛОВ В ПАКЕТЕ ДИПКУРЬЕРА

Михаил СОНКИН

— В Таврический!

Молодой военный в тесной шинели и папахе, в портупейных ремнях, выбежав из подъезда на Мойке, 67, открыл дверцу потрепанного, бог весть когда крашеного автомобиля и тронул за плечо дремавшего солдата-шофера. Тот встrepенулcя, сел ловчее, нажал на педали.

Автомобиль загрохотал, зашипел и, рассеивая по заснеженной земле клубы дыма, помчался вдоль набережной. На Невском, в свете редких ночных фонарей, на заборах, на углах домов, на афишных тумбах угадывались широкие листы-воззвания, за два дня всколыхнувшие Питер и республику: «Социалистическое отечество в опасности!» У Аничкова моста по всей ширине проспекта на февральском ветру трепетал красный транспарант: «Петроград защитим! Отечество защитим!»

Перед решетчатыми воротами Таврического дворца молодой военный предъявил пропуск. В нем говорилось, что товарищ Баландин Василий Александрович имеет право беспрепятственного входа во дворец.

За оградой шофер заглушил мотор. Баландин побежал к подъезду... Второй этаж, знакомые коридоры, фойе с колоннами, люстрами и старинными, еще потемкинских времен, диванами. Залы, комнаты, кабинеты. Повсюду ожесточенно спорящие, курящие, торопливо расхаживающие люди.

— Срок ультиматума истекает в семь утра. Остались считанные часы. Мир или война? Другой альтернативы нет! — услышал Баландин, проходя мимо колонн Екатерининского аванзала.

В другом месте жаркий спор шел о том, почему откажутся из-под Двинска те самые полки, которые еще недавно громили немцев.

— Старая армия устала... Она спешит к хатам, к бабам, к земле.

— Для защиты социалистического отечества нужна социалистическая армия. А она еще только создается.

— Немцы воспользовались моментом демобилизации нашей старой армии. Это же факт!

Баландин бежал от одного кружка к другому. Вглядывался в лица. Свердлов, Дзержинский, Урицкий, Подвойский, Бубнов... Но где Крыленко? Именно его искал он, приехав в Таврический.

С вечера 23 февраля 1918 года в Таврическом дворце происходили непрерывные совещания. Накануне в Смольном прошло бурное заседание ЦК большевиков. Владимир Ильич Ленин выдержал тяжелейшую битву с фразерами, болтунами, не желавшими видеть реальных фактов и отвергавших мир под трескотню ультралевых, «р-р-революционных», а на деле непартийных, авантюрных словопрений. Позже совместно собрались центральные комитеты обеих правительственных партий — большевиков и левых эсеров. Снова выступал Ленин. Картина повторилась. После этого — Таврический. Заседания фракций ВЦИК. Здесь политическое сражение разыгралось с еще большим накалом. Верховный главнокомандующий армиями Советской республики Николай Крыленко сделал доклад о положении на фронте. После него — в который раз! — выступил Ленин. Он настаивал на своем — мир с Германией подписать!

Баландин привез в Таврический последние донесения с фронта. Привез, чтобы передать их Крыленко. В самые ближайшие часы должно было решиться, что же изберет Советская Россия: мир, хотя и тяжкий, или войну — в условиях еще более тяжелых и ставящих под угрозу само существование Советской власти.

...Их было трое: Иван, Сергей и Василий Баландины — родные братья. Старший брат Иван и средний Сергей к лету 1917 года служили рядовыми в питерском Семеновском полку. Василий — прапорщик в 3-м запасном пехотном полку, что стоял в Новом Петергофе под Петроградом. До службы в армии Василий учился в Пермском отделении Петроградского университета и потому

был направлен в школу прапорщиков, а затем получил офицерские погоны.

В первых числах июля, после расстрела Временным правительством демонстрации в Петрограде, всех троих Баландиных арестовали.

Архивы сохранили донесения шпииков Керенского, ходивших по следам братьев, переписку следователей и прокуроров, допрашивавших Баландиных.

«Иван Баландин,— докладывали шпиики,— принадлежит к фракции социал-демократов большевиков, чем он всегда открыто гордился... Солдатам раздавал газету «Правду». Среди солдат, отправляющихся на фронт, вел антиправительственную пропаганду...» О Сергее говорилось то же — большевик. Третий брат, прапорщик Василий, разделяет убеждения первых.

— Да, перед моим арестом я собирал солдат и просил их твердо стоять за дело революции,— сказал на следствии прапорщик Баландин.

Арест братьев-большевиков не был изолированным фактом. Правительство Керенского в июльские дни 1917 года сфабриковало пресловутое «дело Ленина и других». Владимира Ильича, как известно, арестовать тогда не удалось. Но в тюрьмы были брошены сотни большевиков, в том числе Николай Крыленко, Константин Мехоношин, Павел Дыбенко... Братья Баландины, находившиеся на примете у контрразведки Керенского, также оказались под арестом.

— Вы агенты Германии! — кричал на допросе небезызвестный в ту пору «следователь по важнейшим делам» провокатор и садист Середа.— Вот, вот доказательства! — И он размахивал листками семейных писем и телеграмм, которые были взяты при аресте братьев Баландиных.

Но документы эти никакого касательства ни к политике, ни к военной службе не имели. И как ни старался истолковать их Середа, доказательств «шпионажа большевиков Баландиных в пользу Германии» не нашлось. Гнусные наветы вызвали законное возмущение арестованных. Старший из Баландиных, Иван, находившийся в камере Ушаковской тюрьмы, объявил голодовку. Он требовал немедленного своего освобождения, как и всех политических, брошенных в тюрьмы лишь за свои большевистские убеждения. Ивана поддержал Сергей. За

ним — другие из Ушаковской тюрьмы. Голодовку начали и политические заключенные «Крестов» и комендантского управления, где, в частности, содержались Крыленко и Баландин-младший.

На двенадцатый день Иван Баландин оказался в положении безнадежном. По совету товарищей из ЦК голодовка была прекращена. Лишь Баландин-старший, уже обреченный, продолжал начатое, полагая, что этим он сможет помочь другим.

Весть о голодовке политических проникла в печать. Даже буржуазные газеты спрашивали: «За что мучают Баландина?» Власти поспешили уладить инцидент. В тюрьму явились полицейские чины и предложили старшему Баландину отправиться в госпиталь. Арестованный отказался.

Тогда из комендантской тюрьмы в контрразведку доставили прапорщика Баландина.

— Вас отвезут сейчас к старшему брату. Убедите его, что он поступает бессмысленно. Следствие еще не закончено, но через день-два все будет сделано и его, вероятно, освободят,— любезно, сладенько сказал начальник контрразведки.

— Иван ни в чем не повинен. Как и все политические... Брат настаивает совершенно обоснованно.

И все же поехать пришлось — повезли под конвоем.

«Мы вошли в камеру,— вспоминал потом Василий Баландин.— Моим глазам представилась картина ужасающая. Семьдесят заключенных, исхудалых, изможденных до крайности, возбужденных. Я с трудом узнал брата Сергея. «Где Ваня?» — спросил я его. Сергей указал на нары. Я бросился туда. «Ваня! Ваня!»... Брат лежал мертвый. Не помня себя, я кинулся к выходу... Уже в своей камере горе мое, негодование нашли исход...»

И тогда подошел Николай Васильевич Крыленко:

— Ты еще молод, Василий,— сказал Крыленко.— Терпение и выдержка! Никакого отчаяния! Если твердо встал на путь борьбы, будь готов ко всему.

Слова, сказанные Крыленко, запомнились Василию навсегда. «Не впадать в отчаяние». И подтвердилось! В отведенное историей время июльское отступление сменилось октябрьской победой.

Революция призвала на новую службу всех, кто в июле прошел через камеры политических тюрем. Кры-

ленко стал членом правительства, наркомом, главкомверхом армий Советской России. Дыбенко — наркомом флота. Мехоношин — заместителем наркома по военным делам. Сергей и Василий Баландины — сотрудниками этого же наркомата.

...Адъютант главкомверха разыскал Крыленко в одной из дальних комнат Таврического. Он совещался там с членами ЦК.

— Прибыл с последними сводками с фронта, — доложил Василий Баландин.

— Да, да... Прошу...

Крыленко быстро прочел, помрачнел

— Все ясно... — И передал бумагу членам ЦК.

А Баландину сказал:

— Можете возвращаться.

Адъютант вернулся на Мойку, 67. И тотчас свалился словно подкошенный. Спать!

В три часа ночи в Таврическом открылось заседание ВЦИК. Снова выступал Ленин. В 4 часа 30 минут произошло поименное голосование: принять или отвергнуть немецкий ультиматум. Большинство собрало предложение Ленина.

После заседания Владимир Ильич написал:

«Германскому правительству
Берлин

Согласно решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в 4¹/₂ часа ночи, Совет Народных Комиссаров постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск».

Теперь самое срочное, самое неотложное состояло в том, чтобы передать это германскому правительству.

Василий Баландин не слышал, как троекратно прозвонил в его комнате телефон.

— Товарищ Баландин, вставайте! Немедля! Быстрей! — Разморенный сном, адъютант не сразу увидел перед собой К. А. Мехоношина. — Отправляйтесь в Смольный. Вас ждет главкомверх.

Был уже шестой час утра. В комнате управления де-

лами Совнаркома кроме Крыленко находился секретарь СНК Н. П. Горбунов.

— Что же вы так долго? — выговорил Крыленко.

— Мы гнали автомобиль на полном газу...

— И все-таки долго! — Крыленко поглядывал на настенные часы. Казалось, он отсчитывает каждую секунду. — Пройдите сюда. Вас соединят по телефону с квартирой товарища Ленина.

Баландин вошел в соседнюю комнату. Дежурный телефонист — рабочий парень — несколько раз крутнул ручку разговорного аппарата и передал трубку.

Услышав ответ, Баландин назвал себя.

Дальнейшее происходило в кабинете Ленина.

Баландин слушал стоя — как военный, получающий боевой приказ.

Напутствуя диккурьера, Владимир Ильич сказал, что ВЦИК и Совнарком постановили германские условия мира принять. Сообщение об этом с минуты на минуту будет передано по радио в Берлин. Но кроме того, ответ надо доставить в письменном виде. Баландин должен немедленно отправиться навстречу германским войскам и передать ответ Советского правительства германскому командованию — там, где это окажется возможным.

Совершался один из самых крутых поворотов истории новой России и революции. Многим этот шаг казался безнадежным. «Принимать германские условия — да это же самоубийство!» — можно было слышать в те дни. Но когда Баландин увидел Ленина, всмотрелся в его лицо, в измученные бессонницей глаза, полные, однако, спокойствия, понял и почувствовал: Ленин верит в то, что в итоге принесет Советской России выигрыш, победу, а не поражение!

«Я стоял перед Лениным изумленный, не проронив ни слова, — вспоминал позже Баландин. — Больше всего меня поразило спокойствие, которое чувствовалось в нем... Он просто излагал, что я должен сделать в этот ответственный, напряженный момент...»

Баландин вернулся в комнату управления делами Совнаркома. Н. П. Горбунов вызвал машинистку, дал ей перепечатать какой-то листок, потом, когда она принесла, зашел в кабинет Ленина и, возвратившись, подал Баландину документ:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Сим удостоверяется, что предъявитель сего мандата, Василий Баландин, уполномочен Советом Народных Комиссаров передать Германскому Верховному Командованию официальный ответ Русского Правительства на условия мира, предлагаемые Германским Правительством. Он же уполномачивается принять официальный пакет от Германского Правительства, если таковой будет, для передачи его Русскому Правительству.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Первый и второй экземпляры мандата были подписаны лично Владимиром Ильичем.

— Распишитесь в получении,— сказал Горбунов и положил перед Баландиным копию удостоверения.

«Оригинал получил. В. Баландин. 24/II — 18 г.» — написал дипкурьер.

После этого Горбунов вручил Баландину запечатанный пакет с ответом Советского правительства. На копии этого документа дипкурьер тоже расписался.

Всего лишь сорок слов содержалось в ленинском документе. Но как много значили они! В них была сейчас судьба республики и революции!

Второй пакет вручил Василию Баландину главковерх Крыленко. Это было обращение к ставке германской армии — считать действительным ранее заключенное соглашение о перемирии и требование, чтобы немецкие войска немедленно прекратили военные действия и не продвигались на восток.

— В ваше распоряжение,— пояснил Крыленко дипкурьеру,— выделен специальный поезд и отряд матросов под командованием товарища Приходько. Матросы уже на Варшавском вокзале. Заезжайте на Мойку, договоритесь, чтобы вам дали переводчика, и сразу — на Варшавский! Помните: ни минуты промедления!

В Наркомате по военным делам Баландин обратился к Подвойскому.

— Да, задача...— проговорил Н. И. Подвойский.— Ни здесь, ни в генштабе надежного человека, знающего немецкий, мы, пожалуй, не найдем. Все старое офицерье. Свяжитесь лучше с моряками.

Но и в Адмиралтействе нужного человека в короткий срок не нашлось. Баландин решил ехать. В пути ведь наверняка встретятся штабы, солдатские комитеты.

...Варшавский вокзал. 24 февраля 1918 года. Десять часов утра. Экстренный поезд из одного вагона и паровоза отправляется на Лугу. По линии летят срочные телеграммы: «Экстренный «Б № 401» пропускать вне очереди».

В Лугу прибыли около двух часов дня. Вокзал, железнодорожные пути были забиты войсками, отступавшими с фронта. А где сейчас фронт? Никто не знал. Баландин отправился к дежурному по станции, а коменданту поезда Приходько сказал:

— Приведите кого-либо из лиц командного состава, знающих немецкий. Обойдите эшелоны, наверняка найдутся.

По прямому проводу Баландин связался со станцией Струги-Белые. Путь до той станции — так сообщили — пока свободен, а что дальше — никто не знает.

— Вот, привел! — встретил его комендант поезда, когда Баландин возвратился в вагон.

На скамье сидели двое в грязных, потрепанных солдатских шинелях — заросшие окопники. Напуганные, они не понимали, за что, собственно, их арестовал матрос... Начали жаловаться:

— Выволокли нас из эшелона и повели сюда. А что мы плохого сделали?

Первое, что пришло в голову Баландину: куда с такими «переводчиками» являться? Немцы примут за самозванца и даже не выслушают. И все же стал объяснять солдатам: нужны люди, знающие немецкий. Он, чрезвычайный курьер, едет с поручением товарища Ленина. Если у солдат есть хоть капля революционной совести...

Один из задержанных, начиная наконец понимать, в чем дело, веселеет:

— Совесть-то у нас есть. Но кроме еврейского и русского языка, никаких других не знаем! Ей-богу, не знаем.

— Как же быть? Вот чертовщина!

...Чем дальше от Луги, тем поезд идет медленней. На каждом полустанке задержки. Дорога однопутная. А встречные эшелоны рвутся напролом. Здесь хозяева

уже не железнодорожники, а те, что стоят с пулеметами на паровозах.

— Как продвигается наш курьер? — Владимир Ильич требует точного доклада.

Вечером на стол Ленина ложится телеграмма: Поезд «Б № 401» с курьером в 18 часов 52 минуты проследовал станцию Серебрянка.

— Медленно. Принять меры! Требовать беспрепятственного продвижения!

Около восьми часов вечера экстренный с курьером прибыл на станцию Струги-Белые. Здесь Баландин узнал, что русские войска только что оставили Псков. Командование Северным фронтом следует с войсками. Оно находится в Торошино и пытается организовать оборону на новом рубеже. Штаб 12-й армии — здесь, на станции Струги-Белые.

— А нет ли здесь товарища Нахимсона?

Баландин знал, что Семен Михайлович Нахимсон, давний большевик-подпольщик, был эмигрантом, учился в Берне, владеет языками, он член ВЦИК, возглавляет исполком солдатских депутатов 12-й армии.

К счастью, Нахимсон оказался в Стругах-Белых. Баландин, найдя его, рассказал о том, что решено в Питере, о своей миссии и затруднении с солдатами-«переводчиками», приведенными Приходько.

— Ну и курьез! — рассмеялся Нахимсон. — Я поеду с вами.

Солдат тотчас отпустили.

Около девяти часов вечера поезд достиг станции Торошино. Тут встретился главком Северного фронта Поверн.

— Войска продолжают отступать. Петроград безусловно в опасности, — сказал главком. — Подписание мира — спасение для столицы.

Он предупредил, что дальше можно следовать только на лошадях, ибо железнодорожный мост на станции Торошино взорван.

Баландин и Нахимсон достали лошадей, розвальни и двинулись дальше.

«Ни минуты промедления!» Но что поделать, если все дороги забиты войсками. Они бросают все на своем пути — артиллерию, пулеметы, лошадей.

От Торошино до Пскова всего восемнадцать кило-

метров. Но ехать пришлось всю ночь. В Псков добрались на рассвете, около 8—9 часов утра.

На центральной площади стоял немецкий регулировщик. Нахимсон спросил, как найти старшего воинского начальника. Солдат безучастно ответил:

— Ищите у вокзала.

Старшим воинским начальником оказался командир батальона. Минувшим вечером он первым вошел в Псков. Нахимсон прочел, переводя на немецкий, удостоверение Баландина. Услышав имя Ленина, командир батальона воскликнул:

— O, o!

Трудно было понять, что это означало. Но всем своим поведением немецкий офицер выказал удовольствие, что оказался в роли человека, неожиданно причастного к межгосударственным делам. Офицер пригласил курьера и переводчика сесть.

— Мы уполномочены передать наш пакет германскому воинскому чину в ранге не менее чем командующий армией,— на ходу сочинял Баландин.— При этом мы должны получить его согласие и обязательство самым срочным образом доставить послание Советского правительства в Берлин.

Баландин говорил медленно, выбирая слова, которые могли звучать достаточно дипломатично. Нахимсон последовательно переводил, придавая своей речи на немецком еще более дипломатические оттенки.

Подумав, немецкий офицер ответил:

— Вы отправитесь в Режицу к командиру корпуса. Если он сочтет необходимым, вы поедете дальше. Железнодорожный путь во многих местах взорван... Так вот, лучше ехать на автомобиле. Я позабочусь об этом. Полагаю, часа через полтора вы сможете продолжить свои обязанности. А сейчас не желаете ли выпить со мной по чашке кофе?

Немецкий офицер явно хотел произвести впечатление на «красных».

Курьер и переводчик приняли приглашение. Прошли в другую комнату. Нахимсон занял место рядом с командиром батальона. Соседом Баландина оказался другой немецкий офицер. Как выяснилось, он знает русский.

— В вашем пакете согласие большевиков подписать с нами мир? Так вот, никакого мира! Мы почти у стен

Петрограда. Было бы безумием, если бы из Берлина нам приказали остановиться,— сказал сосед Баландина.

— Господин офицер, слава богу, что вы не служите в дипломатическом ведомстве,— сдержанно отозвался Баландин.

— Да, я военный... С кем мир? С нарушителями прав и законов?!

— Как военный, вы должны понимать, что мир нужен вам не менее, чем нам. Сегодня вы имеете возможность наступать. А почему, собственно? Не потому ли, что наши бывшие союзники на Западе ждут, чтобы мы сцепились друг в друга: Германия и большевистская Россия. Чтобы потом прийти и навязать всем свою волю. Без мира с Россией Германии никак нельзя. Я так понимаю. А насчет «нарушителей законов» — что вам сказать? Мы привыкли к таким словам. «Медведи, волкоподобные существа с кинжалами в зубах» — не такими ли нас рисуют? Так вот, скажу вам по секрету: один такой экземпляр перед вами, здесь.

Немецкий офицер сделал гримасу.

— Да, да, здесь! Он разговаривает с вашим командиром. Товарищ Нахимсон — большевик с многолетним партийным стажем. За революционную работу в армии он был в свое время приговорен очень усердными охранителями законов — русскими жандармами — к смертной казни. Правда, заочно, ибо изловить его не успели. Он бежал за границу. Голодал. Читал Маркса и Гете. Между прочим, у него диплом доктора наук.

— Большевик — доктор наук?!

Этого немецкий лейтенант понять никак не мог.

Беседу прервал дежурный офицер. Он сообщил командиру батальона, что пришел какой-то русский генерал, просит принять его.

— Пусть войдет.

В дверях показался генерал в полной парадной форме. Став во фронт, он без промедления, торжественно возгласил:

— В лице господина командира батальона приветствую кайзера Вильгельма и всю немецкую армию, как спасителей России от большевистских захватчиков. Мы уверены, что победители несут в Россию закон, право, справедливость. А потому нижайшее заверение в поддержке со стороны русского офицерства...

Но тут генерал заметил, что за столом сидят не только немцы. «Кто такие?» — недоумение отразилось на лице генерала.

— Я понял вас,— ответно кивнул немецкий офицер.— Но сейчас, господин генерал, я занят с представителями большевистского правительства из Петербурга...

Генерал, не дослушав, пулей выскочил за дверь.

...В Режицу приехали вечером в сопровождении немецкого офицера и солдата. Аудиенция у командира корпуса. И снова в путь. Утром 26 февраля — Двинск. Пакеты вручены командующему армией. Он тут же отправил их в Берлин.

Утром 27 февраля пришел ответ. И снова — в путь. Теперь — в обратный.

На станции Остров Баландин и Нахимсон встретили советскую дипломатическую делегацию, направляющуюся в Брест-Литовск. Чичерин, Петровский, Карахан... Значит, все в порядке! Значит, Берлин получил и радиосообщение, и официальный документ за подписью Ленина. Мир, долгожданный мир близок!

Г. В. Чичерин расспрашивал Нахимсона и Баландина, как передали они пакет, что видели на пути до Двинска.

Снова экстренный поезд. Станция Торошино... Луга... Здесь Баландин и Нахимсон расстались: 12-я армия уходила на Тверь, и Нахимсон поехал догонять свой армейский комитет.

Утром 1 марта Василий Баландин был уже в Смольном.

— Задание выполнено! — доложил он главковерху Крыленко.

Два дня спустя Чичерин поставил в Бресте подпись под мирным договором с Германией.

Вспоминая февральско-мартовские дни 1918 года, Георгий Васильевич Чичерин писал, что «Советское правительство сознательно шло на тяжелые испытания... зная, что рабоче-крестьянская революция будет сильнее империализма и что передышка означает путь к победе». Так и случилось. И нам особенно дорого все то, что напоминает о делах и людях, что были рядом с Лениным в те драматические дни, исполняя его чрезвычайные поручения.

С БЕЛЫМ ФЛАГОМ ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА

•
Д. П. КОРОТКОВ

Как только было сброшено Временное правительство, я, в недавнем прошлом рядовой царской армии, пробрался в Петроград, откуда Революционный комитет направил меня в Кронштадт, в распоряжение штаба Балтийского флота, а оттуда на корабль «Народоволец», который стоял на охране города и крепости. Так началась моя служба на флоте.

Как-то поехал я в Петроград навестить мать, которую видел редко и которой вез буханку белого хлеба. Невиданная в то время роскошь! Ведь и черного хлеба давали тогда по четвертушке или полфунта, да еще к ржаной муке примешивали всякое. Мать работала в Смольном уборщицей в столовой и рассказала о привезенном хлебе своей заведующей. И вот обе женщины, знавшие о скудном питании не только народных комиссаров, но и самого Владимира Ильича Ленина, решили эту буханку отдать в столовую.

Когда буханка лежала на прилавке, в столовую вошел Владимир Ильич и сразу обратил на нее внимание. Он знал, что белому хлебу обычным путем появиться было неоткуда (весь белый хлеб, по его же распоряжению, поступал в больницы, госпитали и детям), и спросил:

— Откуда белый хлеб?

Ему рассказали, что из Кронштадта приехал сын уборщицы и привез свой паек матери, а та отдала хлеб в столовую.

В. И. Ленин попросил меня вызвать и, поздоровавшись, спросил:

— Это вы привезли хлеб?

— Я,— отвечаю.

— А откуда у вас белая мука?

Я объяснил, что когда наши корабли прибыли из Гельсингфорса в Кронштадт, то у нас оказалось немного белой муки, и командование распорядилось испечь и раздать матросам белый хлеб.

Немного подумав, Ильич распорядился отдать белый хлеб детям. Потом поинтересовался, какую службу несут в Кронштадте? Я ответил, что охраняем Петроград и крепость, охраняем порядок, выполняем задания штаба. Владимир Ильич на прощание крепко пожал мне руку и пожелал всяческих успехов.

После переезда правительства в Москву туда переехали мать и все мои близкие. Младший брат Борис работал в приемной Ленина, сестра Полина — в канцелярии Совнаркома. Жили в Вознесенском монастыре в Кремле. Туда же вскоре переехал и я. В Кремле познакомился с товарищем Половинкиным, служившим в охране В. И. Ленина. Попросил устроить на работу. Он обещал и уже на второй день сказал, чтобы я зашел в отдел кадров Наркоминдела.

Вскоре я был назначен пограничным комиссаром НКВД станции Белоостров.

На меня сразу свалились новые обязанности, о которых я не имел до сих пор ни малейшего понятия. Надо было контролировать деятельность таможи, принимать прибывавших через советско-финляндскую границу наших политэмигрантов, помогать в обмене военнопленными, не пропускать в нашу страну всякие контрреволюционные элементы.

Особенно большие хлопоты причиняли выезжавшие за границу. Это был разный народ, в основном ярые антисоветчики, авантюристы и спекулянты. Отбирали у них произведения искусства, драгоценности, валюту, которую те пытались вывезить за границу. У этих господ не было ни чести, ни совести. Лгали при таможенном досмотре, прятали ценности, обманывали в декларациях, составляемых при переезде границы. У одной иностранной артистки нашли несколько десятков золотых колец и драгоценных перстней, запеченных в булку, у другой — музейную картину под подкладкой пальто. А офицеры какой-то англо-американской миссии, направлявшейся с Кавказа, запрятали планы некоторых военных объектов под стельки ботинок.

Были мы тогда неопытны, доверчивы, и, конечно, многое не было обнаружено, немало народного добра уплыло за границу. Многие пришлось повидать на пропускном пункте Белоострова. Я как бы познал изнанку «буржуа», всю грязь и низость этих людей.

...Положение на советско-финляндской границе обострялось с каждым днем. В начале июня 1919 года один агрессивный акт белофиннов следовал за другим. Финские войска кое-где даже вторглись на территорию Карелии (тогда Олонецкой губернии). С финляндской границы почти каждый день вели артобстрел то одного, то другого участка нашей территории; начались обстрелы Белоострова. Содержать пропускной пункт в таких условиях было невозможно, и он был закрыт. Я вернулся в НКВД, где получил назначение на работу дипкурьером.

В те времена дипкурьеры, как правило, ездили без сопровождающих. Это значило, что от почты нельзя было отойти ни на минуту. Возили не только почту, но и другие ценности.

Первые мои рейсы были на Украину. Во время наступления денкинских войск на Киев пришлось сопровождать ценности и архивы, эвакуировавшиеся из Киева.

Поезда почти не ходили, плыли на барже с маленьким пароходом по рекам. Было нас двое. Я и А. А. Машицкий, работавший тогда в представительстве НКВД в Киеве (потом он долгое время был секретарем партийной ячейки НКВД). Рейс был трудным, изобиловал довольно опасными приключениями, но закончился благополучно.

Приходилось возить почту в товарных холодных, неотапливаемых вагонах, на бронепоездах, на паровозах и просто доставлять пешком. Самое тяжелое было то, что ездили дипкурьеры в одиночку.

Осенью 1919 года после долгих и трудных переговоров было заключено соглашение между российским и польским обществами Красного Креста о взаимной передаче гражданских пленнх. В Варшаве было учреждено представительство Российского Красного Креста во главе с Юлианом Мархлевским, на которое возлагалось решение всех вопросов, касавшихся передачи пленнх.

Представительство получило право посылки своей почты, применение шифра и гарантию польского прави-

тельства о полной неприкосновенности наших представителей. Такая гарантия была особенно необходима после злодеяния, учиненного в Польше в январе 1919 года над делегатами Красного Креста, когда белополяки расстреляли четверых или пятерых представителей этой гуманной общественной организации.

Советско-польская граница была, по существу, на военном положении. Железнодорожное сообщение прервано, пограничные мосты разрушены, стояла наготове артиллерия. В воздухе пахло войной. И вот в этих условиях я получил задание доставить почту представителю нашего Красного Креста товарищу Мархлевскому.

До передовой линии по границе я доехал на бронированном паровозе. А дальше, как условились с польским командованием, я должен был перейти расположение польских войск и затем снова ехать, уже на польском поезде. Пропуском служил белый флаг, который я должен нести при переходе линии фронта.

Не помню уже, где я сошел с паровоза, привязал белую салфетку на палку и в сопровождении двух красноармейцев и командира двинулся по направлению к польской линии.

Навстречу шли белополяки. Нарядный усатый польский подпоручник, похожий на персонаж из какой-то оперетты, как-то картинно завязал мне глаза, и я пошел через фронт. Польский жолнеж (солдат) вел меня под руку. Путешествие продолжалось с полчаса. Наконец опереточный офицер снял повязку, и меня подвели к стоявшему под парами паровозу. На нем доехали до какой-то станции, где я и пересел в пассажирский поезд.

Почта была доставлена.

Обратный путь оказался сложнее. Сначала белополяки заявили, что паровоза у них нет, — собственно, есть, но его надо ремонтировать, на что уйдет много времени. С большим трудом уговорил железнодорожное начальство дать дрезину, на которой кое-как и доехал до передовой.

Пока шли все эти переговоры, подошла ночь. Польский офицер неожиданно заявил, что на передовой он держать меня не может и я должен идти к своим сейчас же. Снова завязали глаза. Мороз стоял градусов 25—30. Дороги не знаю. Но делать было нечего. Со мной пошел жолнеж, который, как только мы отошли, показал

направление, куда идти, снял повязку и ушел к себе. Я остался в поле один.

Прошел километра три. Темно, холодно. Стал мерзнуть. И вдруг недалеко вижу силуэты нескольких, как мне показалось, крупных собак. «Откуда они тут? — мелькнула мысль. — А что, если это волки?» Револьвер, бывший со мной, едва ли мог спасти. Медленно бреду дальше. Звери стоят неподвижно; словно светлячки горят зеленые немигающие глаза. Вдруг...

— Стой, кто идет? — слышу окрик.

— Свой, диккурьер, — отвечаю.

— Курье-еер, — протянули из темноты недоверчиво. — А не шпион, часом? Стой, ни с места!

Я пытался объяснить, кто я, но мне не верили. Так и пришлось стоять под прицелом красноармейцев, пока не явился командир и не вызволил меня.

Трудно было возить тогда почту и в Эстонию. После пограничного пункта в Ямбурге (ныне Кингисепп) ехать дальше до Нарвы надо было на подводе (железные дороги бездействовали), а от Нарвы, если повезет, добраться до места на поезде.

Однажды, когда я и один из членов нашей делегации ехали в город Юрьев (Тарту) в товарном вагоне, у него загорелись буксы. От ветра пламя быстро разгорелось, занялся и пол вагона. Никакой сигнализации, чтобы остановить поезд, не было. Я несколько раз выстрелил в воздух, полагая, что, может быть, машинист услышит и остановит состав. Но разве услышишь хлопки браунинга на паровозе при лязге и грохоте мчащегося поезда? Поезд шел под уклон все быстрее. Пламя полыхало, начала гореть и стенка вагона.

Что делать? Решили выпрыгнуть на ходу с риском разбиться — это все же лучше, чем сгореть заживо. Сначала нужно было сбросить мешки с почтой, а затем прыгать самим. Ситуация, что и говорить, не из приятных. Всякое случалось, но прыгать из горящего вагона еще не доводилось...

Говорят, что пожар особенно страшен на море. Возможно, это и так, испытать не пришлось, хотя я и много плавал. Но пожар в быстро идущем поезде, когда сидишь, как в клетке, в горящем товарном вагоне, тоже страшное дело.

Подошли к двери. Мимо мелькали дорожные будки, телеграфные столбы, деревья. Надо прыгать...

Но тут нам показалось, что пламя немного уменьшилось. Мы вылили на горящий пол два ведра воды, которую брали в дорогу. Стали сбивать пламя брезентовыми мешками. Вскоре, к счастью, поезд замедлил ход, остановился на разъезде. Подбежавшие люди помогли погасить огонь.

Долго не мог я прийти в себя после этой поездки.

* *
*

Вскоре меня назначили дипкурьером при генеральном консульстве СССР в Харбине; в мои обязанности входило развозить дипломатическую почту в наши консульства в Мукдене, Цицикаре, Дальнем.

Работа в этом районе была особенно трудна и опасна тем, что весь северо-восток Китая кишел русской белогвардейщиной, бежавшей из России после разгрома Колчака, остатками банд барона Унгерна, Семенова и прочих главарей контрреволюции; добавьте к этому и полчища чжанцзолиновских головорезов.

Белогвардейцы, озверелые в своей ненависти к советским людям, готовы были на все. Помню, как однажды, когда я пошел ужинать в вагон-ресторан, кто-то вывернул замок в моем купе, полагая, что я окажусь таким образом ночью совершенно незащищенным. С волками жить — по-волчьи выть! Пришлось незаметно вывернуть замок в соседнем купе и запереться изнутри. Ох и разъярились мои «опекуны»! А ночью все же попытались открыть дверь при помощи железнодорожных ключей. Но ручку двери, как всегда, я привязал ремнем изнутри.

В конце 1926 года мы были предупреждены о необходимости особой осторожности. За нами явно шла охота. Я постоянно видел одного и того же белого офицера, который буквально следовал за мной по пятам.

Впервые я встретил этого типа на улице в Харбине.

Навстречу шли два японских солдата с карабинами наперевес. С ними офицер-белогвардеец.

— Стой! Руки вверх! Документы!

— В чем дело? Вот мой дипломатический паспорт. Рук я, конечно, не поднял. Белогвардеец, взглянув на паспорт, грозно спрашивает:

— Почему не поднял руки, когда приказывают?

— Вы, кажется, русский? — с иронией спросил я у белогвардейца?

— Да, русский.

— Так где же вы видели, чтоб русский человек поднимал руки перед японцами? Разве не помните историю с «Варягом»? — сказал я.

Белый смутился, ничего не ответил, и с тем мы разошлись.

Второй раз я встретил этого белогвардейца, когда ехал в Харбин с почтой. Он вошел в полупустой вагон с какими-то вооруженными людьми. Было ясно, что-то затевается.

Так как поезд еще не тронулся, я быстро сошел, доехал до мукденского консульства и рассказал об этих «встречах» нашему консулу В. И. Шеншеву. Сразу сообщили в Харбин, в наше генеральное консульство, откуда получили подтверждение о готовящихся провокациях и необходимости быть настороже. Вскоре был совершен бандитский налет на наше полпредство в Пекине.

ПЕРВЫЕ ПОЕЗДКИ

•
А. Г. УМБЛИЯ

Я горд тем, что мне, одному из рядовых ленинской партии, пришлось не только наблюдать первые дни и месяцы жизни советской дипломатии, но и принять личное участие в ее становлении. Довелось быть в непосредственной близости к руководству Народного комиссариата иностранных дел, принимать участие в первых дипломатических переговорах, помогать устраивать в Москве первых иностранных дипломатов, возить дипломатические документы и близко наблюдать каждодневную деятельность внешнеполитического аппарата рабоче-крестьянского государства. Я долго был секретарем партийной ячейки наркомата.

Многое забыто, но многое припоминается, хотя время стирает детали, засыпает пылью яркие краски тех далеких, великих дней.

НАЧАЛО ПУТИ

Я родился в 1891 году в лифляндской части Эстонии на хуторе Тальная мыза, где родители, сами безземельные, арендовали у ливенского помещика фон Анбрепа 7 десятин очень плохой земли и кое-как сводили концы с концами. Учение мое было такое: сначала сельская школа, затем двухклассное училище, потом прогимназия и, наконец, четвертый класс гимназии в Тарту.

«Стоимости» среднего образования я не выдержал. Плата за учение была не по карману родителям, и в 1912 году пришлось гимназию бросить и поехать на работу в Петербург, к брату. Устроился на Невской ниточной мануфактуре. Но недолго пришлось там работать.

За участие в бойкоте выборов в больничную кассу, организованных администрацией, с фабрики вытурили. А потом — то один, то другой завод. Февральская революция застала меня на заводе «Сименс-Шуккерт» (ныне «Электросила»).

К 1917 году на заводе сложилась довольно большая партийная большевистская организация. Вспоминаю Умблия Иоганна — члена партии с 1904 года. Умблия Андрея — с 1905 года, Тыласепа и Крумавича — с 1914 года. Были члены партии не только в цехах, но и в больничной кассе, и в главной конторе. Хорошо помню Сергеева — Артема, который после Октября стал секретарем организации Василеостровского района. Группа оказывала большое революционное влияние на рабочих нашего завода.

В феврале 1917 года наш завод забастовал первым, и рабочие вышли на улицу. Мы увлекли за собой рабочих гвоздильного и Балтийского судостроительного заводов. Это было время митингов, жаркого столкновения мнений, взглядов, интересов.

После Февральской революции у части эстонцев, принадлежавшей к заводской администрации и высокооплачиваемым рабочим, появились националистические и даже шовинистические настроения. В эстонском клубе и на заводе шли споры о будущем Эстонии. Мы говорили о рабочей Эстонии, неразрывно связанной с рабоче-крестьянской Россией, а другие проповедовали «самостоятельную республику». Но как маленькая страна, почти без промышленности, сможет существовать? Да и кому будут служить ее армия, ее чиновники? — спрашивали мы. — Не получится ли, что она станет жить на займы у крупных держав и таким образом превратится в разменную монету империалистов?

В июльскую демонстрацию рабочие завода «Сименс-Шуккерт» шли во главе колонны Васильевского острова. После расстрела демонстрации солдатами Керенского стало очевидно: контрреволюция поднимает голову. На заводе приступили к организации отряда Красной гвардии.

В октябрьские дни красногвардейцы завода принимали участие во взятии Зимнего. А потом, когда к Петрограду рвались вызванные Керенским с фронта войска, чтобы расправиться с революцией, большая часть наших

красногвардейцев была направлена на защиту Петрограда.

Я был в отряде, который действовал на линии Среднее Ракитино — Красное село — Гатчина. Там довелось увидеть генерала Краснова, захваченного революционными войсками в плен. Краснова отпустили на свободу под честное слово офицера. Но слова своего, как известно, он не сдержал.

Отряду красногвардейцев завода «Сименс» под руководством матроса Николая Маркина сразу после штурма Зимнего было дано задание захватить министерство иностранных дел, а затем стать на его охрану. Сначала пришлось охранять пустое здание — буржуазные чиновники не признавали Советской власти, рассчитывая, что своим саботажем они будут способствовать ее падению. На работе остались только два чиновника: Леман и Петров, два вахтера, столяр и упаковщик. Почти все чиновники МИДа, работавшие при Временном правительстве, отказались сотрудничать с большевиками.

ЦК партии послал в министерство старого большевика И. А. Залкинда, который вместе с Н. Г. Маркиным занялся учетом имевшихся в министерстве документов и ценностей. Сначала мы несли только охрану. По существу, деловой работы в первые дни в министерстве не было.

Вся дипломатическая работа велась тогда в Смольном, под непосредственным руководством В. И. Ленина. Когда Г. В. Чичерин возвратился из эмиграции, он был сначала назначен товарищем (заместителем), а с 30 мая 1918 года народным комиссаром по иностранным делам; тогда и развернулась практическая работа НКВД. Постепенно формировался аппарат. После подписания Брестского мирного договора одним из заместителей наркома по иностранным делам был назначен Л. М. Карахан. Затем образовался небольшой секретариат Чичерина; постепенно создавались отделы — виз и паспортов, Востока, хозяйственный и другие.

После переезда правительства в Москву Наркомат по иностранным делам сначала разместился в двух зданиях: в особняке Тарасова на Патриарших прудах и в особняке Рябушинского на Малой Никитской, а для Г. В. Чичерина отвели две комнаты на втором этаже гостиницы «Европа» (на Неглинной улице). Там же обосновался

небольшой отряд из шести красногвардейцев для его охраны и для поручений.

В середине апреля 1918 года наркомату выделили часть гостиницы «Метрополь». Осенью 1921 года наркомат переместился в дом бывшего страхового общества «Россия» на Кузнецком мосту.

Постепенно красногвардейцев завода «Сименс-Шукерт», ставших на охрану Наркоминдела, стали привлекать и для других дел. Вспоминаю первый свой «дипломатический выход».

Согласно Брестскому мирному договору в Москве надлежало принять и устроить помимо немецкого также турецкое и болгарское посольства. И вот красногвардейцу Умблия дали задание в течение суток найти особняк, годный для турецкого посольства, привести его в порядок и соответствующим образом обставить. Дали мандат на право конфискации дома.

На другое утро задание я выполнил. Особняк был найден в Шереметевском переулке (ныне улице Грановского). Нашлись там хорошие ковры и картины. Когда все было расставлено и размещено и лестницу устлали ковровой дорожкой (мне помогали дворники шереметевских домов), помещение стало выглядеть нарядно и уютно.

Утром секретарь Карахана представил меня турецкому послу как сотрудника Наркоминдела, сказав при этом, что мне поручено помогать турецким дипломатам в бытовых делах. Я, красногвардеец, бывший питерский рабочий, принял турецкого посла, как гостеприимный хозяин, и показал новое жилье. Посол остался очень доволен.

Когда через день я зашел к туркам, то посол попросил показать им город. Погуляли по Петровке и Кузнецкому мосту и, по просьбе посла, зашли в ресторан «Славянский базар». Пообедали, даже напоследок выпили шампанского. При оплате счета получился конфуз. Я полагал, что мне, как большевику, не к лицу угощаться за счет турецкого султана, и хотел уплатить свою долю счета. Но тут военный атташе, который сидел рядом, удержал меня, сказав, что я гость господина министра. После некоторого препирательства мне пришлось уступить. Так я узнал, что посла именуют еще и министром.

Я очень сокрушался, что позволил себе есть и пить за счет буржуазии. Дрожжа, рассказал об этом Карахану. Он весело посмеялся над злополучным происшествием.

ПЕРВЫЕ ПОЕЗДКИ С ДИППОЧТОЙ

В конце апреля того же 1918 года мне впервые пришлось совершить два рейса в Курск как курьеру с дипломатической почтой. В Курск, находившийся на нашей стороне разграничительной линии, прибыла советская мирная делегация для переговоров с правительством гетмана Скоропадского. Несмотря на выданный мандат, где от имени Совнаркома говорилось, что мне разрешается ехать во всех поездах, требовать экстренного паровоза, подавать всякие телеграммы и прочее и прочее, а военным и гражданским властям предлагалось оказывать полное содействие, поездка в Курск была нелегким делом. Поезда ходили кое-как, они были забиты до отказа, люди ехали на крышах, буферах и подножках.

Особенно памятной была первая поездка. Поезд прибыл на станцию Курск поздно вечером (дело было в пасхальную ночь). Город находился примерно в двух километрах от станции. Извозчиков на станции не оказалось. Дежурный по вокзалу посоветовал обратиться к начальнику станции, в распоряжении которого имелись лошади. Начальник станции, какой-то старый железнодорожный чиновник, пренебрежительно отнесся к предъявленному мандату и заметил, что, во-первых, у них, в Курске, «имеется свой Совнарком», а во-вторых, никаких лошадей нет. Только после того как ему был «предъявлен» наган, лошадей нам подали.

В конце мая 1918 года меня послали в Берлин в качестве дипломатического курьера с очень ответственной почтой. На станции Молодечно в наше купе вломился какой-то немецкий офицер и потребовал немедленно освободить купе. Он, конечно, не мог не видеть надпись на дверях: «Русские дипломатические курьеры». Как вскоре выяснилось, он был вдребезги пьян.

Офицер продолжал буянить. Надо было что-то предпринимать. Мы знали случаи, когда вражеские разведчики под видом «пьяных» затевали провокационные драки, чтобы похитить почту.

Но к кому обратиться за помощью? Всюду чужие. Решили просить помочь коллег по профессии. (В вагоне ехали немецкие дипломатические курьеры.) Один из них бегом бросился на вокзал, к немецкому военному коменданту. Мы не знали, что говорил коменданту немецкий курьер, но скоро в вагон вошли патрульные и офицера увели. Дипломатическая почта была благополучно доставлена в Берлин.

В июне 1918 года началась регулярная дипкурьерская связь между Наркоминделом и нашими дипломатическими миссиями в Германии и в Швейцарии. Но эта связь просуществовала недолго. В начале ноября с диппочтой и багажом в Берлин направили Богданова. Там носильщик «уронил» на перрон ящик с багажом Богданова, и оттуда выпала часть почты, в том числе газеты и журналы для работников посольства. Полиция, конечно, объявила это «пропагандой». Это послужило поводом к разрыву дипломатических отношений, установленных Брестским мирным договором.

Капиталистическая реакция делала все, чтобы обострить отношения с рабоче-крестьянской Россией.

МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ С ЭСТОНИЕЙ

Год 1919-й был очень тяжелым для Советской власти. Вокруг Москвы сжималось кольцо белогвардейщины. Большевицкая партия посылала лучших своих людей на фронт. Будучи секретарем партийной организации НКВД, мне приходилось принимать участие в мобилизации.

В первых числах сентября я обратился в районный комитет партии с просьбой послать меня на фронт и вскоре получил направление: на Юго-Восточный! Сдал дела, собрал вещи в дорогу... Но накануне отъезда, поздно вечером, в номер «Метрополя», где я жил, позвонили из НКВД и сказали, что мне нужно утром явиться в наркомат.

В секретариате наркома мне объявили, что через несколько дней начнутся переговоры с Эстонией и я назначен сотрудником делегации.

Это было неожиданно...

15 сентября 1919 года советская делегация во главе с Л. Б. Красиным выехала из Москвы в Псков.

Л. Б. Красин, старый революционер, блестяще образованный инженер, тогда только начинал свою дипломатическую деятельность, так плодотворно развернувшуюся в последующие годы. Работать с ним было хорошо и просто.

Через день в Псков приехала эстонская делегация. Командование фронтом отвело для обеих делегаций гостиницу «Лондон» — лучшую в городе. На лестницах были ковровые дорожки, а в столовой-ресторане — даже невесть как сохранившиеся пальмы в огромных кадках. Когда эстонцев попросили к столу, они пришли со своими тарелками и окороками, а нашли, к своему великому конфузу, прекрасно сервированный стол.

Первая встреча, как известно, была безрезультатной. Эстонская делегация, сославшись на то, что у нее нет договоренности с другими балтийскими государствами — Латвией и Литвой и что поэтому она не имеет возможности принимать ответственные решения, уехала из Пскова. В то время велись и переговоры об обмене военнопленными между Англией и Советским правительством. С большим трудом удалось достигнуть соглашения о посылке в Копенгаген советского представителя, который там встретился бы с английским и обсудил вопросы, связанные с обменом военнопленными.

Представителем РСФСР был назначен М. М. Литвинов. По договоренности с датчанами маршрут Литвинова пролегал через Эстонию, а затем морем в Копенгаген. Вместе с ним ехали две сотрудницы НКВД.

Мне было предложено сопровождать миссию Литвинова до города Юрьева (Тарту) и оттуда вернуться в Москву. Фронт перешли под Псковом. С нами было еще восемь английских военнопленных, которых надлежало передать английским властям. По прибытии в Эстонию нас встретил секретарь эстонского МИДа Томингас и сопровождал до Тарту. Нам отвели двухэтажный особняк на Веске (Мельничной). В этом доме впоследствии размещалась наша мирная делегация.

Вокруг «страшных большевиков» увивался целый рой репортеров различных газет. Когда мы с Томингасом ходили по городу, он попросил меня зайти с ним в какое-то кафе, чтобы познакомиться с журналистами, на что я не согласился. Подошел знакомый Томингаса и тоже стал просить что-то вроде интервью, но я и ему

отказал. Но ответил на один вопрос о положении на фронтах, сказал, что Красная Армия гонит белогвардейцев. На другой день в эстонской газете появилась небольшая заметка о том, что, со слов Умблия, белогвардейская армия терпит поражение. Узнав об этой заметке, М. М. Литвинов предупредил меня, чтобы я впредь воздерживался от разговоров с журналистами, так как они всегда стараются извратить сказанное: данный случай являлся редкостью.

Тарту... Здесь я жил и учился. Хотелось посмотреть, как теперь выглядит город. Томингас очень любезно заверил меня, что я могу заходить к кому угодно. По своей тогдашней наивности я ему поверил и не проследил, «гуляет» ли за мной кто-либо или нет. Зашел в последнюю, где я жил, квартиру, но прежних хозяев там уже не было. Потом узнал, что одни старые знакомые живут недалеко за городом в бывшем имении. Отправился туда пешком, никакой слежки за собой не заметил. Встретились, поговорили, вспомнили старое. Все как будто бы хорошо. Но когда в декабре после заключения перемирия захотел к ним зайти вновь, то, увидев меня в окно, они умоляли, чтобы я даже близко не подходил.

В чем же была причина?

Оказалось, что после моего посещения в ноябре к ним сразу же явилась полиция и произвела обыск, перевернув все вверх дном.

Можно было только горько сожалеть о причиненной людям неприятности. В дальнейшем, когда я работал в советском полпредстве в Таллине, то уже вел себя так, чтобы ни один шпик не мог установить со мной «знакомства».

М. М. Литвинов перед отъездом в Копенгаген (через Таллин) заготовил сообщение в Москву о результатах переговоров с эстонцами. Передав его мне для срочной доставки в НКВД, он предупредил о необходимости особой сохранности пакета.

Вскоре после отъезда Литвинова за мной заехали эстонские офицеры, и мы отправились к станции Изборск, где был намечен переход линии фронта, но опоздали к установленному времени. Однако начальник участка, эстонский офицер, предложил все же переходить фронт (впрочем, всю ответственность он с себя снимал). Чтобы вовремя доставить важное сообщение, я согла-

сился. Мне дали солдата, вручили ему белый флаг, запрягли сани, к дуге также прикрепили белую тряпку и двинулись в путь. Остановились у самых наших окопов, перед колючей проволокой.

Видимо, ожидавшие нас, красноармейцы стрелять не стали, и я благополучно поехал дальше. В Пскове стоял выделенный для делегации салон-вагон. Но не было паровоза. К счастью, на следующий день на Москву должен был пройти поезд главкома С. С. Каменева. Я получил его разрешение на прицепку вагона и вскоре прибыл в Москву. Сообщение Литвинова было доставлено вовремя.

В начале декабря мне снова пришлось в числе сотрудников нашей мирной делегации поехать в Тарту. И на сей раз не обошлось без приключений. Подъезжая к станции Дно, глава делегации Л. Б. Красин позвал всех нас в салон на совещание. Тут выяснилось, что секретарь делегации Н. Н. Клышко не знал, что для ведения мирных переговоров необходимы письменные полномочия. Красин связался по телеграфу с Кремлем. Говорил он с В. И. Лениным. Владимир Ильич сообщил, что требуемые полномочия будут немедленно высланы с особым курьером. Условились, что во избежание изменения сроков начала переговоров весь состав делегации, кроме одного, переходит фронт, как условлено, 4 декабря, а один из сотрудников останется в Пскове; будет там ждать приезда курьера из Москвы. Было решено, что в Пскове остаюсь я и перехожу границу на следующий день — об этом будет дано знать по обе стороны фронта. Красногвардеец с мандатами прибыл в Псков рано утром. Документы я зашил под подкладку жилета.

Военное командование доставило меня до эстонской границы. Привезли в какой-то деревенский домик. Отвели отдельную комнату и сказали, что, пока не будет указаний высшего начальства, я останусь здесь. У дома поставили солдата с винтовкой. Вечером зашли офицеры, и мы мирно побеседовали. Часовой у дверей дома... Я понял, что меня держат, по существу, под домашним арестом. И хотя я не очень тревожился (мое местонахождение было известно в Москве, и, в случае чего, конечно, там бы приняли все меры), положение было не из приятных.

На другой день вечером зашел офицер. Попросил

срочно одеться. Добрались до станции. Через несколько часов мы уже были в Тарту.

Потом мне рассказали, что на первом же заседании конференции Л. Б. Красин сделал заявление: на эстонской границе остался сотрудник советской делегации Умблия, у которого находятся полномочия делегации, и поэтому необходимо обеспечить его прибытие в Тарту.

Во время переговоров эстонская делегация предъявила большие денежные и территориальные претензии. Отправляясь во время перерыва переговоров в Москву, я взял с собой несколько экземпляров заверенной обоими секретарями стенограммы заседания, где были зафиксированы эстонские претензии, и ознакомил с ними эстонских пограничных офицеров.

На очередном заседании эстонская делегация обвинила меня в том, что я веду противэстонскую агитацию. Однако им было заявлено, что передвижение сотрудников нашей делегации производится под наблюдением и контролем должностных лиц Эстонии, и если эти лица вступают в разговор с нашими сотрудниками, которым приходится отвечать, то это не может быть квалифицировано как пропаганда.

Эстонские пограничные офицеры, не зная правды, как-то высказали свое возмущение нами. Я разъяснил, что не мы предъявляем Эстонии необоснованные претензии, наоборот, советской стороне предъявляют совершенно несуразные требования, в том числе о 50-миллионных репарациях золотом, о границах по реке Неве и прочее.

Когда пограничники ознакомились со стенограммой заседания, они поняли, что их обманывают. Я считал, что такая информация на пользу делу.

В начале 1920 года был заключен мирный договор с Эстонией. По условиям мирного договора в обеих столицах на взаимных основах учреждались миссии. В Таллине учреждалось представительство Центросоюза РСФСР с дипломатическим статусом, а в Москве — эстонская репатриационная комиссия.

Главой нашей миссии в Таллине был утвержден Гукровский. Меня назначили сотрудником миссии. Эстонская охранка несколько раз подсылала к нам провокаторов и шпииков, которые, назвав себя коммунистами, просили помочь им переправиться нелегально в Россию.

Эстонская охранка в Таллине усиленно «ухаживала» за нами, и часто приходилось играть со шпиками в прятки. Очень хотелось повидать некоторых своих знакомых, но, помня случившееся после моего первого визита к знакомым в Тарту, я понимал, что подводить людей нельзя. Приходилось действовать крайне осторожно.

Все же «игра» со шпиками привела к тому, что министр иностранных дел Эстонии попросил советского посла Гуковского о моем отъезде из Эстонии, и в начале марта 1920 года я вернулся в Москву, где был назначен заведующим отделом виз и паспортов наркомата. Больше мне уже не пришлось возить дипломатическую почту.

А теперь страничка воспоминаний о В. И. Ленине.

В первый раз я слышал Владимира Ильича 1 мая 1917 года на Марсовом поле в Петрограде. Слышал и его выступление у особняка Кшесинской. В Москве же, когда я работал шифровальщиком-секретарем наркома и сопровождал Г. В. Чичерина на заседания Совнаркома, мне часто приходилось видеть и слышать В. И. Ленина. Давала мне эту возможность и работа секретарем партячейки НКВД.

А в июле 1918 года, во время мятежа левых эсеров, мне довелось выполнить поручение Владимира Ильича. Когда начался мятеж, я находился в Большом театре на происходившем там съезде Советов, и, как только стало известно, что убит германский посол Мирбах, я помчался в Кремль, полагая, что там, наверное, находится Чичерин и могут быть поручения.

Предъявив свой постоянный пропуск в здание Совнаркома, я прошел в секретариат Ленина. Здесь меня встретил Л. М. Карахан и просил никуда не уходить. Пробыл там почти до 12 часов ночи. Много раз открывалась дверь кабинета Владимира Ильича, и я слышал доносившийся оттуда разговор. В эти часы пульс рабочего правительства был особенно напряженным. Непрерывно раздавались телефонные звонки, отправлялись телеграммы, входили и выходили народные комиссары.

Наконец вышел Карахан и подал мне пакет. Он попросил немедленно поехать на Знаменку в военный комиссариат и отдать пакет (в нем было письмо Ильича) по назначению. Кроме того, меня просили проверить все посты от Знаменки до посольства.

Когда мы выехали из Троицких ворот, нас остановил находившийся тогда в Москве венгерский революционер Бела Кун и радостно сказал:

— Все хорошо идет. Наши уже выгнали мятежников из почтамта!

На обратном пути проверяли посты. В каждом по 4—5 красногвардейцев. Все были начеку.

Еще одно поручение Владимира Ильича я выполнил в конце апреля 1919 года. После установления в Венгрии Советской власти в Москву приехал Тибор Самуэли — военный комиссар венгерского советского правительства. Накануне его отъезда обратно в Венгрию решили, что следует условиться с ним относительно обмена зашифрованными телеграммами. Мне было поручено в течение ночи изучить с Самуэли это дело. Говорили мы с ним на немецком языке. Надо иметь в виду, что у него с собой не должно было быть никаких записей, так как не было уверенности, что он благополучно доберется до Будапешта. К глубочайшему сожалению, Самуэли в дороге попал в руки врагов и погиб. Трудно найти слова, чтобы выразить то тягостное впечатление, которое произвела безвременная гибель замечательного сына венгерского трудового народа.

Последний раз я слышал выступление Ленина в ноябре 1922 года на пленуме Московского Совета. Владимир Ильич бодро ходил по сцене, говорил вдохновенно. Мне вспоминается, каким бурным одобрением встретили собравшиеся слова вождя: «Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего...»

ГОНЕЦ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

•
Б. С. ШАПИК

Март 1920 года. США. Вашингтон. Расследование в подкомитете американского сената «подрывной» деятельности первого советского представителя в США Людвига Карловича Мартенса подходило к концу.

Реакционные круги, используя то, что Мартенс не был официально признан правительством США в качестве представителя Советского правительства, упорно пытались сфабриковать против него провокационное «дело». Нетрудно было предвидеть, какое решение будет принято подкомитетом сената. Над представителем Советской России нависла прямая угроза не только ареста, но и тюремного заключения.

Вот что по этому поводу позднее писал заместитель министра труда США Л. Пост в своей книге «Бредовая кампания 1919—1920 за высылку иностранцев».

«Министерство юстиции (США) через свое пресс-бюро заполняло газеты всякого рода историями об ужасах, уготованных для Мартенса, как только он попадетя им в руки...

О том, что ожидало бы Мартенса после ареста, можно судить по тому, как поступили... с иностранцами, арестованными сыщиками и загнанными вместо иммиграционных пунктов в тайные места... Они впоследствии жаловались на то, что их подвергали различного рода пыткам, начиная от ужасного перекрестного допроса до не поддающихся описаниям физических истязаний...»¹

В связи с создавшейся обстановкой Л. К. Мартенс в конце марта 1920 года назначил мне встречу в Вашинг-

¹ *Louis F. Post. The deportation delirium of the nineteen—twenty. Chicago, 1923, p. 288.*

тоне — не в гостинице Ла-Фоллет, где проживали он и его сотрудники, а на частной квартире, у своих друзей. Когда я в условленное время пришел по указанному адресу, меня ожидали Л. К. Мартенс, первый секретарь представительства А. Ф. Нуортева и адвокат Чарльз Рехт. Все они были весьма озабочены. После пятичасового изнурительного допроса в подкомитете сената у Мартенса был измученный вид.

— Итак, друзья мои, — сказал Людвиг Карлович, — комедия с расследованием подходит к концу. Нужно быть готовым ко всему... Необходимо срочно послать подробную информацию в Москву, в частности для принятия Наркоминделом соответствующих контрмер. Нужен надежный человек для поездки в Москву...

Мартенс взглянул на меня и добавил:

— Я полагаю, что для этой цели ваша кандидатура вполне приемлема. Вы располагаете документами моряка. И это облегчит выезд из США.

Людвиг Карлович подчеркнул, что мне предстоит любыми путями в кратчайший срок доставить посылаемый им важный документ Г. В. Чичерину.

Я сказал, что постараюсь выполнить все как надо.

Далее Мартенс посоветовал мне наняться на грузовой пароход, идущий в Стокгольм, где я должен связаться со шведскими товарищами, которые помогут перейти шведскую и норвежскую границы, а затем переправят на рыбацкой шхуне в Мурманск.

— Кстати, — добавил Мартенс, — шведские и норвежские товарищи вас знают по переписке, и надо использовать возможность лично с ними познакомиться. Воспользуйтесь пребыванием в Швеции и Норвегии, договоритесь с товарищами об улучшении связи с Нью-Йорком.

Выехать нужно было в ближайшие дни.

Поручение Л. К. Мартенса я принял с большой радостью, хоть было оно и опасным и ответственным, — помимо всего прочего оно давало мне возможность вернуться на Родину, в Россию, ставшую советской.

Перед моим мысленным взором прошло около двух лет работы в советском представительстве в США. Это было суровое время — время больших волнений и напряженного труда. Вспомнились и юные годы...

НЕМНОГО О ПРОШЛОМ

Родился я в 1893 году в городе Александровске (ныне Запорожье) в семье мелкого служащего. Отец рано умер, оставив мать с четырьмя маленькими детьми без средств к существованию. Острая нужда заставила мать отдать меня, двенадцатилетнего мальчика, в услужение к купцу.

Побой, унижения, изнурительный труд — все это с годами все более тяготило, заставляло искать какого-то выхода. Как-то я услышал о далекой, таинственной стране — Америке, куда, как говорят, уезжали многие в поисках лучшей жизни и заработка. Вот бы попасть туда! Но где взять деньги на поездку? В конце концов решил наняться на пароход матросом.

В начале 1913 года, накопив деньги на билет, я уехал в Либаву, где надеялся найти работу на каком-нибудь пароходе, идущем в Европу. После долгих мытарств мне посчастливилось устроиться матросом на грузовое судно, отправлявшееся в Гамбург. Из Гамбурга таким же путем я добрался до Англии, а затем нанялся на английский пассажирский пароход, который готовился к отплытию.

И вот в апреле 1913 года я прибыл в Нью-Йорк, где меня встретила исполинская статуя Свободы — символ страны золота и свободы, в которой, говорят, даже чистильщик сапог может стать миллионером. (По крайней мере так заверяли агенты по вербовке в Европе дешевых рабочих рук.)

Самый большой город мира ошеломил своим многолюдьем, пестротой, бешеным движением транспорта. Меня со всех сторон обступили исполинские кристаллы небоскребов в багровом зареве реклам. На пароход я уже больше не вернулся, хотя там и оставались мои скромные пожитки.

Очутившись на берегу, среди невероятного шума и гама, я остро почувствовал свое одиночество. Я был чужим и беспомощным в этом огромном и враждебном городе. Оказавшись в незнакомой стране без знания английского языка и без специальности, я первое время сильно бедствовал. Таких, как я, в Америке презрительно называли «зелеными». Предприниматели использовали «зеленых» на самой тяжелой и грязной работе, а платили им гроши.

Через агентство по найму в конце концов удалось устроиться на сезонную работу на ферме. В дальнейшем приходилось работать и чернорабочим на заводах, и матросом на пароходах. Это был тяжелый, изматывающий труд.

Чем дольше я жил в Америке и приглядывался к порядкам в этой стране «свободы и демократии», тем больше убеждался, что капиталистическая свобода — это лишь свобода угнетать и эксплуатировать человека труда. Что же делать, с кем и куда идти? Эти вопросы стали все чаще занимать меня.

В 1915 году я вступил в нью-йоркское отделение Союза русских моряков. Союз имел свой клуб, который мы посещали после возвращения из очередного рейса. Здесь я встречался со своими соотечественниками, знакомился с новыми людьми, среди которых были и члены американской социалистической партии. Особенно подружился с бывшим матросом Балтийского флота Андреем Федоровичем Ковалевым, членом РСДРП. В 1908 году, скрываясь от царского суда, он эмигрировал в США и работал на пароходе матросом. Ковалев был убежденным, мужественным революционером, человеком значительно старше меня. Я к нему очень привязался и многое от него воспринял.

В начале 1918 года я оформился членом левого крыла социалистической партии США, а в 1919 году, после раскола социалистической партии, вступил в коммунистическую партию. Это было время великих событий на далекой моей родине. В начале ноября 1917 года в США поступило телеграфное сообщение о том, что пролетариат России, руководимый большевиками, Лениным, сверг буржуазное Временное правительство. Это было что-то небывалое, неслыханное: власти помещиков и капиталистов пришел конец!

А. Ф. Ковалеву и мне довольно часто доводилось наблюдать, как на пароходы грузили военное снаряжение, обмундирование, боеприпасы. Для кого? Сомнений быть не могло. Американское правительство оказывало помощь белогвардейским армиям. Из портов США во Владивосток и в другие порты шло непрерывным потоком военное снаряжение, оружие, продовольствие и т. д.

Понимая, что все это будет использовано против нашего рабоче-крестьянского государства, мы решили уста-

новить, какое военное снаряжение грузят на пароходы, в какие порты его отправляют, и по возможности мешать погрузке. Успех работы зависел от того, удастся ли завести нужные знакомства среди американских докеров и моряков, попытаться открыть им глаза на то, что происходит. Мы начали осторожно вести беседы среди докеров и моряков, говорили об Октябрьской революции в России, о Ленине, о героизме народа, преодолевающего голод и разруху, об иностранной интервенции... Эти беседы были очень опасны и для нас, и для наших собеседников. Полиция хватала всех подозреваемых в сочувствии к Советам и большевикам. Но, невзирая на трудности, все-таки удалось привлечь на свою сторону ряд докеров и моряков. Много лет спустя стало известно, что наша работа давала полезные результаты.

Октябрьская революция была встречена американскими рабочими, а в особенности выходцами из бывшей царской России, с непередаваемой радостью и волнением. Трудно описать ликование эмигрантов — русских, украинцев, евреев, поляков, литовцев и других. Весь этот трудовой люд, испытав на себе тяжесть гнета и преследований со стороны царского самодержавия, был вынужден оставить родные места, уехать в далекую, чужую страну, но никогда не забывал о своей родине, тянулся к ней.

Мне довелось быть участником в Нью-Йорке грандиозной демонстрации, которая была организована левыми профсоюзными и другими прогрессивными организациями в связи с победой Октябрьской социалистической революции в России.

В Ист-сайде, где проживают главным образом рабочие, на улице вышли тысячи людей с плакатами и транспарантами. Они обнимались и поздравляли друг друга, пели революционные песни, восторгом не было конца. Это было поистине проявление великой пролетарской солидарности трудящихся США с рабочими и крестьянами России, свергнувшими власть капитала и установившими первое в мире социалистическое государство.

Америка бурлила. Октябрьская революция влила новую революционную струю в жизнь американского рабочего класса. В разных городах стали вспыхивать забастовки, сначала экономические, а затем, начиная с

1919 года, принимавшие форму политической борьбы против капиталистического гнета, против интервенции в Советской России. В течение 1919 года в США произошло около 3500 стачек, в которых участвовало свыше 4 миллионов человек.

В ответ на развернувшееся революционное движение правительство США ввело в ряде крупных городов военное положение. Буржуазная пресса призывала к беспощадной расправе с бастующими.

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

В этой сложной обстановке 2 января 1919 года Советское правительство приняло решение назначить своего представителя в США — Людвига Карловича Мартенса¹.

В марте 1919 года в Нью-Йорке было открыто Бюро советского представительства. Америка впервые получила возможность услышать слово правды о «стране большевиков». Тысячи людей хлынули к представителю РСФСР за получением визы на право въезда в Советскую Россию. После согласования вопроса с партийной организацией о моем отъезде из США в Советскую Россию и я обратился к Л. К. Мартенсу с просьбой дать мне въездную визу. Но последний неожиданно предложил мне остаться работать в Бюро советского представительства в качестве сотрудника для особых поручений. Как профессиональный моряк, сказал мне Мартенс, я буду полезен ему для организации связи между Нью-Йорком и Москвой. Мог ли я предполагать тогда, что

¹ Мартенс Людвиг Карлович (1875—1948), член КПСС с 1893 г., активно участвовал в революционном движении, входил в организованный В. И. Лениным в 1895 г. петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». За распространение нелегальной литературы, изданий «Союза борьбы» отбывал около трех лет тюремное заключение. Позже был выслан за границу, как неблагонадежный в политическом отношении, без права возвращения в Россию.

В 1919—1921 гг. — первый представитель РСФСР в США. По возвращении в Советскую Россию — на крупной хозяйственной и научной работе. Профессор, доктор технических наук, видный ученый, автор ряда научных работ и изобретений. Подробнее о Л. К. Мартенсе см. в брошюре: Г. Евгеньев, Б. Шапик. Революционер, дипломат, ученый. Госполитиздат. 1960.

это предложение станет крупнейшим событием в моей жизни...

После первой встречи с Л. К. Мартенсом он предложил серьезно обдумать все и сказал, что вызовет меня. Все мои мысли были сосредоточены исключительно на будущей работе, о которой я имел тогда, разумеется, самое смутное представление. Через несколько дней мне сообщили, что Людвиг Карлович хочет меня видеть. Во время беседы он подробно ознакомился с моей жизнью, узнал, в какой партийной организации я состою, кто из партийных руководителей знает меня. Затем подробно изложил суть будущей работы. Мартенс поставил задачу организовать регулярную связь между Нью-Йорком и Москвой. Такая работа, подчеркнул он, будет сопряжена с большим риском и опасностью не только лично для меня, но и для лиц, с которыми придется соприкасаться. Один ложный шаг может привести к непоправимым последствиям.

Я сразу же дал согласие на предложение Мартенса и с молодым задором сказал, что готов сделать все, чтобы быть полезным своей родине.

По характеру работы я довольно длительное время был непосредственно связан с Л. К. Мартенсом, и его весьма сложная, ответственная и самостоятельная работа в Нью-Йорке проходила, что называется, на моих глазах.

Чем занималось советское представительство в Нью-Йорке? Прежде всего принимало все меры к установлению нормальных дипломатических и торговых отношений с правительством США. Но американское правительство, активно участвовавшее в вооруженной интервенции в России, отнюдь не стремилось установить добрососедские отношения с государством рабочих и крестьян. Напротив. Разнузданная антисоветская клевета заполняла столбцы реакционных газет. Опасаясь, чтобы к ним не залетели искры Октября, реакционные круги США применяли самые подлые средства, чтобы расправиться с неугодными им элементами, задушить все мыслящее, прогрессивное.

В целях запугивания и шантажа реакционные круги США пошли даже на такую чудовищную провокацию, как рассылка по почте посылок с бомбами¹. Эти прово-

¹ Подробнее об этом см. *Элизабет Герли Флинн*. Своими словами. Госполитиздат, 1962, стр. 336.

кационные акты были использованы реакцией для усиления клеветнических нападок на коммунистов, Советскую Россию и ее представителя в США Л. К. Мартенса.

Прогрессивная общественность, возмущенная действиями реакции, ответила организацией грандиозных массовых митингов. Один из них проходил в майские дни 1919 года под лозунгом «Справедливость к России» в самом большом зале Нью-Йорка «Медисон-сквер гарден».

Огромный зал был переполнен. Прилегающая площадь залита морем людей. Сотни пеших и конных полисменов оцепили здание. На соседних улицах стояли наготове полицейские фургоны с решетками.

На митинге выступали представители социалистической партии, профсоюзов, прогрессивные деятели. Речи ораторов воспринимались с огромным воодушевлением. Раздавались возгласы:

— Да здравствует Советская власть!

— Долой Колчака!

— Прекратить блокаду и интервенцию против Советской России!

Участники митинга приняли приветственное послание советскому народу. Правительству США была направлена резолюция с требованием снять блокаду с Советской России, эвакуировать американские войска, прекратить военную и финансовую помощь контрреволюционным бандам.

Столь внушительная политическая демонстрация — а подобные ей проходили по всей стране — не на шутку встревожила американских правителей. Кампания антисоветской травли и клеветы была взвинчена до предела.

С первых же дней своей деятельности миссия Л. К. Мартенса натолкнулась на враждебное отношение американских официальных кругов. Верительные грамоты и меморандум Мартенс направил в госдепартамент США 19 марта 1919 года. В ответ на это госдепартамент сообщил в печати 6 мая, что он не признает ни Советского правительства, ни его представителя, а единственным «законным» представителем России в США считает посла Временного правительства Бориса Бахметева.

Все же, несмотря на непризнание, Бюро советского представительства в Нью-Йорке развернуло полезную

для обеих стран работу по установлению торговых связей с американскими деловыми кругами, контактов с широкими кругами общественности.

Но над советским представительством в Нью-Йорке стали сгущаться тучи. Кто-то всячески натравливал на советского представителя самых оголтелых молодчиков. В адрес Мартенса стали поступать анонимные письма с угрозами и бранью. По утрам, просматривая почту, Мартенс сразу узнавал их по особым конвертам, откладывал в сторону, а потом читал, усмехаясь.

Особенно изощрялась террористическая организация «Виджелентес» («Бдительные»). В своих анонимных письмах, ночных телефонных звонках «Виджелентес» требовали, чтобы Мартенс покинул США, в противном случае грозили подвергнуть его линчеванию. За Мартенсом была организована постоянная полицейская слежка. Близкие товарищи и друзья Л. К. Мартенса, понимая, что его жизни грозит опасность, никогда не отпускали его одного. Мне тоже приходилось довольно часто сопровождать его и выезжать с ним за пределы Нью-Йорка. Всегда поражали его спокойствие, хладнокровие, выдержка и собранность.

День ото дня росли симпатии к Советской республике со стороны американских рабочих, прогрессивных политических деятелей, проявлялся интерес деловых кругов к Стране Советов. Чтобы противодействовать росту этих настроений, американские реакционные круги задумали грандиозную провокацию.

...12 июня 1919 года в помещении Бюро советского представительства шла обычная, повседневная работа. В три часа дня у здания резко затормозил автобус. Оттуда выскочили десятка два сыщиков и десять дюжих полисменов. Они быстро вошли в подъезд и, оттолкнув посетителей, ожидавших лифт, поднялись на третий и четвертый этажи, где размещалось Бюро. Ворвавшись в помещение, сыщики приказали сотрудникам представительства не трогаться с места, перерезали телефонные провода во всех комнатах, а коммутатор разбили. И начался погром.

Около суток налетчики бесчинствовали в помещении советского представительства. Они перерыли архив, содержимое всех письменных столов, сейфов, шкафов. Все Бюро было перевернуто верх дном. Однако организаторо-

ров провокации ждало горькое разочарование: никаких «компрометирующих» материалов, не говоря уже о бомбах или адских машинах, они не обнаружили. Все захваченные материалы — переписка с деловыми кругами, финансовые документы, бухгалтерские книги и т. п. — были изъяты без описи и переданы Объединенному законодательному комитету штата Нью-Йорк, призванному, как подстрекательски писала газета «Нью-Йорк таймс» от 13 июня 1919 года, «расследовать подрывную деятельность некоего Мартенса, претендующего быть представителем РСФСР».

В день полицейского налета на советское представительство меня не было в городе. О налете я узнал из печати. Буржуазные газеты печатали на первых страницах пространные статьи под крикливыми заголовками:

«Налет на советское представительство».

«Захвачены тонны материалов!»

«Большевики расходуют 2 млн. долларов ежемесячно для свержения правительства США».

Я тут же выехал в Нью-Йорк, чтобы быть рядом с Л. К. Мартенсом. «Налетчики вели себя как настоящие гангстеры, — рассказывал Людвиг Карлович. — И это только начало; очевидно, в ближайшее время нас ждут более тяжелые удары».

О создавшейся ситуации было немедленно сообщено Г. В. Чичерину. В своем докладе от 14 июня 1919 года Наркоминделу о полицейском налете Л. К. Мартенс писал:

«Трудно также предположить, чтобы все это совершилось без ведома Вашингтона. Если принять к тому же во внимание, что набег был произведен накануне того дня, когда в американской печати появилось сообщение о фактическом признании Колчака, то станет понятным, что и Вашингтон... не стоял в стороне»¹.

События подтвердили слова Л. К. Мартенса. Организаторы незаконного налета на советское представительство решили одновременно учинить расправу над Мартенсом, создав против него «дело» о подрывной деятельности в США.

12 июня 1919 года Л. К. Мартенс предстал перед Объединенным законодательным комитетом штата Нью-

¹ См. Г. Рейхберг, Б. Шапик. «Дело» Мартенса, стр. 45.

Йорк под председательством известного реакционера сенатора Клейтона Р. Лоска.

Полицейский налет на советское представительство вызвал глубокое возмущение среди рабочих и в широких кругах американской общественности. 17 июня 1919 года в зале «Медисон-сквер гарден» состоялся грандиозный митинг протеста. На митинге присутствовало около 20 тысяч человек. Люди, пришедшие на митинг, но не сумевшие попасть в зал, были разогнаны полицией, а многие избиты и арестованы за «нарушение общественного порядка».

На митинге выступили член городского управления Нью-Йорка Алжерон Ли, кандидат на пост губернатора штата Нью-Йорк Дудлей Ф. Мелон, прогрессивный писатель Альберт Рис Вильямс, первый секретарь советского представительства А. Ф. Нуортева. На митинг был приглашен и Л. К. Мартенс. Многие ораторы призывали рабочих и всех прогрессивных людей США оказать помощь советскому народу в его борьбе с международным империализмом. Участники митинга бурно аплодировали при всяком упоминании о первом в мире государстве рабочих и крестьян.

С речью на митинге выступил Л. К. Мартенс. Его речь была воспринята собравшимися с большим воодушевлением. Все присутствующие стоя бурно приветствовали советского представителя¹.

При бурных возгласах «Позор!» участники митинга приняли резолюцию, в которой потребовали возврата незаконно захваченной в советском представительстве переписки и привлечения к судебной ответственности организаторов налета.

В связи с накаленной обстановкой мы имели основания ожидать, что в ходе митинга определенные лица попытаются инсценировать провокацию, с тем чтобы во время свалки организовать покушение на советского представителя. Вокруг трибуны сновали подозрительные личности, которые норовили пролезть поближе к Мартенсу. Кое-где раздавались угрожающие выкрики.

¹ Речь Л. К. Мартенса на митинге в «Медисон-сквер гарден» 17 июня 1919 г. см. «Russian propaganda. Hearing before a subcommittee of the committee on foreign relations. United States senate sixty-sixth Congress second session». Washington, 1920, p. 231—233. (В дальнейшем: «Russian propaganda...»)

Видимо, в зале находились специально подосланные молодчики. Поэтому было решено сразу после окончания речи Мартенса немедленно и незаметно вывести его через один из запасных выходов в переулок, где находились наши люди.

С появлением Л. К. Мартенса в президиуме митинга за ним все время следили шпики, которые вертелись поблизости, и было очень трудно уйти незаметно. Нужно было быстро изменить внешний облик Мартенса. Мы плотно окружили Людвиг Карловича, один из товарищей незаметно отдал ему свой пиджак, кепку и темные очки. Маскировка сделала свое дело. Опираясь на палку, прихрамывая, он настолько преобразился, что никто не узнал его. Вместе с Мартенсом мы вышли из помещения «Медисон-сквер гарден» через запасной выход.

Этому митингу все газеты Америки уделили большое внимание (хотя и различного рода). Буржуазная пресса неистовствовала, призывая расправиться с «красной крамолой».

* *
*

Так называемый «комитет Лоска» производил расследование «подрывной деятельности» советского представителя в США с 12 июня по 12 декабря 1919 года. Но как ни старался председатель комитета сфабриковать обвинение против Мартенса, он не смог предъявить ему ни одного факта, ни одного документа, который обличал бы его как нарушителя американских законов. Л. К. Мартенс сумел блестяще доказать, что, строго выполняя соответствующие директивы Советского правительства, он никогда и ни при каких обстоятельствах не вмешивался во внутреннюю жизнь США.

Казалось бы, после столь скандального провала американских крючкотворов «дело» Мартенса следовало закрыть. Но это отнюдь не устраивало вдохновителей антисоветских провокаций. 20 декабря 1919 года конгресс США принял постановление расследовать деятельность советского представителя. Расследование проводил подкомитет комитета внешних сношений сената США с 12 января по 29 марта 1920 года. За это время состоялось 16 допросов Л. К. Мартенса. Количество заданных ему вопросов перевалило за 4 тысячи.

Господа сенаторы хотели во что бы то ни стало «доказать», что Мартенс возглавлял «большевистский заговор» против правительства США. Они стремились изыскать хоть какой-нибудь повод, чтобы скомпрометировать советского дипломата, упрятать его за решетку.

ПОЕЗДКА В МЕКСИКУ

Но даже в таких тяжелейших условиях работа Бюро советского представительства в Нью-Йорке продолжалась.

Представительство крайне нуждалось в систематической информации об экономическом и военном положении Советской России для объективного ознакомления американской общественности с происходившими событиями, а также в получении директив от Советского правительства и средств на содержание бюро. Наладить связь с Москвой через дипломатические каналы в то время не представлялось возможным. Ведь Л. К. Мартенс не был официально признан правительством США и не пользовался соответствующими привилегиями.

Работа по организации связи между Нью-Йорком и Москвой протекала в атмосфере постоянного риска. Советская Россия в то время находилась в кольце блокады, и любая попытка связаться с ней была сложным и опасным делом. Мне приходилось принимать и отправлять наших курьеров, а также выезжать в другие страны за секретной почтой¹. Но, несмотря на все трудности, связь между советским представительством в Нью-Йорке и Наркоминделом действовала.

Поездки наших курьеров с почтой из Европы в Нью-Йорк или в другие порты США были, как уже говорилось, крайне опасными, так как за всеми приезжими сыскная полиция установила неусыпную слежку. Возник вопрос о том, чтобы во избежание возможных провалов

¹ Работу Б. С. Шапика в советском представительстве Л. К. Мартенс характеризовал впоследствии следующим образом: «...т. Шапик... выполнял по моим заданиям весьма ответственные поручения секретного характера по сношениям полпредства с Советской Россией. В то время, когда РСФСР подвергалась жесточайшей блокаде со стороны капиталистических государств, исполнение этих поручений было весьма рискованным и опасным мероприятием. Они всегда выполнялись тов. Шапиком превосходно и с большим личным мужеством...» (Прим. сост.)

поискать другой маршрут для наших курьеров. Выбор пал на один из портов Мексики. Этот путь был более продолжительным, но менее опасным.

Необходимо было срочно организовать в Мексике группу из смелых и мужественных людей, которым можно было бы доверить такое ответственное поручение. В связи с этим мы и обратились к мексиканским товарищам с просьбой об оказании помощи в организации такой группы.

Нужно отдать должное мексиканским друзьям. Они отнеслись к нашей просьбе с пониманием и благожелательностью, проявив себя настоящими интернационалистами, истинными друзьями молодой республики Советов. Сердечностью и теплотой было проникнуто их письмо от 26 ноября 1919 года. Вот его текст в переводе с английского:

«Мой дорогой Мартенс!

Мне доставит удовольствие оказать Вам помощь в вопросе отправления Ваших писем на Кубу. Мы имеем адреса некоторых организаций, но не всех. Письма я отправил одному из наших товарищей, которому можно доверить. Он уроженец США, был с нами в Мексике некоторое время и будет добросовестно выполнять поручения.

Будьте уверены, что мне всегда доставит удовольствие оказать Вам услугу, и я готов в любое время сделать для Вас все, что в моих силах для дела коммунизма.

Никогда, ни на одну минуту не буду колебаться в деле оказания Вам помощи...»¹

В декабре 1919 года Л. К. Мартенс получил сообщение из Москвы о том, что ему была отправлена очередная почта в Мексику. Было решено, что за почтой поехать должен я, с тем чтобы совместно с мексиканскими товарищами на месте решить все вопросы, связанные с дальнейшим получением почты из Европы и переправкой ее в Нью-Йорк.

Поездка в Мексику была необходима еще и потому, что, как мы убедились, наши мексиканские друзья не очень-то заботятся о конспирации: они послали в Нью-Йорк почту со случайным человеком и, сами того не желая, подвергли все дело ненужному риску.

¹ АВП СССР, ф. 507, оп. 5, п. 3, д. 28, л. 8.

После того как было уточнены место и день встречи с мексиканским товарищем, я выехал в город Веракрус, один из крупнейших портов Мексики, где должна была состояться наша встреча.

Моя профессия моряка, наличие соответствующих документов давали мне возможность поступить на работу на один из пассажирских пароходов, которые регулярно курсировали на линии Нью-Йорк — Веракрус. Однако наняться на пароход оказалось не так-то просто. Тогда пришлось прибегнуть к старому, испытанному средству.

В баре, где моряки любят посидеть после работы за кружкой пива, мне удалось познакомиться с неким боцманом, угостив его парой кружек пива и хорошей сигарой. Вскоре я был зачислен в состав экипажа пассажирского парохода, шедшего в Веракрус. Работу, правда, пришлось выполнять тяжелую, грязную, но выбирать, как говорится, не приходилось.

Прибыли в Веракрус. Встреча с товарищем должна была состояться вечером. В назначенный час я пришел к условленному месту. Но... прождал несколько часов, и никто не явился. Не явился он, увы, и в течение последующих дней, пока пароход стоял в порту. Как видно, с ним стряслась беда. Меня мучил вопрос: где почта? Не попала ли она в руки врагов? В день отхода парохода пришлось послать телеграмму Мартенсу о том, что встреча не состоялась.

С большим огорчением я возвратился в Нью-Йорк без почты. По приезде тут же доложил Л. К. Мартенсу по телефону о своем прибытии.

Разговаривая по телефону с Людвигом Карловичем, я по его голосу не смог уловить, обеспокоен ли он неудачей. Но меня это не удивило, мы хорошо знали его исключительную выдержку и спокойствие.

Поздно ночью на квартире наших друзей, которой пользовались только в случае крайней необходимости, мы встретились с Мартенсом. Я с большим волнением шел на это свидание, у меня теплилась надежда, что за время моего пути Мартенс, получив телеграмму из Веракруса, немедленно свяжется с мексиканскими товарищами и, может быть, даже получит от них сведения о том, что случилось с курьером...

— Ну-ка, Борис, расскажите о ваших переживаниях; наверное, вы здорово волновались из-за провала

встречи, а? — встретил меня Людвиг Карлович. Увидев в его глазах ласковую улыбку, я приободрился.

— Мне сообщили из Мехико, — продолжал Мартенс, — что за тем лицом, с кем вы должны были встретиться в Веракрусе, была установлена слежка, и это заставило его воздержаться от свидания. Ничего не поделаешь!..

Далее Мартенс спросил:

— А не смогли бы вы на том же пароходе вторично поехать в Веракрус? Не страшновато? Ведь выполнить это задание будет значительно сложнее.

— Страшновато, конечно, — чистосердечно признался я. — Иной раз попадаешь в такие ситуации, что становится не по себе. Однако, надеюсь, и на сей раз все обойдется благополучно.

Мартенс задумался.

— В молодые годы, — сказал он, — и мне приходилось выполнять довольно рискованные поручения. Все на нервах... Что поделаешь, такова участь всех революционеров... Но надо уметь быстро реагировать и находить выход из любого положения.

На этом наша беседа закончилась. Она запомнилась мне надолго. Через несколько дней пароход взял курс на Веракрус.

Вскоре после прибытия в порт встреча с мексиканским товарищем наконец состоялась. Это был человек лет тридцати, крепкого телосложения, с мужественным и приятным лицом, моряк. Знание английского языка облегчило наше общение. Когда было сказано все, что надо, мой новый знакомый сообщил, что моя встреча с нужным человеком состоится в следующую ночь. Одновременно он предупредил меня, что я должен суметь уйти с парохода на всю ночь.

На следующий день вечером мы с моряком встретились и долго шли по каким-то темным улицам, пока не дошли до окраины. Здесь, на отшибе, стоял одинокий дом с садом, окруженный высоким заббором с воротами. Вошли во двор. Нам сделали знак сесть в закрытую машину, стоящую тут же. Мы сразу же помчались куда-то и ехали долго в направлении столицы — Мехико. Наступила темнота. Мой спутник время от времени разговаривал с шофером по-испански. Я сидел молча. А в голову лезли всякие мысли. Думал о том, куда забросила

меня судьба. Кругом незнакомые люди, чужой язык, все незнакомо, все чуждо. Не знаю я и того, с кем должен скоро встретиться. Найду ли с ним общий язык? Но какое-то предчувствие говорило, что все кончится хорошо.

Наконец стали подъезжать к предместью Мехико. Вдруг машина резко свернула с шоссе и помчалась по направлению к лесу. Потом я смутно увидел очертания какого-то дома. Въехав во двор, шофер тут же выключил фары, и мы очутились в кромешной тьме.

...Открылась дверца, и я услышал чей-то голос, произнесший по-английски: «Ну вот и хорошо, товарищ, наконец вы и приехали». Мужчина лет под пятьдесят взял меня под руку и повел в дом. Здесь он представился: «Меня зовут Джо». Как оказалось, это был автор полученного Мартенсом письма.

В комнате, кроме нас, никого не было. Стол был уставлен холодными закусками и парой бутылок вина. Я хоть и был очень взволнован таинственной поездкой, воздал должное радушию хозяина.

Беседа продолжалась несколько часов. По-деловому обсудили все вопросы, связанные с получением почты из Европы и дальнейшей ее переправкой, и многое другое. Затем товарищ Джо открыл дверь и громко что-то сказал по-испански. Вошли четыре человека, молодые, высокие и крепкие люди (кстати, с одним из них я уже был знаком) — это были те, с кем в недалеком будущем нам доведется встречаться в Нью-Йорке.

Мы обменялись крепкими рукопожатиями и долго еще беседовали о предстоящих встречах и работе. Их интересовала масса вопросов, на которые нужно было дать по-возможности исчерпывающие ответы. От этого в немалой степени зависел успех всего задуманного предприятия.

Наступила пора уезжать. Мы тепло распрощались, и на той же машине меня доставили в Веракрус. Рано утром я уже был на борту парохода.

В день отплытия, за полчаса до поднятия якоря, во время суматохи, какая всегда бывает в это время, на борт поднялся мой новый друг под видом докера и незаметно вручил мне пакет, который я постарался тут же спрятать в заранее намеченное укромное место.

Наконец якорь был поднят, пароход издал протяж-

ный третий гудок и стал медленно отчаливать. Товарищ на берегу прощально взмахнул рукой...

Сознание, что я везу с собой почту и что удалось организовать связь с товарищами, которые в скором времени будут нам помогать, переполняло меня радостным чувством.

С тех пор прошло более полувека, но и сейчас стоят перед моим мысленным взором эти отважные, замечательные парни, рисковавшие жизнью во имя пролетарского интернационализма, во имя интересов родины трудящихся всего мира.

МАРТЕНС ПЕРЕД СУДИЛИЩЕМ

При допросах Л. К. Мартенса в подкомитете сената США и комиссии министерства труда США было уделено особое внимание связям между Мартенсом и Советским правительством.

На заседании подкомитета сената сенаторы Мозес и Брендижи задавали вопросы:

«Мозес. Платежи, которые вы делали по заказам, о которых вы говорили, сделаны из фондов, которыми вас снабдило ваше правительство?»

Мартенс. Да, сэр.

Мозес. Какими путями пришли к вам эти фонды?

Мартенс. Через курьеров.

Мозес. Этот способ коммуникации прерывался?

Мартенс. Очень часто, сэр.

Мозес. Сколько раз?

Мартенс. По имеющимся у меня сведениям, несколько наших курьеров были расстреляны в Финляндии...

Брендижи. Сколько курьеров было, по вашему мнению?

Мартенс. Около двадцати.

Брендижи. Из двадцати десять были схвачены?

Мартенс. Да, сэр.

Брендижи. Значит, к вам прибыло десять курьеров?

Мартенс. Нет, только семь.

Брендижи. Все с деньгами?

Мартенс. Большинство с деньгами.

Брендижи. Они привозили вам инструкции кроме

тех, что вы получили шифром? Другими словами, привозили ли они вам устные директивы?

Мартенс. Они привозили некоторые устные директивы.

Мозес. Будьте любезны назвать имена курьеров, которые регулярно прибывали в эту страну и доставляли вам материал.

Мартенс. Я не могу назвать вам эти фамилии, м-р председатель.

Мозес. Вы хотите сказать, что вы не знаете их?

Мартенс. Нет, я знаю их имена.

Мозес. Но вы отказываетесь назвать их?

Мартенс. Да, сэр, я отказываюсь»¹.

Комиссия министерства труда США в свою очередь так же настойчиво пыталась установить порядок связи между Мартенсом и Советским правительством, а главное, узнать имена курьеров.

Вот некоторые выдержки из протокола допроса Мартенса комиссией министерства труда от 28 июля 1920 года:

«Вопрос. Г-н Мартенс, объясните, пожалуйста, порядок связи с правительством, которое вы представляете?

Ответ. Я отказываюсь отвечать, м-р Шелл...

Вопрос. Знаете ли вы людей по имени Фогельмарк и по имени Эриксон?

Ответ. Я отказываюсь отвечать.

Вопрос. Знаете ли вы человека по имени Шопин?

Ответ. Я отказываюсь отвечать.

Вопрос. Скажите, пожалуйста, кто из указанных лиц были вашими курьерами?

Ответ. Я отказываюсь отвечать...»²

Один из этих вопросов (о Шопине) касался меня, но в то время я был уже вне их досягаемости.

Во время допроса Л. К. Мартенса комиссией министерства труда США от 28 июля 1920 года был вызван в качестве свидетеля молодой матрос Якобсон, прибывший из Швеции с пакетом советских газет для меня. Его арестовали и хотели всячески использовать против Мартенса.

¹ «Russian propaganda...», p. 76—78.

² «Department of labor. Bureau of immigration Excerpt from Copy of hearing in the Case of Ludwig C. Martens», July 28 th. 1920.

Вот выдержки из протокола допроса матроса Якобсона от 28 июля 1920 года:

«В о п р о с. Знаете ли вы человека по имени Фогельмарк?»

О т в е т. Да, я знаю Карла Фогельмарка с 1918 года.

В о п р о с. С какой целью вы с ним встречались и о чем вы с ним разговаривали?»

О т в е т. Он предложил мне взять несколько пакетов и сдать их в Нью-Йорке».

На вопрос, переданы ли эти пакеты по назначению, он ответил, что не успел передать, так как при выходе из порта был арестован.

«В о п р о с. Сказал ли вам Фогельмарк, что эти пакеты надлежит передать человеку по имени Борис?»

О т в е т. Он мне дал указание поехать на 82 улицу, спросить г-жу К., а в случае ее отсутствия поехать в Бруклин в Общество рабочих и спросить Бориса.

В о п р о с. Встречали ли вы когда-нибудь человека по имени Борис?»

О т в е т: Нет, я его не знаю...»

Допрос матроса ничего, по существу, не дал комиссии министерства труда США, так как он никогда не видел ни г-жи К., ни «Бориса».

Как ни пытались американские «расследователи» добиться от Л. К. Мартенса ответа о порядке связи между Бюро и Советским правительством, о фамилиях курьеров, Мартенс всегда твердо и категорически отказывался отвечать на эти вопросы, ограждая товарищей от преследований со стороны американских властей, грозивших им тяжелыми последствиями.

Главное же состояло в том, что подкомитет сената США, так же как и «комитет Лоска», не смог обнаружить ни одного факта, ни одного свидетельства или документа, который бы подтвердил, что Мартенс занимался в США «подрывной работой».

Я ЕДУ В МОСКВУ

В конце марта 1920 года подкомитет сената закончил расследование «дела» Л. К. Мартенса, и материалы были переданы комиссии министерства труда для решения во-

проса о высылке советского представителя из пределов США как «нежелательного чужестранца».

В начале апреля 1920 года Мартенс вызвал меня в Вашингтон. Готов ли я поехать в Москву? — спросил он. Я ответил утвердительно. Вручая мне пакет, Людвиг Карлович сказал: «Путь тяжел и опасен, будьте бдительны и осторожны». Еще раз напомнив, что пакет государственной важности должен быть доставлен Г. В. Чичерину как можно скорее, он, улыбнувшись, пожелал мне попутного ветра. Мы сердечно распрощались, и в тот же день я выехал из Вашингтона.

Путь предстоял действительно трудный. Выехать советскому гражданину из Нью-Йоркского порта в Европу в 1920 году было весьма сложным предприятием даже для меня, профессионального моряка, который располагал необходимыми документами. Пришлось отправиться в отдаленный порт Норфолк (штат Вирджиния), где слежка велась слабее.

В порту нашелся подходящий пароход. Это был грязный, старый угольщик, одна из тех посудин, куда обычно шли только матросы, отчаявшиеся найти работу получше и оставшиеся без всяких средств к существованию. В команде таких пароходов было много деклассированных, выбитых из жизненной колеи людей с темным прошлым. Вот в такую команду я и был зачислен.

Как только 20 апреля пароход покинул берега США, я тут же спрятал почту в угольный бункер. Последующие события показали, что это было своевременно. На следующий день капитан приказал провести повальный обыск у всей команды, мотивируя это тем, что у него якобы кто-то украл белье и другие вещи. Обыскали и меня. Причем особенно тщательно — видимо, мое гражданство не давало капитану покоя, и он опасался, что я везу с собой страшные коммунистические «тайны». Все мои пожитки были перерыты, каждую вещь осмотрели по нескольку раз. Однако ничего компрометирующего не нашли, впрочем так же, как и у других матросов.

Обыск у команды меня очень взволновал. Не следует ли затем обыск всех подсобных помещений и трюмов? В этом случае могли бы обнаружить и спрятанный пакет с докладом Л. К. Мартенса.

Опасение оказалось не напрасным. Вскоре самым тщательным образом были обысканы все помещения

парохода. На мое счастье, однако, пакета не нашли. Только после того как на пароходе все успокоилось и матросы приступили к своим обычным делам, я в полной мере осознал, какая опасность мне угрожала. Ведь пароход плавал под американским флагом, и в случае каких-то осложнений меня, естественно, могли возвратить в США и передать в руки полиции.

...Поздно ночью пароход прибыл в Стокгольм. Еще раньше, едва замерцали далекие огни шведского берега, я решил, что следует как можно скорее сойти на берег: пакет от Л. К. Мартенса, который уже лежал у меня под тельняшкой, нужно было переправить дальше.

Я понимал: надо вести себя спокойно и сдержанно, ничем не выдавая волнения. Но попробуйте не волноваться в такой обстановке! Как уже упоминалось, команда нашего угольщика состояла сплошь из людей с темным прошлым, у многих за плечами были и тюрьмы, и «встречи» с полицией. Недаром капитан парохода при разговоре с матросами не вынимал обычно руку из кармана, в котором лежал револьвер.

А что, если по прибытии в Стокгольм портовая полиция, ознакомившись с документами команды, не разрешит ей во время стоянки сходить на берег? Тогда весь наш план, для выполнения которого потрачено столько усилий, рухнет. Но все случилось проще, чем я предполагал. Нашему угольщику отвели стоянку для выгрузки в самом дальнем конце порта. Место, где пароход пришвартовался, было глухое и плохо освещалось. Кругом горы угля, пустынно. И я решил незаметно «исчезнуть».

Было раннее утро, попадались только рабочие, которые спешили на работу. По городским окраинам я осторожно добрался до улицы, где проживали друзья. Правда, мы знали друг друга только по переписке, но это были надежные и испытанные друзья.

С чувством глубокого волнения я передал пакет от Мартенса. Меня заверили, что он будет в Москве у Г. В. Чичерина через два-три дня, и я почувствовал, что у меня гора свалилась с плеч! Друзья сказали, далее, что мне необходимо немедленно вернуться на пароход и быть на нем во время разгрузки. Ведь в противном случае капитан сообщит полиции о моем исчезновении, и полиция сразу же начнет розыски. Только

после второго гудка, во время обычной суматохи при отправлении парохода, я смогу незаметно покинуть его. Это уменьшит риск.

Так я и поступил.

Товарищи приютили меня на квартире, где я прожил некоторое время, чтобы обмануть бдительность полиции, которой капитан все же, конечно, заявил в конце концов об исчезновении «русского матроса».

Вот как развивались события дальше. Визы на въезд ни в Швецию, ни в Норвегию у меня, конечно, не было. Единственными документами, которые я имел, были удостоверение нью-йоркского консула Временного правительства о том, что предъявитель сего является моряком, а также удостоверение о том, что я состою членом американского профсоюза моряков. Поэтому шведским товарищам пришлось организовать нелегальный переход через шведско-норвежскую границу для меня и еще одного — немецкого коммуниста, бежавшего из гамбургской тюрьмы.

Перед отъездом из Стокгольма нам сообщили, что близ границы нас встретит один норвежец, которого мы узнаем по фотографии и по условным знакам. До условленного места добрались без происшествий. Пограничная станция оказалась довольно глухой, малолюдной.

Проводник повел нас так, чтобы избежать встречи с пограничной охраной. Подкрепившись, отправились в дорогу, к Тронхейму.

Шли не по шоссе, а вдоль железнодорожного полотна. По обеим сторонам линии был густой лес, в котором можно было бы спрятаться в случае опасности. Темнело. Неожиданно перед нами выросло здание какой-то станции. Собака, почуяв посторонних, подняла неистовый лай, и мы бросились в лес. Из дома выбежал человек с ружьем и, увидев убегающих людей, выстрелил вслед. Впредь это заставило нас быть более осторожными и идти только лесными тропами, не упуская из виду железнодорожной линии. Ночь наступила светлая, довольно прохладная. Лес кончился, и вдали мы увидели смутные очертания покрытых снегом Скандинавских гор. Мой спутник, немец, был гораздо старше меня. После тюрьмы он ослабел, путешествие утомило его, но мы, подбадривая друг друга, продолжали двигаться вперед.

В течение ночи мы удалились от границы на довольно большое расстояние. Проводник, считая, что мы уже вне опасности, предложил сесть на ближайшей станции на поезд, идущий в Тронхейм. Но едва поезд тронулся, в вагон вошли полицейские и стали проверять документы. По-видимому, ночной инцидент, окончившийся выстрелом, не прошел безрезультатно, и была поднята тревога. У нашего проводника документы и визы были в порядке, и его отпустили, а меня с товарищем задержали и отправили обратно на шведскую границу, на уже знакомую нам глухую станцию. Там нас обоих заперли в одной из станционных комнат, чтобы утренним поездом отправить в Стокгольм для выяснения личности. Но мы, естественно, не стали дожидаться утра. Как только кругом стало тихо, выбрались через окно и вторично перешли границу, благо дорога была уже знакома. Плохо было лишь то, что пищи у нас не было, а заходить в деревни опасались.

На вторые сутки, увидев на опушке леса избушку, мы решили попытаться купить что-нибудь поесть. Но когда на осторожный стук выглянула пожилая женщина, она, едва увидев незнакомых людей, отпрянула назад и захлопнула дверь: очевидно, приняла нас за жуликов. Через какое-то время мы, голодные, иззябшие, почти не спавшие три ночи, начали терять силы.

Вдруг позади послышался шум автомашины. Решившись на рискованный шаг, мой спутник выбежал на дорогу и поднял руку. За довольно большую сумму шофер согласился довезти нас до Тронхейма. Не успели мы сесть в кузов машины, как заснули крепким сном. Через несколько часов шофер еле растолкал нас. Мы подъезжали к Тронхейму, и дальше он наотрез отказался везти нас. Прикорнув под кустом, дождались утра, а затем направились в город. Там разыскали квартиру норвежского товарища, где привели себя в порядок, поели и отоспались. За это время для нас был организован проезд на пароходе на самый север Норвегии. Из рыбацкого поселка Берлевог местные рыбаки повезли нас на рыбацкой шхуне в Мурманск. Всю ночь продолжалось плавание, а к утру показались берега родины. От берега отделился патрульный катер и пошел навстречу.

Как велика была наша радость, когда мы увидели пограничников — первых за долгое время советских лю-

дей! Проверив документы, пограничники проводили нас до Мурманска. Родная земля...

С дороги я отправил Л. К. Мартенсу несколько сообщений. При обыске его квартиры эти письма были изъяты полицией и попали в стенографический отчет комиссии министерства труда США. Вот их текст в переводе с английского:

«Тронхейм. Норвегия, 2. VI. 1920 г.

Уважаемый тов. Мартенс!

В настоящее время я нахожусь в Норвегии, если все будет благополучно, то через пять дней буду в Мурманске... видел тов. С. и просил его посылать Вам более регулярно информацию о России... я ему разъяснил, как важно для Вас иметь своевременные статистические данные о России, а также материалы по экономическим вопросам. Он меня заверил, что в будущем информация о России Вам будет высылаться по мере ее получения. У него имеется много интересных брошюр, которых у Вас нет, а поэтому я просил его переслать их Вам, а также выслать последние номера газет... Следующее письмо напишу Вам из Москвы... Ваш Борис».

«Мурманск. Россия. 26. VI. 1920 г.

Многоуважаемый тов. Мартенс!

После больших трудностей я добрался до Мурманска и через три дня буду в Москве. Сообщу там все, что знаю. Вы не можете себе представить, как я рад, что наконец-то прибыл сюда. Как здесь все интересно! О, я знаю, что Вы бы все отдали, чтобы быть в настоящее время в России.

Всего лучшего, Ваш искренне Борис»¹.

На следующий день я выехал из Мурманска в Москву. Несколько суток пути показались вечностью. Но вот наконец и Москва, куда так стремился все эти годы, проведенные на чужбине.

В Москве у меня не было ни знакомых, ни друзей, и прямо с вокзала я поехал в Наркоминдел, который в

¹ «Department of labor...», July 30th. 1920.

то время помещался в гостинице «Метрополь». Приняли меня с большим радушием. Прежде всего отвезли в особняк Наркоминдела на Молчановке отдохнуть.

Заведующий отделом дипкурьеров Борис Вылковский сообщил, что моя почта из Стокгольма поступила и передана Г. В. Чичерину. Было также сказано, что, возможно, Георгий Васильевич сегодня же захочет со мной повидаться. Действительно, поздно ночью за мной прислали машину: ехать к наркому!

Войдя в кабинет, я увидел за большим столом, заваленным бумагами, худого человека, с небольшой бородкой, который грыз сухарь, запивая его слабым чаем. Поздоровавшись, Г. В. Чичерин раньше всего спросил, отдохнул ли я с дороги, обедал ли сегодня. Я ответил, что все в порядке.

Народный комиссар подтвердил, что доклад Л. К. Мартенса о ходе расследования его деятельности подкомитетом сената США получен. Тем не менее он попросил меня, как очевидца, подробно рассказать обо всем, и особенно, кто из политических и общественных деятелей и представителей деловых кругов Америки выступает за признание Советской России. Далее Г. В. Чичерина интересовало внутреннее положение США, забастовки, настроения рабочих и их отношение к Советской России.

Наша беседа продолжалась долго. В конце разговора Георгий Васильевич расспросил, как мне удалось выехать из США, кто оказывал помощь в пути и задал вопрос: мои виды на будущее? Я ответил, что буду работать там, куда меня направит партия. Г. В. Чичерин вызвал секретаря и распорядился дать мне анкеты для заполнения и передачи в отдел кадров Наркоминдела.

Через несколько дней приказом наркома я был назначен дипломатическим курьером.

ДИПКУРЬЕРСКИМИ МАРШРУТАМИ

Итак, отныне я уже не просто гонец, а гонец, наделенный дипломатическим «молоткастым, серпастым», по выражению В. Маяковского, паспортом. Трудная, ответственная, но почетная работа ожидала меня!

Шел 1920 год. Красная Армия сражалась с белополяками, нападшими на молодую Страну Советов. Мне по-

ручили отвезти диппочту в столицу буржуазной Литвы — Вильно (Вильнюс). Это была первая моя поездка в качестве дипкурьера.

По приезде в Минск я должен был немедленно связаться с военным командованием, выяснить, свободен ли путь на Вильно, и продолжать свою поездку лишь в том случае, если имеется уверенность, что опасности нет. Военное командование в Минске заверило: путь свободен. Наш дипломатический вагон был прицеплен к поезду, направлявшемуся в Вильно. Вместе со мной в вагоне находились еще двое: кто-то из лидеров молодотурецкой партии, ехавший в Берлин, и председатель американского профсоюза швейников Хиллмен, которых было поручено довести до Вильно.

На станции Молодечно выяснилось, что дальше ехать нельзя: в нескольких десятках километров железнодорожный путь перерезан польскими войсками. Положение усугублялось тем, что и возвратиться в Минск было невозможно, этот путь также был блокирован. Оставалась открытой лишь дорога на Полоцк.

После длительных переговоров с помощью представителей военного командования наш вагон был прицеплен к последнему воинскому составу, отправлявшемуся на Полоцк. Поезд двигался очень медленно. Чем ближе подъезжали к городу, тем чаще встречались забитые составами станции. Было очень тревожно. Пошли слухи, что белополяки обходят нас и попасть в Полоцк едва ли удастся.

Видимо, бои с белополяками шли где-то недалеко. Поэтому, как только поезд остановился на последней станции перед Полоцком, я со своей диппочтой и двумя иностранными попутчиками отправился в город пешком. Там я немедленно сообщил по телефону Г. В. Чичерину о сложившейся обстановке, и мне было предложено вернуться в Москву.

Так я получил боевое крещение в качестве дипломатического курьера.

Советские дипкурьеры, особенно в первые годы после Октябрьской революции, не были гарантированы от всяких самых неприятных случайностей. В любое время и в любом месте они могли ожидать нападения. Им нужно было быть всегда начеку.

При каждой поездке за границу в пути случались

какие-нибудь приключения. За давностью времени многие из них изгладились из памяти. Но были и такие, что запомнились на всю жизнь.

...Это случилось в начале апреля 1922 года. Помимо обычной дипломатической почты, которую я вез в Англию, мне было поручено отвезти совершенно секретную диппочту для нашей делегации в Генуе.

Как известно, 10 апреля 1922 года состоялось открытие Генуэзской конференции, первой международной конференции, на которой присутствовала советская делегация во главе с Г. В. Чичериным. Империалистические государства были вынуждены считаться с фактом существования и укрепления первой социалистической республики, без которой отныне нельзя было разрешить ни одного серьезного вопроса международной жизни. Впрочем, империалисты возлагали на конференцию надежды добиться от правительства Советской России возврата иностранным капиталистам фабрик и заводов, уплаты долгов царского правительства и т. п. В связи с этим между Москвой и Генуей шла переписка, доставкой которой и были заняты наши дипкурьеры.

В ту поездку особую почту, предназначенную для советской делегации в Генуе, я должен был передать нашему полпреду в Берлине. Все шло благополучно до германской границы. Здесь на станции Эйдкунен у меня возник неприятный разговор с немецким офицером из-за двух дипломатических вализ, которые я вез для полпредств в Германии и Англии.

Как правило, на всех пограничных станциях западных стран пограничные офицеры держали себя по отношению к советским дипкурьерам нагло и вызывающе. Они были готовы придаться к любому поводу, чтобы досадить нам. Особенно «проявляли себя» надменные и заносчивые прусские офицеры. Они всячески старались найти какой-нибудь предлог, чтобы зафиксировать, что советский дипкурьер «нарушает законы». На этот раз у меня произошло серьезное столкновение с офицером, который заявил, что я незаконно везу вторую дипломатическую вализу, адресованную полпредству в Германии. На самом деле в этом ничего противоречащего закону не было, так как на каждую вализу мною был предъявлен курьерский дипломатический лист.

Усатый офицер в хорошо отутюженной форме, поигрывая стеклом, твердил, что я имею право везти диппочту только в Англию. Оставались считанные минуты до отхода поезда, а он меня все не отпускал. Никакие доводы, убеждения и даже угрозы, что я буду жаловаться, не помогали.

Что было делать? Я, конечно, мог бы вернуться в Ригу. Но на это нельзя было пойти ни в коем случае, так как важная диппочта, предназначенная для делегации на Генуэзской конференции, не попала бы вовремя к Г. В. Чичерину.

Проклятый солдафон! Нужно было как-то умаслить его. Зная из опыта, что немецкие офицеры на границе питают особенную «слабость» к дорогостоящим гаванским сигарам, я на всякий случай обычно имел их в запасе. К счастью, так было и в тот злополучный день. Я вытащил из портфеля коробку гаванских сигар «Корона» и по возможности любезнее, хотя и проклинал его в душе, преподнес офицеру в знак приятного знакомства. Как и следовало ожидать, он сразу утихомирился. Поезд уже трогался, когда я на ходу вскочил на подножку вагона.

Поезд шел в Берлин. Через несколько часов, когда мы подъезжали к Данцигскому коридору¹, предстояло вновь предъявить свои документы (на этот раз не менее требовательному польскому жандарму). Я решил заранее приготовить дипломатический паспорт, который всегда находился в портфеле вместе с диппочтой. Но что это? На этот раз паспорта там не оказалось! Стал лихорадочно искать его среди своих вещей, разобрал постель, перевернул все верх дном: паспорта нигде не было. А поезд мчался вперед, подвозя все ближе и ближе к польской границе...

Нервное напряжение дошло до предела. Я напрягал всю свою волю, чтобы успокоиться, и вновь и вновь принимался искать паспорт, разбросав вещи по всему купе. Но все было напрасно: документ как в воду канул!

Ясно представилось: меня задерживают как беспас-

¹ Данцигским коридором называлась между первой и второй мировыми войнами узкая полоса территории, дававшая Польше выход к Балтийскому морю. Основные массивы западных польских земель по Версальскому мирному договору 1919 г. оставались в составе Германии.

портного бродягу, а документы государственной важности, доверенные мне Советским правительством, попадают в руки врагов, которые не замедлят использовать их в своих целях. Не лучше ли уничтожить диппочту немедленно, пока еще есть время? Нет, нет, этого делать нельзя: ведь меня предупредили, что эти документы исключительно важны.

Стук колес бил по моему мозгу как молотом. В сотый раз, уже не надеясь на успех, я стал тщательно перетряхивать постельное белье. И, о чудо! Отодвинув матрац, между ним и спинкой сиденья я наконец увидел свой паспорт. В это время поезд уже подходил к пограничной станции.

После того как польский офицер проверил мой дипломатический паспорт и покинул купе, я, оставшись один, долго не мог прийти в себя от пережитых волнений. Это приключение явилось для меня большим уроком.

Не обходилось почти ни одной заграничной поездки без того, чтобы за дипкурьерами не охотились агенты разведок капиталистических стран.

Дипломатические курьеры, курсировавшие между Москвой и Лондоном, в те годы нередко ездили без сопровождающих. Такие поездки сильно изнуряли курьеров, и, кроме того, они подвергались большому риску. В пути следования необходимо было сидеть в купе, не отлучаясь ни на минуту, и охранять диппочту. Для того чтобы пойти в вагон-ресторан, нужно было пройти ряд вагонов, а идти с почтой было довольно опасно, в любом тамбуре могла быть устроена засада. Заказать в ресторане обед и попросить принести его в купе было также рискованно, так как не исключено, что пищу могли отравить. Рассказывали о таком случае.

В 1924 году дипкурьер А. Богун вез почту в Лондон. На одной из станций в вагон, где он находился, вошла миловидная продавщица прохладительными напитками. Было жарко. Желая освежиться, Богун купил пару бутылок лимонада. Выпив два стакана, он вскоре крепко заснул. В том же вагоне ехал сотрудник полпредства, которому показалось странным, что его товарищ внезапно впал в такой глубокий сон. В течение двух часов его не могли добудиться. По приезде в Лондон был проведен анализ, который показал: лимонад был насы-

щен снотворным. Агенты иностранной разведки, которые преследовали Богуна, очевидно, не знали, что в одном вагоне с ним едет сотрудник полпредства, который и помешал им выполнить задуманное.

Маршрут Москва — Лондон был довольно сложным. Приходилось проезжать территорию Латвии, Германии, Данцигский коридор. Дальнейший путь в Англию лежал через Гамбург.

В одной из моих поездок в Лондон (дело было в конце 1922 года) произошло следующее. Из Москвы до Риги я ехал в нашем дипломатическом вагоне, в окружении товарищей. Проводники вагона проявляли о нас большую заботу, а главное, мы были обеспечены в пути следования надежной охраной. Поездка в дипломатическом вагоне считалась настоящим отдыхом. Можно было спокойно поспать. Из опыта я знал, что в дальнейшем такой возможности уже не будет.

Советское полпредство в Риге обеспечило меня билетами в двухместное купе первого класса в поезде Рига — Париж. Пассажирами были немцы, англичане, французы, итальянцы и американцы. Я был в вагоне единственным советским гражданином (в такой обстановке надо быть особенно настороже). Первым делом, как всегда, я осмотрел свое купе и находящуюся между двумя купе уборную. Удостоверившись, что ничего подозрительного нет, положил свой небольшой чемодан на сетку, а портфель с диппочтой — под подушку. На всякий случай проверил, заряжен ли браунинг, и положил его на столик, прикрыв газетой.

Не успел я расположиться, как в дверь постучали. Это был проводник, который интересовался, хорошо ли я устроился. Все в порядке, отвечаю. Проводник медленно удалился. Но не прошло и часа, как он снова постучал в дверь, прося разрешения приготовить постель. Прежде чем впустить проводника, я убрал со стола браунинг, а портфель поставил под столик, заслонив его лестницей. Войдя в купе, проводник начал медленно стелить постель, украдкой оглядываясь по сторонам. Очевидно, не увидев того, что он искал, проводник спросил: «У вас только один чемодан. А мне показалось, что, когда вы сажались, у вас было два», — и с озабоченным видом спросил: «Не оставили ли вы где-нибудь второй чемодан?» Я заверил, что его тревоги напрасны.

Через некоторое время в дверь снова постучали. Женский голос спросил, не могу ли я одолжить спички. Открыв дверь, я увидел молодую, интересную, хорошо одетую женщину, а рядом с ней щеголеватого молодого человека с незажженной сигаретой в зубах. Разговор велся на английском языке. Закурив, они стали настойчиво угощать меня своими сигаретами. Я поблагодарил и отказался, ссылаясь на то, что курю сигареты только определенного сорта. Тогда молодая особа спросила, не скучно ли мне сидеть в купе одному, и предложила зайти к ним выпить рюмочку коньяку. С большим трудом удалось отделаться от назойливой пары.

...Поезд подходил к границе Данцигского коридора. Проводник попросил приготовить документы для проверки. Польский офицер тщательно изучил мой паспорт, проездные визы, фотокарточку и курьерский лист дипломатической почты. Все оказалось в порядке. Офицер козырнул и вышел из купе.

Не успел я закрыть дверь, как английская чета снова завязала со мной беседу, приглашая зайти к ним выпить рюмку коньяку. Я и на этот раз отказался, сославшись на головную боль.

Любопытство проводника, чрезмерное внимание ко мне незнакомой английской четы — все это было крайне подозрительно. Всю ночь напролет я не сомкнул глаз, готовясь ко всяким неожиданностям. Рано утром поезд пришел в Берлин. Выйдя в коридор с чемоданом и портфелем, я снова встретил моих навязчивых соседей.

По приезде в полпредство я рассказал товарищам из полпредства об обстоятельствах моего путешествия. Меня предупреждали:

— Совершенно очевидно, что за твоей почтой охотятся с той минуты, как ты сел в вагон в Риге. Надо полагать, что в покое тебя не оставят. Будь чрезвычайно осторожен.

По прибытии в Гамбург я доехал на такси в порт к пароходу, уходящему в Лондон. Поднимаясь по трапу на палубу, я почувствовал на себе чей-то взгляд. Оглянувшись, я увидел, что к пароходу подходят мои старые «друзья». Я поспешил скорее скрыться в своей каюте. Скоро я узнал, что каюта молодой четы оказалась ря-

дом с моей каютой. Поразительное «совпадение»! Пришлось сказатьсь больным и — выхода не было — попросить стюарда приносить пищу в каюту.

Было душно. В открытый иллюминатор с палубы доносился невнятный шум. Это пассажиры прощались с провожающими. Но вот раздался протяжный гудок, трап был поднят, и пароход медленно отчалил от пристани. Погода явно не предвещала приятного путешествия. С моря дул резкий ветер. Волны все сильнее бросали судно то вверх, то вниз.

Я размышлял о своих «попутчиках». Что они собираются предпринять? Решил не спать. Поздно ночью, задремав над открытой книгой, я почувствовал в каюте какой-то посторонний запах, а затем небольшое удушье. Было ясно, что меня пытались отравить или усыпить. Очевидно, газ каким-то образом пускали ко мне из соседней каюты или коридора. Вскочив с постели, я бросился к иллюминатору, открыл его, но в каюту хлынули потоки воды. Задраив иллюминатор, подскочил к двери и широко распахнул ее. Первое, что бросилось в глаза, это поспешно удалявшаяся английская парочка.

«Зря старались», — насмешливо бросил я им вслед. Весь путь до Лондона я уже не выходил из каюты...

«БЛАГОДЕТЕЛИ» ИЗ АРА

Во время одной из поездок в качестве дипкурьера мне пришлось столкнуться с сотрудниками пресловутой АРА. Случай, мне кажется, стоит того, чтобы о нем рассказать.

В 1921 году Советскую страну постигло тяжелое бедствие — голод, вызванный засухой в Поволжье. Над миллионами людей нависла угроза голодной смерти. Все, что можно было, брошено на спасение людей. Но внутренних ресурсов у нас не хватало. А. М. Горький обратился с воззванием «Ко всем честным людям». Он призвал все страны оказать помощь России продовольствием и медикаментами.

В июне 1921 года председатель Американской администрации помощи (АРА) Гувер заявил, что его организация готова оказать помощь детям и больным Советской России. Вскоре между Советским правительством и АРА было заключено соглашение по оказанию

помощи голодающим продовольствием, медикаментами и другими товарами. Соглашением обуславливалось, что деятельность АРА в Советской России является чисто благотворительной. Однако с первых же шагов сотрудники АРА начали устанавливать связи с антисоветскими элементами и вести разведывательную и подрывную деятельность. Кроме того, за поставленное АРА продовольствие и семена Советское правительство уплатило США золотом более 10 миллионов долларов¹. Так называемая американская помощь недешево обошлась советскому народу.

Основная же цель «благотелей» из АРА заключалась в подрыве советского строя.

Пользуясь дипломатическими привилегиями, курьеры АРА не только не брезгали мелкой контрабандой, но и вместе с высокопоставленными чиновниками использовали дипломатические вализы в крупных масштабах.

Об этих жульнических операциях говорило письмо заместителя Народного комиссара иностранных дел РСФСР М. М. Литвинова, адресованное неофициальному представителю НКВД РСФСР в США Б. Е. Сквирскому и касавшееся «обнаружения в дипвализе АРА контрабанды. Дипвализа была вскрыта в присутствии и с согласия заместителя полковника Гаскеля², который сам убедился в наличии в вализе запрещенных к вывозу ценностей и благородных металлов на сумму в несколько миллионов золотых рублей. Вместо того чтобы осудить поступок виновного сотрудника АРА, американская пресса обрушилась на Россию...»³

Такие факты были далеко не единичны.

Во время одной из моих поездок за границу (в начале 1922 года) в нашем дипломатическом вагоне ехали два американца, сотрудника АРА, одним из которых был курьер. Расположились они неподалеку от меня. С первой минуты появления в вагоне они повели себя вызывающе. Полагая, что их ближайшие соседи не владеют английским, американцы издевательски и цинично отзывались о Советской России, о ее людях, охаивали все и вся.

¹ См. «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 610.

² Полковник Гаскель — директор русского отделения АРА.

³ «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 157.

Нужно было поставить их на место. Я откровенно высказал свое мнение об их поведении и предупредил их, что в дальнейшем не буду терпеть оскорблений по адресу своей страны и приму соответствующие меры. Любопытно, что ехавшие в том же дипломатическом вагоне дипломатические представители других стран никак не реагировали на вызывающее поведение своих «коллег» и явно выжидали, чем все это кончится.

Несколько присмирив, американцы принялись за виски. До меня долетали отрывки их разговора, из которых я уловил, что эта поездка позволит им сделать «большие деньги». Это заставило меня насторожиться. Я вспомнил, что при входе в дипломатический вагон носильщики внесли за американцами два тяжелых чемодана и большого размера мягкий сверток, бережно обшитый материей. Что могли они везти в этих чемоданах и свертке? А если они кое-что спрятали в своем личном багаже? Надо было что-то предпринять. Но что?

Времени для размышлений оставалось мало, поезд подходил к границе. Понимая всю меру ответственности, я все же решил сказать сотрудникам таможни о необходимости произвести досмотр багажа американцев.

Поезд подошел к пограничной станции Себеж. В вагон вошли пограничники, которые забрали у пассажиров паспорта и предложили им, за исключением дипломатов, последовать в таможню для осмотра багажа.

Выйдя из вагона, я сообщил о своем подозрении начальнику таможни. Когда некоторое время спустя я вошел обратно, то услышал шум. Как я и предполагал, американцы категорически отказывались допустить досмотр их личного багажа, мотивируя тем, что по соглашению между АРА и нашим правительством сотрудники АРА не подлежат личному досмотру.

От имени начальника пограничной таможни американцам было заявлено, что, действительно, личному досмотру они не подлежат, но, поскольку у них нет документа Наркоминдела о том, что их багаж не подлежит осмотру, им придется подчиниться советским законам. Все, сказали им, что не подлежит к вывозу за пределы страны, при отсутствии у них специального разрешения, работники таможни обязаны изъять.

Такое заявление привело американцев в неистовство. Они начали оскорблять должностных лиц. Тем време-

нем в вагон вошли три красноармейца с винтовками и стали у дверей купе. Очевидно, янки не ожидали таких решительных мер. Им пришлось открыть свои чемоданы, которые оказались заполнены хрусталем, художественными безделушками, а при вскрытии свертка были обнаружены ценные картины и другие произведения искусства.

«Благодетели» из АРА были пойманы с поличным.

СЛУЧАЙ НА ПАРОХОДЕ

Во время поездок за границу дипкурьерам приходилось сталкиваться с разными людьми. Среди них попадалось немало врагов Советской России, но были и наши искренние друзья. Случались и разные, порой неожиданные, необычные ситуации. В общем приходилось всегда помнить, что мы являемся представителями Советской страны, и держать себя соответственно.

В конце 1921 года я ехал на английском пароходе из Лондона в Ревель (ныне Таллин). О том, что я дипкурьер, знал только капитан парохода. Я был хорошо одет, владел английским языком, и пароходное «общество» вполне могло принять меня за своего.

В Данциге на наш пароход сели два пассажира — муж и жена — средних лет. Оба были хорошо одеты, жена щеголяла дорогими нарядами и бриллиантами.

К ужину вновь прибывшие пассажиры явились в изысканных вечерних туалетах. Их усадили за наш стол, где освободились два места. Желая обратить на себя внимание, дама в вечернем платье громко, хотя и ни к кому прямо не обращаясь, заявила, что они с мужем русские и лишь всего несколько месяцев назад с большим трудом вырвались из «советского ада». В кают-компании наступила тишина. Даже за соседними столиками прекратили есть и воззрились на «жертв красных». Тем временем дама, не жалея красок, расписывала зверства и насилия, творимые большевиками, голод и т. д. Тема явно пришлась присутствующим по вкусу.

Большинство пассажиров на пароходе составляли богатые английские туристы, враждебно настроенные против Советской России. Со всех сторон посыпались сочувственные восклицания и вопросы о России, на которые

она с большим удовольствием отвечала, нагромождая одну выдумку за другой.

Капитан парохода, зная, что я советский дипломатический курьер, время от времени, слегка улыбаясь, поглядывал на меня. Очевидно, его интересовало, как я буду реагировать на выпады этих господ. Молчать в такой обстановке было нельзя.

Я выждал, пока поток сенсационной «информации» несколько поутих, и попросил у дамы разрешения задать ей несколько вопросов. Спрашиваю: как почтенной чете удалось перейти советскую, а затем и польскую границы, ведь это задача весьма трудно выполнимая, в особенности для женщины? Я также задал вопрос: возможно ли за несколько месяцев пребывания в Польше заработать такой капитал, чтобы приобрести драгоценности, туалеты и отправиться путешествовать в каюте первого класса? Не логичнее ли предположить, что Советская власть, очевидно, разрешила супругам вывезти некое личное имущество? Наконец, заметил я самым невинным тоном, вид уважаемых господ мало сочетается с рассказом о перенесенном страшном голоде, о зверствах большевиков и т. д.

В кают-компании наступила тишина. Все с интересом ожидали ответа четы на мои вопросы. Но ответа не последовало. Дама явно не ожидала такого оборота дела. Уж кого-кого, а большевика в столь респектабельной публике она не рассчитывала встретить!

Снова «взяв слово», я высказал предположение, что, вероятно, господа на основании соглашения между Советской Россией и Польшей воспользовались правом репатриации и без всяких помех выехали из Советской России, вывезя при этом с собой все свои ценные вещи. Очень жаль, добавил я, что на доброе отношение к себе некоторые отвечают измышлениями и клеветой.

Кое-где послышались смешки, мнимые «жертвы большевиков» были сконфужены. За общим столом я их больше не видел.

О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ...

Работая в Наркоминделе, мне посчастливилось встречаться с такими крупными дипломатами, как Георгий Васильевич Чичерин, Максим Максимович Литвинов,

Леонид Борисович Красин. Это были замечательные, высокообразованные люди, бесконечно преданные делу партии. Нам, молодым дипкурьерам, они всегда оказывали необходимое внимание и помощь.

Вспоминаю одну из встреч с Леонидом Борисовичем Красиным. Красин был одним из старых членов нашей партии, крупным инженером, владевшим несколькими иностранными языками. В то время он являлся советским представителем в Англии. Благодаря своей высокой культуре и эрудиции Леонид Борисович пользовался большим авторитетом не только среди прогрессивной общественности Англии, но и в правительственных кругах.

В один из моих приездов в Лондон мне передали, что Л. Б. Красин просит зайти к нему. Войдя в кабинет, я увидел, что там сидит какой-то посетитель. По манере его держать себя сразу определил: американец. Я поздоровался, Леонид Борисович предложил мне сесть. Продолжая разговор с американцем, Красин как бы вскользь заметил:

— Вы хотели видеть человека, который недавно прибыл из Советской России. Пользуюсь случаем представить вам советского дипкурьера Бориса Шапика, который только что прибыл в Лондон из Москвы. Ну, как вам нравится этот молодой человек?

Не зная, о чем они ранее говорили, я смутился. Наступило молчание. Американец довольно бесцеремонно рассматривал меня. А потом стал задавать вопросы. Его интересовало буквально все. Как с продовольствием? Жильем? Постановка народного образования? Работают ли промышленные предприятия? Железнодорожный транспорт? Состояние сельского хозяйства?

Я отвечал, насколько мог, подробно. Американец слушал меня с некоторым недоверием. Затем спросил:

— М-р Шапик, судя по вашему произношению, вы, очевидно, жили в Нью-Йорке, не так ли?

Я подтвердил.

— Скажите, пожалуйста,— продолжал он,— что заставило вас уехать из США в страну, где царит страшная разруха. Ведь в США для каждого молодого предприимчивого человека имеются богатые перспективы. Разве в Америке вы плохо зарабатывали?

— С заработком всякое бывало,— ответил я.— Но не в этом суть. Просто очень хотелось возвратиться на

родину. Разве я исключение? В первой половине 1921 года, когда я работал в советском консульстве в Либаве, из США «самотеком» без виз в Советскую страну уехало более 16 тысяч человек. А сейчас они в трудных условиях работают на фабриках, заводах, в сельском хозяйстве, помогают преодолевать разруху... **Приезжайте к нам, — добавил я, — увидите все сами!**

Мои ответы, видимо, не расходились с ответами, ранее данными А. Б. Красиным, и он весело засмеялся. Американец был в замешательстве. Он раздраженно посмотрел на Красина и сквозь зубы процедил:

— Возможно мы, американцы, действительно мало знаем о Советской России.

Потом поблагодарил за информацию. Чувствовалось, однако, что она была ему не по нутру.

Когда американец ушел, Красин посмотрел на меня и, усмехаясь, сказал:

— Этот человек до вашего прихода сидел у меня уже более часа и все твердил, что хочет узнать достоверные факты. И не от кого-либо, а от человека, только что приехавшего из Советской России. Тут я и решил вас познакомить с этим любознательным американцем. Судя по всему, кое над чем ему теперь придется поразмыслить!

Нельзя не упомянуть добрым словом наших славных гонцов, погибших за кордоном в первые годы установления Советской власти. Л. К. Мартенс в своих показаниях 30 января 1920 года в подкомитете сената США подтвердил, что из двадцати курьеров, курсировавших между Нью-Йорком и Москвой, десять были арестованы и что «несколько наших курьеров были расстреляны в Финляндии...»

Это были настоящие герои — борцы и революционеры, которые во имя идеалов коммунизма шли на подвиг. Их беззаветное мужество и отвагу признавали не только наши друзья.

Небезынтересно привести статью редактора лондонской газеты «Дейли геральд», видного лейбориста Дж. Ленсбэри¹, которая была им прислана в Лондон из Финляндии в феврале 1920 года.

¹ Джордж Ленсбэри — один из лидеров лейбористской партии. 21 февраля 1920 г. он имел беседу с В. И. Лениным (см. «Неделя» № 30, 21—27 июля 1969 г.).

«ОНИ ЗНАЮТ, КАК УМИРАТЬ.

Большевистские курьеры проходят между Финляндией и Россией только ночью. Они держат свою жизнь в собственных руках, и многие из них были расстреляны. Один молодой парень — многим из них около двадцати лет — был ранен. Переходя лед, на расстоянии нескольких сот метров от берега упал в прорубь, но ему удалось выкарабкаться. Несмотря на слабость от потери крови, он опять двинулся вперед, но стрельба возобновилась, он был ранен вторично и пополз по льду до холма, где прятался до ночи. Слабый и истощенный, он дополз на четвереньках к месту назначения. Пролежав несколько месяцев в больнице, он затем добровольно вернулся к выполнению столь опасного дела. Он и ныне готов жертвовать собой во имя идеи.

Один американский офицер, с которым я как-то обедал, не защищавший ни ту, ни другую сторону, но чувствующий, что необходимо горячо поддержать мир, сказал мне: «Что-то благородное должно быть в большевизме, потому что они, как истинные мученики всех веков, идут на смерть со стойкостью и простотой выше всякой похвалы...»»

Таков был тернистый путь первых наших курьеров.

Мне довелось встречаться с некоторыми товарищами, которым несмотря на невероятные трудности все же удалось благополучно добраться до Нью-Йорка. Но, увы, позже многих из них я уже больше не встречал. Одни пропали без вести, другие были расстреляны в капиталистических странах.

С тех пор прошло более пятидесяти лет, но мы вспоминаем с большой теплотой об этих поистине замечательных коммунистах-интернационалистах, которые, не щадя себя, отважно шли на подвиг. Никакие опасности и лишения не являлись преградой для выполнения порученных им заданий Советской Родины.

МОИ ВСТРЕЧИ С ДИПЛОМАТИЧЕСКИМИ КУРЬЕРАМИ

•
Е. В. РУБИНИН

Те, кому пришлось работать на поприще советской дипломатии в первые годы существования Советского государства, знают, какую роль играли тогда эти скромные сотрудники Народного комиссариата по иностранным делам — дипломатические курьеры.

В самом деле, работа дипломатического курьера представляется очень простой: принять в Наркоминделе, в специальном отделе (который так и назывался «Отдел дипкурьеров»), должным образом упакованную и печатанную вализу, которая чаще всего имела форму чемодана, и довести ее в неприкосновенности до адресата, каковым было определенное советское полпредство за границей. Таковую же операцию дипкурьер проделывал затем в обратном направлении — на этот раз с дипломатической почтой, которую ему вручали в полпредстве для доставки в Наркоминдел.

Чтобы понять сложность этой, по видимости «простой» работы, необходимо знать ту историческую обстановку, в которой делала свои первые шаги советская дипломатия. Когда первые советские дипломатические курьеры выполняли, как они сами в шутку говорили, роль «извозчиков», обеспечивая связь между Наркоминделом и нашими немногочисленными полпредствами за границей, большинство буржуазных правительств не признавало Советского государства ни де-юре, ни де-факто. Это непризнание было выражением крайней враждебности, проявлением определенной политической линии, нацеленной на то, чтобы изолировать и в конечном итоге погубить Советское государство.

Такой политике следовали великие державы и соседние с Советской Россией малые государства, образовав-

шиеся после Октябрьской революции: Польша, Латвия, Эстония, Литва, Финляндия. Все эти государства оказывали гостеприимство и материальную поддержку всевозможным антисоветским организациям и группам, в том числе и отпетым белогвардейским бандитам.

Если дипломатические представительства Советской России имели дело с соответствующими ведомствами иностранных дел в странах пребывания, то дипкурьерам приходилось иметь дело с железнодорожной администрацией, таможенными чиновниками, полицией, производившими контроль за проезжающими через границу. А в этих органах было немало людей, люто ненавидевших Советскую власть, провокаторов и авантюристов, готовых на всякое. Вот почему несобходимо было быть постоянно начеку, как зеницу ока оберегать дипломатическую вализу, на которую можно было в любой момент ожидать покушения.

Дипломатические курьеры тех времен были людьми безгранично преданными социалистической Родине, обладали высокоразвитым сознанием важности выполняемой миссии, своего долга перед революцией. Для этой работы отбирались, как правило, люди закаленные, прошедшие суровую жизненную школу, способные не растеряться в трудный момент и правильно реагировать на всякую неожиданность.

С некоторыми из первых дипкурьеров мне довелось более или менее часто встречаться. Сохранились в памяти воспоминания о А. Богуне, Д. Скурко, А. Сливкине, Т. Нетте, И. Махмастале, А. Семенове, В. Урасове, о Роберте Гранте.

В первое время дипломатические курьеры ездили, случалось, в одиночку, но по мере осложнения обстановки курьеры, отправлявшиеся в более или менее длительные рейсы, стали ездить вдвоем. Ведь помимо всего прочего надо было и отдыхать, и заботиться о питании. Один из курьеров был основной, второй — сопровождающий.

Нередко в качестве сопровождающего выступал кто-либо из сотрудников Наркоминдела, который отправлялся в командировку в ту или иную страну. Мне самому доводилось ездить в роли «сопровождающего» (о двух таких поездках я дальше расскажу).

С тех отдаленных лет, когда советская внешняя по-

литика завоевывала свои первые позиции, очень многое в корне изменилось. Сейчас даже трудно представить те условия, в которых дипкурьеры вынуждены были совершать поездки.

Вспоминаются рассказы дипломатических курьеров, ездивших в Афганистан в 1920 году. Я работал тогда в только что организованном при Комиссии ВЦИК РСФСР и ЦК РКП(б) по делам Туркестана отделе внешних сношений. Направлявшиеся в Кабул прибывали поездом из Москвы в Ташкент. На афганской территории наших дипкурьеров сопровождал вооруженный конвой, предоставлявшийся правительством Афганистана для охраны. Передвигались верхом, на лошадях и верблюдах, в зной и холод, под вой шакалов, терпеливо преодолевая большие пустынные пространства, останавливаясь на ночлег где-нибудь в поле или в лучшем случае в караван-сараях — романтическое наименование отнюдь не романтических тамошних постоянных дворов. Описание таких поездок можно найти в воспоминаниях дипкурьеров И. Х. Баумана и О. Х. Германа, помещенных в этой книге.

Особенно часто вспоминается мне один из старейших дипкурьеров — А. А. Богун.

Обстоятельства сложились так, что с Андреем Андреевичем Богуном я встречался гораздо больше, чем с другими курьерами, и не только в 20-х годах. И всякий раз, встречаясь с ним, я не мог не оценить какую-то особенную жизненную силу этого человека, которая выражалась, в частности, в его способности о вещах довольно мрачных говорить с оттенком чудесного народного юмора.

Этот «упрямый хохол» — как мы его иногда называли и за глаза и в глаза — был типичным и, я даже сказал бы, классическим представителем «сознательных рабочих», которые в период кануна революции рано начали активно интересоваться социальными вопросами, почитать книжки, распространявшиеся легально или нелегально, участвовать в забастовках и демонстрациях, заниматься в политических кружках.

А. А. Богун был потомственным пролетарием. Его отец был квалифицированным рабочим — токарем по металлу. Родился Андрей в 1888 году в Донбассе, в городе Луганске. Четырнадцать лет, окончив двухклассное

железнодорожное училище, он начал свою рабочую жизнь в одном из депо Екатеринбургской железной дороги в качестве ученика, а затем помощника слесаря.

Андрей Богун очень скоро сблизился с передовыми рабочими. Революционные события 1905 года захватили юношу. Всеобщая забастовка, вооруженное восстание в Горловке, схватки с царскими драгунами-усмирителями — во всех этих событиях он принял самое активное участие. В те дни А. Богун вступил в местную организацию Российской социал-демократической рабочей партии и с самого начала примкнул к большевикам.

После разгрома революции 1905 года Богун был уволен с работы на железной дороге. Вскоре его, как «политически неблагонадежного», высылают из пределов родной Екатеринославской губернии. Через какое-то время Богуну удается устроиться слесарем в депо на Забайкальской железной дороге. Снова участие в забастовках, революционная работа, полицейские преследования, скитания... В 1910 году А. Богун приговаривают к каторжным работам и направляют в печально знаменитый Орловский централ. О своем пребывании в каторжной тюрьме А. Богун написал впоследствии статью, вошедшую в сборник «Орловский каторжный централ», изданный Обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Отмечу здесь попутно одну черту, характерную для Андрея Андреевича. Этот человек, образование которого ограничивалось двумя классами железнодорожного училища, обладал способностью и рассказывать, и излагать письменно эпизоды своей беспокойной жизни удивительно живо, ясно и очень точно. В оставленных им нескольких печатных работах нет никакой претензии на «литературное произведение». Есть только желание оставить какой-то след, документ, фиксирующий то, «чему свидетель в жизни был». В этом сказывается не только глубокая, внутренняя интеллигентность Богунa, но и характерное для большевика чувство своей принадлежности к большому коллективу, сознание важности того, чтобы факты истории служили делу революционного воспитания поколений.

После трех лет каторжной тюрьмы двадцатипятилетний Андрей Богун был отправлен на вечное поселение в Киренский уезд Иркутской губернии. Февральская

революция 1917 года вернула ему свободу и возможность вернуться в родной Донбасс. После Октября 1917 и до 1920 года А. А. Богун работает в разных областях советского строительства, в том числе в Луганском городском Совете, уполномоченным по реквизиции у кулаков хлебных излишков, уполномоченным ОГПУ города Харькова. Участвует в гражданской войне в качестве политработника, политкомиссара полка, председателя реввоен трибунала.

На Украине гражданская война протекала, как известно, исключительно бурно, особенно в некоторых районах. Отдельные города по несколько раз переходили из рук в руки, и не всегда было ясно, кто сейчас хозяин города: белые, красные, Петлюра, или Махно, или еще какой-нибудь недолговечный «батько». События сложились таким образом, что Богуну пришлось побывать в местах, временно захваченных махновцами. Лишь благодаря счастливому случаю Богун избежал смерти. Вскоре он подробно написал об этом своем опасном приключении (в июле 1920 года была издана написанная им брошюра «У Махно»).

Вот о чем рассказал Богун.

Осенью 1919 года во время наступления Деникина, когда белая армия, заняв Украину, двигалась на Курск и Орел, Богун был командирован в Москву с важным поручением. Но под Белгородом он едва не попадает в руки деникинской контрразведки. После многих опасных приключений он добрался до Нижнеднепровска под Екатеринославом, но тут был схвачен махновцами.

Его повели к дому, на двери которого был прибит кусок картона с надписью: «Штаб Махно». А. А. Богун так описывает этот «штаб».

«Вошли: лестница с часовыми на каждом шагу, самого ухарского вида, наконец, канцелярия: 1—2 пишущие машинки, за столиками барышни; то и дело входят и выходят вооруженные с ног до головы люди, раздаются громкие резкие приказания. Меня вводят в соседнюю комнату: в довольно большой комнате волны колыхающегося табачного дыма; тесно набилось народу; все хорошо вооружены; одни сидят, другие лежат на диванах, задрав ноги на стол, и часть стоит за недостатком мест. Посреди комнаты стол с остатками разных яств и множеством алкогольных бутылок, частью уже

опустошенных. На наш приход никто не обратил внимания, так как все находившиеся были увлечены происходившей борьбой двух здоровых верзил. Борцы схватились серьезно, тиская друг друга и поминутно задевая стол, стулья, и пр., и зрители сторонились, чтобы не помешать борющимся. Наконец один из борющихся очутился на полу, борьба окончилась, и только тогда победивший сурово оглядел нас и строго спросил: «Что надо?»»

Махновцы всячески допытывались у Богуна, не коммунист ли он, но никаких доказательств этого у них не было. Довольно долго пришлось пробыть Андрею Андреевичу в стане махновцев. Жизнь его была в смертельной опасности, но это не мешало ему внимательно присмотреться к окружающей обстановке. Он пишет о махновских бандитах, пытавшихся выдавать себя за «патриотов» и даже революционеров: Все «руководились одним желанием — как можно скорее нажиться.. Грабеж этот совершался почти явно, и это никого не удивляло и не возмущало».

Любопытен набросанный несколькими штрихами литературный портрет некоего Волина, который играл роль «теоретика-анархиста» и вдохновителя махновцев. Богун имел возможность послушать «главного идеолога» махновщины.

«Волин говорил, — рассказывает Андрей Андреевич, — долго и много. Закинув голову, не глядя на аудиторию, он витал в облаках, рисуя сказочные, несбыточные горизонты, строя планы широчайших, невыполнимых преобразований. И, понурив голову, сосредоточенно думая о чем-то, слушали его рабочие. И когда он кончил и платком обтирал свое взволнованное, вспотевшее от напряжения лицо, я взглянул на аудиторию и понял, что выражение лиц аудитории говорило ему: «Быть может, все это и хорошо, что ты говоришь, и говоришь ты хорошо, но... не годится это нам сейчас... не то это, что нам сейчас надо»... Понял это и Волин.

Я помню, как после этого совещания он кое-кому говорил: «Черт их знает, этих рабочих! Они на совещании были как сонные мухи и сидели немые как рыбы»».

Среди рабочих махновские лозунги сочувствия никогда не встречали.

Вскоре махновцы стали в панике покидать Екатери-

нослав. Сюда направлялись отступавшие части Деникина, остановленные под Тулой, разбитые и преследуемые Красной Армией, А Андрей Богун тоже ушел из Екатеринослава, но в обратном направлении, навстречу Красной Армии. Вскоре он стал работать инструктором в Политотделе Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

А. А. Богун обладал большим и разнообразным опытом политической борьбы и политической работы, когда в 1921 году ЦК партии направил его на работу в Наркоминдел, где он был назначен дипломатическим курьером. За девять лет, которые Богун проработал в этой должности, он проделал множество ответственных рейсов по разным странам Европы и Азии: побывал в Риме и Пекине, в Кабуле и Париже, в Варшаве и Тегеране, в Токио и Стокгольме и т. д. Его дипкурьерская карьера проходила у меня на виду. Я много раз встречался с ним как за границей, так и в Москве. А. А. Богун имел репутацию исключительно мужественного, солидного, опытного дипкурьера, на которого вполне можно положиться в любой ситуации. Вся его предыдущая жизнь, полная тревог и опасностей, замечательно закалила его и как бы подготовила для работы дипломатическим курьером первого социалистического государства. В воспоминаниях А. С. Семенова и О. Х. Германа читатель найдет упоминания о нем.

* *
*

Теперь несколько слов о моих поездках с дипкурьерами.

Как известно, 18 марта 1921 года был подписан в Риге «Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой». Договор предусматривал создание смешанной советско-польской комиссии. Меня назначили в эту комиссию экспертом по правовым вопросам.

В декабре 1921 года я направился в командировку в Варшаву. В те годы было в обычае командируемых за границу отправлять с оказией, то есть с очередным дипломатическим курьером. Спутником моим оказался один из первых дипкурьеров Владимир Александрович Урасов, старый большевик, подпольщик.

Мы с Урасовым ехали в двухместном купе междуна-

родного спального вагона; дипломатическая вализа находилась при нас, а в соседнем купе поместился сопровождавший Урасова курьер охраны.

Проехав станции Негорелое и Столбцы, которые тогда были пограничными, мы, запершись в купе, расположились на ночь. Я забрался на верхнюю полку. В. А. Урасов, сильно утомленный, так как в этот рейс он отправился сразу после возвращения из другого, более дальнего, устроился внизу.

Утром я решил покинуть свое воздушное ложе, и, упервшись в полку одной рукой, а другой ухватившись за металлическую вешалку на противоположной стенке купе, повис в воздухе на руках, собираясь соскочить на пол. В тот же момент мне в живот уперлось что-то твердое и холодное, и в полумраке купе я увидел вытаращенные сонные глаза Урасова. «Стой, стрелять буду», — сказал он хриплым шепотом. Я расхохотался:

— Что с тобой, Владимир Александрович!

В ответ я услышал тяжелый вздох. Урасов упал, обессиленный, на свою койку, уронив руку с маузером. Только через две-три минуты, придя немного в себя, он проговорил слабым голосом: «Знаешь, а ведь я мог тебя убить...» По молодости лет я не очень-то осознал, что могло произойти ненароком, и даже успокаивал Урасова.

Случай этот довольно характерен для той крайне сложной обстановки, в которой в то время приходилось работать советским дипломатам. Страны-«лимитрофы», как мы тогда говорили, особенно страны Прибалтики и Польша, кишели русскими белогвардейцами и наемными бандитами. В любой момент от них можно было ожидать нападения или какой-нибудь провокации. Неудивительно, что дипкурьеры постоянно находились в состоянии огромного нервного напряжения.

Последние годы жизни В. А. Урасов был поглощен работой по восстановлению в памяти событий революционной борьбы, в которых ему довелось участвовать. Но всякий раз, когда мы с ним встречались, он обязательно вспоминал о «том случае» в международном вагоне.

Вспоминается и еще один курьер — Роберт Грант, с которым мне пришлось ехать в Соединенные Штаты Америки. Произошло это следующим образом.

В 1933 году по инициативе президента Соединенных Штатов Америки Франклина Д. Рузвельта в Вашингтоне состоялись переговоры, в которых Советское правительство было представлено народным комиссаром иностранных дел М. М. Литвиновым. В результате переговоров между обоими государствами были установлены нормальные дипломатические отношения. Первым советским послом в США был назначен А. А. Трояновский. Одновременно были учреждены генеральные консульства СССР в Нью-Йорке и в Сан-Франциско.

Я занимал в то время должность заведующего одним из отделов Наркоминдела. В круг ведения этого отдела входили и отношения с США.

В апреле 1934 года я был командирован в Вашингтон и Нью-Йорк для ознакомления с работой нашего полпредства и генконсульства. Это путешествие за океан я совершил в качестве «сопровождающего» дипломатического курьера Роберта Гранта.

Напряженная международная обстановка требовала, естественно, и от советских дипломатических курьеров особой настороженности и бдительности. За те несколько недель, что мы провели с Робертом Грантом в пути и в США, где мы пробыли десять дней, я мог неоднократно убедиться в его высоких личных качествах. В прошлом рабочий, он был из тех латышских стрелков, которые отлично дрались вместе с русскими, украинцами и другими против белогвардейцев и иностранных интервентов в годы гражданской войны. Будучи самоучкой, он обладал солидной начитанностью, широким кругом интересов и по каждому вопросу имел свое мнение, которое высказывал свободно и веско, сохраняя в споре хладнокровие и никогда не теряясь. Он был для меня ценным чичероне в пути, поскольку для меня это была первая поездка за океан, тогда как он уже совершал этот рейс раньше и был знаком со всеми его особенностями.

Наше морское путешествие продолжалось пять суток, и оно могло бы быть довольно томительным, если принять во внимание, что наша «поклажа» лишала нас возможности свободно пользоваться всеми прелестями передвижения на трансокеанском лайнере. Один из нас всегда оставался в каюте, которую мы занимали вдвоем. Мы не выходили в паровой ресторан, а совершали трапезы в каюте, куда нам приносили пищу.

В этих условиях мы, вероятно, могли бы смертельно прискучить друг другу. Но этого не случилось, наоборот, мы почувствовали себя в результате странствия друзьями, и в этом прежде всего заслуга Роберта Гранта, внимательного, тактичного, доброжелательного товарища-партийца, умного и интересного собеседника.

Вспоминая свою дипломатическую службу, я с удовольствием перебираю в памяти наших славных дипломатов, и на этих страницах мне хотелось познакомить читателя хоть с некоторыми из тех, кого я хорошо знал и любил.

ДИПКУРЬЕР ШЕФЕР

И. М. МАЙСКИЙ

Передо мной лежит небольшой красный билет, надорванный и сильно потрепанный, на обложке которого написано: «Бойцу Красной Гвардии и Красному Партизану», а внутри значится: «Предъявителю сего тов. Шеферу, Андрею Георгиевичу...»

Я беру в руки билет, кладу на ладонь, переворачиваю, и далекие образы всплывают в памяти...

Андрей Георгиевич Шефер был настоящим воплощением героического советского дипкурьера первых лет революции.

Он родился в 1896 году в Риге. Отец его, латыш по национальности, был рабочим. Сам Андрей подростком был отдан в обучение к токарю по металлу и в семнадцать лет стал мастером этого дела. Вместе с заводом, куда он поступил на работу, Андрей в начале первой мировой войны был эвакуирован из Латвии в Россию. Здесь научился русскому языку и примкнул к революционному движению. В 1917 году Андрей стал большевиком и красногвардейцем. Активно участвовал в событиях Октября и захвате Кремля большевиками. Потом был кремлевским курсантом и служил в охране В. И. Ленина. А в 1920 году, как особо верный и надежный человек, А. Г. Шефер был направлен Центральным Комитетом партии в качестве дипломатического курьера в Народный комиссариат по иностранным делам. На этой работе с одним маленьким перерывом Шефер пробыл до конца своей жизни.

Впервые я встретился с Шефером в 1922 году. Особенно близкого знакомства между нами в то время не было, но Андрей сразу мне понравился. Это был красивый, статный парень, шатен с карими глазами, что

не часто бывает среди латышей, сильный и мускулистый. Хорошо пел. Думаю, если бы он учился, то мог бы стать профессиональным баритоном.

В 1923 году я на время перебрался в Ленинград и как-то потерял Шефера из виду. Но он сам напомнил о себе: несколько месяцев спустя довольно неожиданно женился на младшей сестре моей жены, которая оставалась в Москве, и мы с ним стали родственниками. Вскоре после того Шефер был назначен заведующим дипкурьерской базой НКВД в Берлине и вместе с молодой женой уехал в Германию.

В 1925 году я был направлен в качестве советника полпредства СССР в Лондон. Путь туда лежал через Берлин. По дороге мы с женой остановились на пару дней в германской столице и пришли в большее «соприкосновение» с Шефером. Ему было 29 лет, его энергия и деловитость прямо били ключом. Работы же у Андрея было очень много.

В то время отношения между советским и германским (тогда еще веймарским) правительствами были хорошие, и мы использовали это обстоятельство. Так как СССР поддерживал тогда официальные отношения со сравнительно немногими странами, то посылать в них диппочту непосредственно из Москвы было довольно сложно и небезопасно. Поэтому НКВД доставлял сначала всю почту, идущую из Москвы на Запад, в Берлин, а отсюда она развозилась дипкурьерами в Лондон, Париж, Рим, Вену и другие столицы. Именно эту задачу выполняла берлинская база, которой руководил А. Г. Шефер. Он был очень точен и аккуратен, не чурался никакой работы и иногда лично доставлял советским полпредствам особенно важные или ответственные пакеты. Андрей подробно рассказал мне о своем аппарате, о трудностях и опасностях при перевозке почты, о постоянном напряжении и почти бессонной работе курьеров в пути. В заключение он с гордостью сказал:

— Пока у нас не пропал ни один документ... Надеюсь, что так же будет и дальше.

Я похвалил его и пожелал успеха. А позднее поинтересовался у нашего тогдашнего полпреда в Берлине, как работает Шефер.

— Превосходно, — отвечал тот. — Он неутомим, умен, энергичен, выдержан... Я не желал бы лучшего.

В 1926 году, когда я работал в Лондоне, А. Г. Шефер как-то привез туда очередную почту. Почта была редкая и тяжелая — для наших торговых надобностей. Она лежала в небольших чемоданах, но эти чемоданы оттягивали руки тем, кто их нес. Чтобы не вызвать каких-либо подозрений у носильщиков, Андрей и сопровождавшие его товарищи несли чемоданы сами и притом старались изобразить дело так, будто у них в руках чуть ли не коробки с дамскими шляпами.

Когда почта была сдана полпредским работникам, а Шефер немного привел себя в порядок и переоделся (он был несколько франтоват), он зашел ко мне на квартиру. После ужина мы с женой стали его расспрашивать. Шефер по натуре был молчалив, особенно не любил он говорить о своих служебных делах, и я, собственно, не ожидал от него ничего особенного. На этот раз вышло, однако, иначе. Я знал, что незадолго перед тем Андрей возил почту в Италию, и поинтересовался, как понравилась ему эта страна. К моему удивлению, он вдруг взволновался и покраснел, а затем стал необычно быстро и горячо говорить.

— Понимаете ли, что произошло... Ну, страна красивая, солнечная, приятная... Да, да, но порядки в ней возмутительные!

В те годы только что пришедший к власти Муссолини создал многочисленные банды фашистов — чернорубашечников, которые наводняли улицы итальянских городов и творили суд и расправу над мирными жителями, особенно же над теми, кого они считали «подозрительными». Таких они избивали и издевались над ними всячески.

— Наш поезд шел из Милана в Рим, — рассказывал Андрей. — На одной из сравнительно небольших станций была остановка. Я с еще одним товарищем — курьером подошел к окну нашего вагона и стал смотреть. Вдруг, откуда ни возьмись, — банда фашистов... Они подбежали к группе итальянских рабочих, возводивших поблизости какое-то здание. Раздались крики. Я не понимал слов, но видно было, что фашисты чего-то требуют от рабочих. Рабочие бурно протестовали. Тогда

вся банда чернорубашечников набросилась на рабочих и стала их жестоко избивать. Кровь полилась на мостовую. Люди кругом стали в страхе разбегаться... Было гнусно до последней степени. У меня чесались кулаки, но что я мог сделать? Мы везли почту, были иностранцами... Пришлось сжать крепко зубы и проклинать фашистов про себя. Ужасно!..

Да, было ужасно даже слышать о таком.

В 1928 году А. Г. Шефер вернулся домой. Он просил ЦК дать ему работу на родине, и его желание было удовлетворено. Он продолжал работать в качестве дипкурьера, но жил теперь в Москве и возил почту главным образом на Дальний Восток.

Обстановка в этой части света была куда сложнее, чем в Европе. Помимо того, что общий уровень международного права здесь был значительно ниже, чем в Англии и Франции, районы, прилегающие к Тихому океану, в 30-х годах кипели бурными политическими и военными событиями. В Китае генеральские клики вели бесконечные войны друг с другом и вместе с тем каждая из них прислуживала той или иной империалистической державе. Японские милитаристы со своей стороны не скупилась на провокации в районе Китайско-Восточной железной дороги и Маньчжурии. В конце концов они захватили весь этот богатый край и создали здесь призрачное государство Маньчжоу-Го с эфемерным императором Пу И. Хозяйничали в нем, конечно, японцы.

В такой обстановке каждая дипкурьерская поездка на Дальний Восток (а они продолжались) напоминала опасную игру: можно было выиграть, а можно было и проиграть. наших дипкурьеров то и дело подстерегали вражеские засады, выстрелы, провокации. Однако мужество Шефера и его товарищей, их ловкость и решительность преодолевали все препятствия: почта доставлялась адресатам.

В последний раз я видел Андрея Георгиевича в 1935 году. С тех пор как он вернулся из Берлина, мы виделись не часто. Он все больше разъезжал по восточным странам, а я работал в Европе — в Финляндии и Англии. Во время редких наездов в Москву я видел его жену, его двух дочек, но сам он обычно отсутствовал, находясь где-либо в поездке. На этот раз, однако, повезло: мы оба одновременно оказались в Москве. Ше-

феру было уже почти 40 лет. Он еще более возмужал, окреп и стал еще красивее. Он много рассказывал об обстановке на Дальнем Востоке и предрекал крупные события здесь в недалеком будущем.

— Хотелось бы до них дожить,— задумчиво сказал Андрей.

— Ну, ты еще молод, у тебя много времени впереди,— ответил я.

— Это верно,— возразил Шефер,— но ведь каждая моя поездка на Восток — это, это...

Он не закончил, но надо было понять, что каждая такая поездка представляет большой риск...

Больше Шефера я не видел.

ПРИЗВАННЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

А. С. СЕМЕНОВ

Прежде чем начать рассказ об интересной и опасной диктаторской работе, хочется вспомнить ту революционную школу, которую прошел в начале века. Было все. Была первая империалистическая война, рядовая партийная работа, гражданская война. И самое радостное и незабываемое — встречи с Владимиром Ильичем Лениным.

Людам моего поколения жизнь досталась не только тяжелой — голодной, холодной, но для того, кто пошел по революционной дороге, дороге борьбы за счастье народа, исключительно наполненной и волнующей. Мне пришлось пережить тяжелое детство, одеть солдатскую шинель в первую мировую войну, быть участником Великой Октябрьской революции и провести всю, от начала до конца, войну гражданскую. Я встречал в своей жизни много интересных людей.

...Первые впечатления — город Житомир, 1905 год. По Вильской улице движется похоронная процессия. Громко звучит: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Это похороны студента Блинова, убитого на Соборной площади полицейским. Вдруг залпы солдат 20-го Галицкого полка. Участники процессии бросились врассыпную. Я был в этой толпе. Отделался тогда всего лишь испугом.

Как-то в нашу школу нагрянули солдаты. Что-то искали, перерыли все классы. Перед тем были арестованы два ученика, распространявшие прокламации. Все чувствовали: надвигаются большие события, которые изменят жизнь.

...Шел 1912 год. Работал я тогда в типографии «Голоса Одессы», думая продолжить образование; подгото-

вился, сдал экзамены в техническое училище, был зачислен, стал учиться, а по вечерам (точнее, по ночам) набирал газету. И вот — первая забастовка. Как-то вечером один из наборщиков, приехавший из Петербурга, стал рассказывать нам о социализме, о рабочей солидарности, о Первом мая. И как бы между прочим, сказал:

— Ребята, мы тут для вас дело придумали... Листовки... Только об этом никому ни слова.

Так состоялось наше приобщение к революции.

Грянула первая мировая война. Призвали и мой год. У одесского воинского начальника процедура была недолгой: «Годен!» Уже через день нас погрузили в товарный вагон с надписью: «40 человек или 8 лошадей» — и отправили в Херсон в тамошнюю крепость, где был расквартирован 44-й полк.

Муштра с утра до ночи. Фельдфебель нещадно матерился, пуская в ход кулаки.

В 1916 году отправили на фронт. За участие в знаменитом Брусиловском прорыве получил Георгиевский крест. За Тарнополем немцы впервые применили ядовитые газы; человек тридцать из батальона основательно пострадали, в том числе и я. Почти ослепшими привезли нас в госпиталь. Там и довелось встретить Февральскую революцию.

— Товарищи, свобода, царя больше нет!

У всех радостные лица, целуемся, поздравляем друг друга. И вот я снова в Одессе, где устроился в типографию железной дороги. Дни огромного революционного накала. Непрерывно — на собраниях, митингах. В мае 1917 года стал членом РСДРП (большевиков). А дальше напряженная борьба, борьба за революцию, борьба с румынскими боярами, русской белогвардейщиной, националистическими бандами, польскими интервентами.

Когда я стал членом ленинской партии, меня направили для партийной работы в Измаил. Дел там было много. В городе, науськиваемые монархически настроенными офицерами, различные подонки начали грабежи. Чтобы покончить с ними, создали дружину, которая вскоре выросла до 500 человек. Начальником дружины назначили меня. В октябрьские дни ее переименовали в красногвардейский отряд.

В начале января 1918 года войска королевской Румынии вторглись на нашу землю. Нас, красногвардейцев, направили на фронт. В отряде, которым я командовал, было около 300 человек и одно орудие. Врагов — в десятки раз больше, они лучше вооружены. Положение было отчаянное...

Решили немедленно связаться с ревкомом в Измаиле, договориться, как действовать дальше. Еду туда сам. Но там уже хозяйничали оккупанты. Настало тяжелое время и нелегальной работы на оккупированной сначала боярской Румынией, а затем немецкими кайзеровскими войсками территории.

Работать приходилось в чрезвычайно сложной обстановке. На Украине бесчинствовали не только немецкие оккупанты, но и банды украинскиж националистов всех мастей и оттенков.

В феврале 1919 года фронт приблизился к Бердичеву. В марте в город вступают части Красной Армии. Мы, молодежь, влились в ее ряды. Меня назначили заместителем военкома 5-го кавалерийского полка 1-й Украинской советской (впоследствии 44-й стрелковой) дивизии, которой командовал двадцатичетырехлетний Николай Александрович Щорс. В один из мартовских дней Щорс приехал к нам в полк.

Предстояли бои за Коростень. Собрав командиров, начдив сказал:

— В первую очередь вы, лично вы, отвечаете за выполнение приказа. Коростень должен быть взят, и надо, чтобы люди это поняли.

В боях за город я был дважды ранен, и меня эвакуировали в тыл. Но ненадолго.

...1919 год. Боевая весна на Украине. Трудная весна. Петлюровцы прорвались к Жмеринке и заняли этот важный железнодорожный узел. В мае командир 6-й дивизии Красной Армии Григорьев поднял дивизию против Советской власти. Восставшие пытались разоружить красных курсантов — так назывались воспитанники курсов красных командиров, созданных по инициативе Владимира Ильича Ленина.

Вместе с красными курсантами мне довелось воевать в те тревожные дни.

Не успели сведенные в бригаду воспитанники военных училищ ликвидировать банды Зеленого и других

атаманов, как снова активизировалась контрреволюция. Под черным знаменем анархии собрались молодчики Махно, которые бесчинствовали от Гуляй-Поля до Помошной, под Балтой и Уманью «гуляли» банды Волынца и Заболотного. И снова бригада красных курсантов пошла в бой вместе с другими частями Красной Армии, очищая землю Украины.

Осенью 1919 года, по указанию народного комиссара по военным и морским делам Н. И. Подвойского, меня в числе некоторых военных работников вызвали в Москву. Вскоре я был назначен комиссаром Военно-инженерных технических курсов.

Прошел примерно месяц после моего вступления в должность. Как-то раз мне позвонили и попросили в десять часов вечера зайти в особый отдел ВЧК на Лубянку.

В назначенное время явился. Получил пропуск к начальнику особого отдела А. Х. Артузову. Он меня пригласил пойти с ним. Заходим в какой-то кабинет. Из-за стола поднимается высокий худощавый человек с каштановой бородкой, красивыми глазами, открытым взглядом. Поздоровались, меня пригласили сесть. Хотя в комнате было не очень светло, я узнал в этом человеке Феликса Эдмундовича Дзержинского. Дзержинский извинился, что потревожил меня в такой поздний час.

— Нам надо выяснить один вопрос... — Он взял из рук Артузова папку и раскрыл ее.

— Вот в чем дело, — сказал Феликс Эдмундович. — На курсах, где вы являетесь комиссаром, работает начальником бывший царский генерал Мириманов. Что у него на душе, трудно разобрать. Но факты таковы, что ничего компрометирующего мы не видим, а догадками не руководствуемся. По нашим данным, он не связан ни с какими подозрительными организациями. Нет у нас оснований подозревать его и в связи с белыми. Между тем на него поступает много заявлений, правда все они анонимные. В этих заявлениях его обвиняют во всех грехах и выставляют как заядлого контрреволюционера, даже пытаются приписать ему руководящую роль.

Арестовать Мириманова, продолжал Дзержинский, конечно, не трудно, ностораживает, что заявления без подписей и многое другое... И мы думаем, не хотят

ли личные враги Мириманова с ним разделаться нашими руками и убить двух зайцев — наказать царского генерала за его «предательство» и переход на сторону красных и скомпрометировать нашу работу, показать: вот, мол, как большевики поступают с царскими генералами, перешедшими на их сторону. Поэтому мы и решили все-сторонне все проверить, послушать и ваше мнение, хотя знаем, что работаете вы на курсах недавно.

С начальником курсов, в прошлом генералом царской армии Миримановым, я уже был знаком. Это был человек лет пятидесяти, нрава крутого, но, как мне казалось, справедливый и честный.

Я изложил Феликсу Эдмундовичу все, что знал о Мириманове с момента вступления в должность комиссара.

— Он крут, — сказал я, — иногда груб, но любит порядок, людей держит строго, и, возможно, что это многим не нравится. С нами, коммунистами, не заигрывает, решает все по-деловому...

Мы поговорили минут двадцать. Ф. Э. Дзержинский рассказал о разного рода провокациях, к которым прибегают белогвардейцы, и посоветовал не ослаблять бдительность и держать связь с Артузовым. Так партия в лице одного из ее крупнейших деятелей, Ф. Э. Дзержинского, учила внимательно относиться к людям, не решать вопросов с наскока, доверять людям, проверять по делам. Мириманов и дальше честно служил в Красной Армии.

В Москве я познакомился с легендарным героем гражданской войны Гаем (Бежишкянцем) — командиром третьего конного корпуса. Это был человек огромного обаяния, сказочного мужества, колоссальных способностей. В сентябре 1918 года полками его дивизии была освобождена родина В. И. Ленина — город Симбирск.

Любопытно, что в те годы мне вместе с Гаем пришлось участвовать в съемках фильма «Банда батьки Кныша». Кинорежиссеру Александру Разумному понадобилась для фильма кавалерийская часть. Договорились с Гаем. Было получено разрешение военного начальства. В этом фильме я исполнял роль комиссара бригады, а всеми «боями», согласно сценарию, руководил сам Гай.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

В сентябре 1919 года, в разгар гражданской войны, как уже говорилось, я работал комиссаром Московских военно-инженерных курсов. Курсы находились в помещении бывшей гимназии Шелапутина, что на Девичьем поле. Обстановка на фронтах была крайне напряженной. Красная Армия, бесстрашно сражавшаяся за дело революции, испытывала острый недостаток в грамотных командирах, и не только в строевых, но и в специалистах — инженерах и техниках.

Усиленную подготовку таких военных командиров вели и наши курсы. При этом наряду с военными и техническими дисциплинами, преподававшимися курсантам, была широко развернута культурно-просветительная работа.

Приближалась вторая годовщина Великого Октября. Хотелось как-то по-особому отметить этот праздник. И вот родилась идея — силами нашего драмкружка поставить какой-нибудь интересный спектакль. После долгого обсуждения остановились на пьесе Бернарда Шоу «Шоколадный солдатик».

Готовились усердно. И вдруг выяснилось, что у нас нет ничего для устройства декораций и, главное, нет холста или какой-нибудь другой подходящей для этой цели материи. Три дня бегали по голодной и холодной Москве, и все тщетно. Везде нам отказывали. В конце концов решили за помощью обратиться в орган ЦК РКП(б) «Правду».

Пошли трое — секретарь партийной ячейки курсов Кузьмин, начальник снабжения Якубсон и я.

Редакция «Правды» была тогда на Тверской (ныне улица Горького), где сейчас помещается редакция газеты «Труд». Поднимаемся на третий этаж. Спрашиваем, к кому обратиться с жалобой. Нас направили к Марии Ильиничне Ульяновой — секретарю редакции газеты «Правда». Изложили ей нашу жалобу, показали ворох наших писем в разные учреждения и резолюции с отказом.

Неожиданно в комнату, где мы разговаривали, вошел Владимир Ильич. Мы вскочили. Ленин любезно поздоровался со всеми и сразу же поинтересовался, с каким вопросом мы пришли к Марии Ильиничне. Мы рас-

сказали о нашей затее. Немного смутились: как-то неудобно было отвлекать нашим делом такого человека.

Но Владимир Ильич тепло улыбнулся, ободряя нас, и попросил Марию Ильиничну позвонить от его имени товарищу Склянскому, заместителю председателя Реввоенсовета республики, чтобы тот помог нам.

В. И. Ленин стал расспрашивать нас о жизни курсантов, о том, как мы готовим командиров для Красной Армии, и потом дружески с нами распрощался.

Мы долго еще не могли прийти в себя — так велико было впечатление, оставленное беседой с Ильичем. Ведь никто из нас троих до этого никогда близко не видел Ленина!

После его ухода Мария Ильинична позвонила Склянскому и передала просьбу Владимира Ильича помочь нам. Нечего и говорить, что просьба была удовлетворена и «Шоколадный солдатик» поставлен.

Незадолго до начала на спектакль неожиданно приехал товарищ Склянский с начальником управления военно-учебных заведений. Спектакль прошел хорошо. Больше всех были, вероятно, довольны сами артисты. После спектакля мы угостили гостей морковным чаем с пшеничными лепешками. Когда во время чаепития я поблагодарил Склянского за помощь, он улыбнулся и ответил:

— Не меня, а Владимира Ильича благодарить надо. Я бы никогда не дал вам столько мануфактуры...

В стране — голод, холод, свирепствовал тиф. Российская белогвардейщина вкупе с иностранными интервентами все туже стягивала кольцо фронтов вокруг центра страны. К Петрограду рвались банды Юденича. Партия мобилизовала все силы народа на борьбу с контрреволюцией. Велась мобилизация коммунистов, комсомольцев и членов профсоюзов для Петроградского фронта. Наши военно-инженерные курсы, объединенные в отдельную курсантскую бригаду, тоже ушли на фронт под Петроград.

В одном из боев против Юденича я был тяжело ранен и к тому же заболел сыпным тифом. Меня отправили на излечение в 151-й военный госпиталь, помещавшийся в Москве, в Грузинах. Когда я находился в

команде уже выздоравливающих, меня назначили комиссаром этого госпиталя.

Положение в госпитале было очень тяжелое. Не хватало знающих, опытных медицинских работников. Средний медперсонал почти полностью состоял из недавно мобилизованных работников фабрик и заводов. Плохое питание, отсутствие многих необходимых медикаментов не способствовали созданию хорошего настроения ни у работников госпиталя, ни у раненых.

Письма, которые получали с родных мест раненые и больные, часто усиливали недовольство. В некоторых письмах родные жаловались на произвол местных властей: в то время еще во многие Советы проникали кулаки и творили там свои грязные дела, особенно в отношении семей красноармейцев. Жаловались на материальную необеспеченность, нехватку продовольствия и топлива.

Мы, коммунисты госпиталя, обсуждали все это на своих собраниях, в беседах с ранеными, но часто чувствовали, что не на все вопросы могли правильно ответить.

Многое было нам просто не под силу. И вот на одном заседании партийного бюро при очередном обсуждении настроений раненых кто-то из коммунистов внес предложение пригласить в госпиталь Владимира Ильича. Пригласить, рассказать о наших нуждах, просить помощи.

Членов партийного бюро удивило такое предложение. Как это пригласить Ильича, когда у него столько огромных государственных забот и тревог! Да и не совсем он еще здоров после злодейского покушения.

Но предложение многим запало в душу. И после долгих споров решили сделать такое приглашение. Был у нас среди выздоравливающих красноармеец Петя, ему и поручили поехать в Кремль и передать Ленину резолюцию бюро госпиталя и приглашение. Мы все же не очень верили в возможность приезда Владимира Ильича, но наш посланец, вернувшись, рассказал, что был у самого Ленина и тот обещал выполнить просьбу раненых красноармейцев. Это сообщение вызвало бурю восторга.

А через несколько дней мы встречали Владимира Ильича. Приехал он вместе с Надеждой Константиновной и наркомом здравоохранения Н. А. Семашко. Мы

встретили их у дверей и проводили сразу в комнату. Владимир Ильич был в теплом пальто и шапке-ушанке.

Гости пожелали побеседовать с ранеными. Мы доложили, что сейчас в госпитале будет ужин, а после ужина соберутся в красном уголке все, кто может ходить. Владимир Ильич согласился с такой «программой» и попросил принести ему ужин из общего котла.

Принесли три тарелки — для Ленина, Надежды Константиновны и Семашко. В этот вечер, как и обычно, давали на ужин перловую кашу. Больные и раненые в шутку называли эту кашу «шрапнелью». К каше полагось масло, но жиров у нас тогда не хватало.

Во время ужина Владимир Ильич обратился к Семашко с вопросом, нравится ли ему каша.

— Каша, действительно, не важная, Владимир Ильич,— ответил Семашко.

Завязался разговор об обстановке в госпитале, о наших нуждах и нехватках. Гости расспрашивали нас о настроениях раненых, их питании, вплоть до того, где храним одежду красноармейцев. Мы отвечали, ничего не скрывая, все, как было. Ильич задавал вопросы о работе партячейки, собраниях, о всей жизни госпиталя и внимательно выслушивал.

Он тут же давал советы, обещал помочь, чем может. Здесь же высказал мысль, что не мешало бы создать журнал «Раненый красноармеец», который отражал бы нужды раненых воинов.

Совет Владимира Ильича мы приняли, и вскоре в 151-м военном госпитале появился журнал «Раненый красноармеец», который выходил раз в месяц. Сначала печатался он на ротаторе малым тиражом, а через некоторое время издание журнала взяло на себя Политуправление Красной Армии, и он получил всероссийское признание.

После ужина в красном уголке собрали всех — и раненых, и персонал госпиталя. Обращаясь к собравшимся, я сказал, что Владимир Ильич Ленин осчастливил нас своим присутствием, и предоставил ему слово.

Выступил Ленин.

— Дорогие товарищи,— начал он,— ваш комиссар неправильно доложил. Не я осчастливил вас своим приходом, а вы меня. Я рад побеседовать с вами, рассказать вам о положении республики...

Долго говорил Ильич, прохаживаясь иногда по комнате, и больше всего — о трудностях, которые переживала страна. Все, что есть, подчеркнул он, отдается Красной Армии. Рассказал о победе на Южном фронте. Объяснил, как могло случиться, что Деникин подошел было к Туле. Деникин имел некоторый успех потому, что Англия и Франция, Япония и Америка ему помогали. Затем Владимир Ильич отвечал на многочисленные вопросы и тут же разъяснял, почему происходят явления нежелательные и как надо поступать, чтобы их не было. Он совершенно не скрывал трудностей, которые стоят перед нами и которые нам еще придется преодолевать.

В заключение В. И. Ленин тепло пожелал раненым скорейшего выздоровления. Но он не сразу покинул госпиталь. Внимательно просмотрев список тяжелобольных, решил навестить кое-кого. Накинув халат, зашел к нескольким раненым командирам, поговорил с ними.

Проводить В. И. Ленина, Надежду Константиновну и Семашко вышел весь медицинский персонал.

В вестибюле, будучи уже одетым, Ильич обратился к нам и сказал:

— Вам выпала большая историческая миссия — вы лечите защитников революции и свободы. Сделайте все, чтобы они быстрее выздоравливали и покидали госпиталь. Этим вы внесете свой большой вклад в наше дело. Советская власть, красноармейцы и командиры будут вам благодарны!

В третий раз я встретился с вождем революции перед отъездом на польский фронт в мае 1920 года. Интервьюенты и белогвардейцы терпели разгром. Но передышка была короткой. Белополяки, по указке международной буржуазии, пошли войной против нашей страны.

В те дни в Москве состоялось соединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. Тысячи членов партии отправлялись на фронт. В их числе была и наша бригада.

Как член Московского Совета, я присутствовал на этом заседании, после которого В. И. Ленин должен был выступить перед частями, идущими на фронт.

Большой театр переполнен. Все с затаенным дыха-

нием слушают выступление вождя. Ленин подробно говорил о положении в стране, о том, что нами были приняты все меры, чтобы избежать войны, но раз нам навязали войну, раз дело дошло до нее, то все должно быть подчинено интересам фронта.

Владимир Ильич сказал, что «наступление Польши, это — обломки старого плана, некогда объединявшего всю международную буржуазию, и если тогда не удался этот грандиозный план, обеспечивавший с точки зрения чисто военной безусловный успех, то теперь даже и с этой точки зрения план безнадежен»¹.

Когда Владимир Ильич кончил говорить, ему подали записку о том, что воины, отправлявшиеся на Польский фронт, уже собрались у театра и ждут его. Ленин предложил прервать заседание и вместе с членами президиума вышел на площадь.

Как комиссар сводного добровольческого отряда курсантов, уходящих на фронт, я подошел к В. И. Ленину и доложил ему, какие части отправляются на фронт. Затем Ленин направился к трибуне, наспех сооруженной против театра. По дороге он поинтересовался, как идут дела в госпитале, в чем он нуждается. Оказывается, он все помнил, о чем говорили мы тогда в госпитале!

Потом Ильич поднялся на трибуну и произнес речь. В этой речи прозвучали великие слова:

— Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем. ...Пусть ваше поведение по отношению к полякам там докажет, что вы — солдаты рабоче-крестьянской республики, что вы идете к ним не как угнетатели, а как освободители.

НА ПОСТУ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КУРЬЕРА

Окончилась гражданская война. Страна возрождалась. Промышленность, сельское хозяйство начали набирать силу. С удовольствием я отдавался работе по своей мирной специальности — строительному делу, работе в типографии «Красный пролетарий» в Москве.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 115.

В 1926 году проходила широкая кампания по выдвижению рабочих на работу в советские учреждения. Партийная организация типографии «Красный пролетарий» выделила несколько человек, в том числе и меня.

В ЦК партии, заполняя анкету, я упомянул, что слабо знаю французский язык (который в свое время изучал). Знающих иностранные языки у нас было тогда очень мало, и, видимо, поэтому меня направили в Наркоминдел. Это случилось вскоре после бандитского нападения в поезде близ Риги на наших дипкурьеров Т. Нетте и И. Махмастала.

В комиссии НКВД (в которую входил представитель ЦК ВКП(б) Н. М. Шверник), рассматривая мою анкету, один из старых сотрудников НКВД усомнился в целесообразности брать меня на внешнеполитическую работу.

— Не понимаю,— говорил он,— зачем отрывать от дела квалифицированного рабочего, который имеет две полезных специальности...

Ответ на эту реплику дал Н. М. Шверник.

— Если исходить из ваших рассуждений, то выходит, что рабочий класс должен только стоять у станка, ну а кто будет управлять рабочим государством, каким является СССР? Потому мы и собрались, чтобы в аппарат НКВД влить рабочих, которые постепенно будут специализироваться в наркомате, и освободить людей, которые никак не могут привыкнуть к рабоче-крестьянской власти...

Через недели две, в начале апреля, я получил известие. Пригласили в Наркоминдел, в отдел кадров, и объявили, что меня назначают дипкурьером.

Так началась дипкурьерская работа. Работа нелегкая. В те годы каждый советский человек, выезжавший за границу, был буквально окружен шпионами и провокаторами, готовыми на всякую подлость. Правда, в то же время всюду за нами наблюдали внимательные глаза наших друзей, рабочих капиталистических стран, готовых помочь, прийти на выручку в трудную минуту.

Во многих странах довелось побывать. Первый рейс, как помню, был по маршруту Рига — Ковно (Каунас) — Кенигсберг — Берлин — Копенгаген. Затем — поездки в Китай, Турцию, Италию, Англию, Францию, Бельгию, Грецию, Испанию, Швейцарию и другие страны.

Одной из первых длительных поездок была поездка в Китай. Ехали вдвоем с дипкурьером А. Богуном, старым членом партии, спокойным, выдержанным, предусмотрительным до мелочей.

В тот период на севере Китая усилилась деятельность реакционных милитаристских клик. Чжан Цзо-лин и У Пэй-фу объединились в борьбе против освободительного, революционного движения. Их войска в апреле 1926 года вытеснили из района Пекина и Тяньцзиня армию Фын Юй-сяна. В эту кровавую борьбу реакционных сил, вдохновляемую и поддерживаемую империалистами США, Англии, Японии, было широко вовлечено белогвардейское охвостье, осевшее после разгрома Колчака на севере Китая, особенно в Харбине, Чанчуне, Мукдене.

В 1926—1927 годах, острее, чем когда-либо после гражданской войны, чувствовалось, что идет подготовка новых враждебных актов против Советского Союза.

До Харбина добрались без происшествий. Китайско-Восточная железная дорога, построенная русским правительством на основании договора с Китаем, по праву считалась одной из лучших железных дорог мира. Прекрасный подвижной состав, хороший путь позволяли развивать большие скорости.

Правительство Советского Союза по своей инициативе установило на дороге с 1924 года совместное, на равных условиях с Китаем управление, что не мешало китайским реакционным кругам и империалистам вести постоянную кампанию против интересов Советского Союза и даже делать попытки захватить КВЖД. Белогвардейцы, во множестве осевшие в Харбине и еще недавно группировавшиеся вокруг генерала Хорвата, матерого антисоветчика, управляющего КВЖД до 1924 года, угодливо помогали империалистам в провоцировании всевозможных конфликтов, стремясь создать повод для захвата дороги. В управлении Китайско-Восточной железной дороги было полно белогвардейцев. В Харбине они имели свои магазины, гостиницы, клубы и другие организации. Много белых работало в японской разведке и местной полиции.

В Харбине остановились в гостинице «Привокзальная», принадлежавшей КВЖД. Сдав почту на хранение в консульство, решили пойти посмотреть город.

Европейская часть его напоминала русский губернский город средней руки. Вырос Харбин вокруг КВЖД особенно в период русско-японской войны, когда сюда съехались тысячи поставщиков тухлой говядины, гнилых сапог и прочего добра для армии, спекулянтов, перекупщиков — всех тех, кто грел руки на войне.

Булыжные мостовые, небольшие кирпичные дома, много магазинов и всяких притонов. Довольно большой речной порт на реке Сунгари. В русском театре давали спектакли заезжие труппы.

Походив по городу, вернулись в гостиницу и сразу заметили, что в нашем номере кто-то хозяйничал. Вещи были целы, но все перерыто. Действовала чья-то опытная рука. Обследовали номер и обнаружили задекорированную дверь в соседний номер. Теперь было ясно, откуда явились незваные «контролеры». Шум решили не поднимать, но нашему консулу рассказали.

Консул выслушал нас и, учитывая общую тревожную обстановку в городе, запретил ночевать в гостинице; устроили нам ночлег у одного из сотрудников. Не сказав администрации гостиницы, что не будем ночевать, мы ушли, а утром, возвратившись в свой номер, обнаружили там форменный погром.

Чемоданы были выпотрошены, вещи разбросаны по всему номеру. На столе увидели записку, на которой печатными буквами было нацарапано: «Все же с вами, большевистскими агентами, разделаемся». Вызвали администратора. Показали ему все это безобразие. Приглашенный, помятый человек с военной выправкой, что-то бормотал, пряча бегающие глаза. Разговор, конечно, не получился. Видимо, тут была круговая порука или прямой сговор.

Собрав вещи, мы больше в гостиницу не являлись, а через день отбыли по маршруту Чанчунь — Мукден — Пекин.

До Чанчуня ехали в страшном напряжении. Несколько раз кто-то ломился в двери купе, ходил по крыше. Хуже всего, что здесь не на кого было надеяться. Ни на полицию, ни на служащих дороги. Оружие не выпускали из рук. Наконец Чанчунь — конечная станция КВЖД и начальная Южно-Маньчжурской железной дороги. Пришлось ждать поезда часа четыре. Южно-Маньчжурская железная дорога являлась одним из

разветлений КВЖД, уступленная по Портсмутскому договору Японии и управлявшаяся специальным японским акционерным обществом.

Меня поразили большой порядок и какая-то особая чистота на этой дороге. Железнодорожный персонал в форме, в белых воротничках и перчатках. Тем не менее «порядок» оказался довольно относительным. Вскоре оказалось, что прямая железнодорожная связь с Пекином прервана. Поезд направили в город Дальний (Дайрен), где мы и высадились. На всей дороге шли междоусобные бои между милитаристскими кликами. Дальше до Тяньцзиня пришлось плыть морем — сообщение поддерживалось японским пароходством.

Через два дня наконец погрузились на пароход. У нас была отдельная каюта первого класса с оплатой питания (так полагалось). Японец в морской форме в сопровождении двух матросов сразу по отплытии явился к нам в каюту, потребовал билеты и паспорта, все внимательно рассмотрел. Очевидно, он впервые видел настоящих большевиков, да еще с дипломатическими паспортами.

Разговор шел на плохом французском языке. Офицер указал, как пройти в ресторан, но я понимал, что с дипломатической почтой идти в ресторан не очень удобно, и просил его дать указание доставлять питание в каюту. Японец с минуту подумал, а потом в довольно грубой форме отказался это сделать.

Не могло быть и речи о том, чтобы оставлять каюту и ходить в ресторан завтракать, обедать, ужинать. Мы сознавали, где находимся и кто нас окружает, тем более что около нашей каюты мы уже заметили каких-то подозрительных людей, которые пытались завести разговор. До Тяньцзиня надо было плыть двое суток. Еду мы с собой не взяли. Проголодав день, на второй связались с боем, довольно смышленным пареньком лет пятнадцати, которого попросили прислать кока. Разговор с поваром происходил при помощи пальцев, так как кроме японского он знал только английский, а мы — ни того, ни другого.

Все же договорились, вручили ему две иены. Проблема питания была решена. А самое главное, мы были спокойны, что ничего в пищу не подложат (бывали и такие случаи). Так добрались до Тяньцзиня.

От Тяньцзиня до Пекина всего километров 90. Но на железной дороге творилось что-то невозможное. Попасть в вагон можно было только через окно. Люди облепили поезд от крыши до колес; тамбуры, уборные забиты солдатами. Порядка никакого, все вооружены. Мы с Богуном и двумя провожатыми, которых дал наш консул в Тяньцзине, кое-как втиснулись в вагон. Трудно дались нам эти последние километры дороги до Пекина. Конец пути ехали стоя в коридоре, заслонив поставленные на пол валізы с диппочтой. Подъезжая к Пекину, слышали выстрелы, но провожатые нас «успокоили» — это-де обычное явление для нынешнего времени. С трудом добрались до полпредства.

На следующий день нас пригласил полпред в Китае Л. М. Карахан.

В Китае он пользовался большим влиянием. С большой симпатией относился трудовой Китай к посланнику Советского рабоче-крестьянского правительства. В этом сказывалась искренняя благодарность китайского народа Стране Советов, которая протянула ему руку дружбы.

Китайцы — служащие советского посольства работали, как и трудящиеся Советской России, по 8 часов (а не по 12), с ними заключался коллективный договор, в материальном отношении они были поставлены в равные с советскими гражданами условия. Советские работники отказались от пользования рикшами — тогда основным средством транспорта в Китае. Нам казалось, что это недопустимо, поскольку такой способ передвижения унижает человеческое достоинство. Правда, через некоторое время Союз рикш ходатайствовал перед Л. М. Караханом о пересмотре этого решения: Союз рикш терял заработки и вежливых ездоков, которые не били рикш по голове и не гоняли их галопом, как это часто позволяли себе американцы и англичане.

Китайцы отчетливо видели огромную разницу в отношении к их стране и народу представителей рабоче-крестьянского государства и представителей империалистических стран.

В Пекине мы пробыли больше месяца, так как генеральская война на севере Китая еще продолжалась и железные дороги почти не работали, да и «порядок», который наводила японская военщина в Маньчжурии, делал поездку невозможной. Приходилось ждать.

Используя этот неожиданный отдых, мы познакомились с Пекином. Все китайские города оставляли у европейца незабываемое впечатление какой-то многоцветной декорации. Огромные иероглифы вывесок, яркие краски с преобладанием красного, странная, какая-то сказочная архитектура построек с их изогнутыми крышами, сладковатые запахи различных снадобий, цветные фонарики и особенно одежда людей — длинные темные халаты, косы у мужчин (в те годы они попадались еще довольно часто), штаны и маленькие изуродованные ножки женщин, которые шли по улице, держась за стены домов, бесконечное количество рикш и — на каждом шагу нищета, дикая нищета, которую трудно описать.

Торговцы снедью, в зависимости от товара, рекламировали его выкриком либо песней, свистком, звонком; каждый продукт имел таким образом свой «звук».

Но в то время сюда уже доносились и звуки великой революции, и надо было видеть, с каким уважением китайцы говорили с людьми, приехавшими из другого мира, где нет угнетателей и нет грязной борьбы генеральских клик.

Наконец появилась возможность выезда на родину. Была заготовлена почта, выправлены визы. Перед отъездом нас вызвал полпред, который был в курсе наших приключений, когда мы ехали в Пекин.

— Знаю, знаю, что было с вами в дороге. Могу сказать: счастливо отделались. Теперь поедете другим маршрутом. Посылаю с вами до Харбина негласную охрану, но будьте все время начеку.

Полпред вручил нам письма Г. В. Чичерину. Кое-как добрались до Харбина. В Москву вернулись осенью, пробыв в поездке в Китай почти два месяца.

* *
*

И еще об одной поездке.

Возвращались из Италии. В дороге узнаем, что поезд вместо маршрута Рим — Венеция — Вена, вследствие размыва пути, пойдет через Югославию.

Это было неожиданное и очень неприятное известие. В Югославии в тот период свила свое гнездо самая отпетая белогвардейщина во главе с Врангелем.

Королевское югославское правительство, конечно, было целиком на стороне этих душителей революции, не признавало Советского правительства и охотно участвовало в различных кознях против нашей страны. В самой Югославии к тому времени установился режим военно-монархической диктатуры. Поэтому так неприятен был этот новый маршрут. Можно было всего ожидать. Обсудив положение, решили, что если мы предъявим наши паспорта югославским пограничникам (среди которых, так же как и среди полиции, было много белых офицеров) — не миновать скандала, а помощи ждать неоткуда.

Наших представителей в Югославии не было, а представители в Вене и Италии даже не знали, что наш поезд идет через Югославию. Ссадив нас с поезда, белогвардейцы могли сделать затем с нами и почтой все что угодно...

Надо было быстро принимать решение. Попасть в руки белой банды значило погубить и почту, и себя.

Зовем к себе проводника — молодого австрийца (еще раньше мы с ним познакомились, и он знал, кто мы). У него было хорошее открытое лицо, внушавшее доверие. Решили рискнуть и рассказать ему о наших опасениях. Попросили: надо устроить так, чтобы наше купе в Югославии не проверяли и паспортов не пришлось предъявлять. (Порядок был такой: паспорта пассажиров сдавали проводнику, который и предъявлял их при проверке пограничникам.) Выслушав нас, проводник понимающе кивнул головой.

Мы спустили оконные шторы, почту положили на пол, приготовили газеты, спички, чтобы в случае нужды сжечь почту, и сели — один головой к дверям (ручку двери, как обычно, замотали ремнем), другой к окну.

Подъезжаем к югославской пограничной станции. Когда поезд остановился, вошли контролеры. Слышим их разговор с проводником на немецком языке.

— Давай скорее паспорта, поезд будет стоять только десять минут.

Слышим быстрые шаги по коридору, немецкую и русскую речь. Сидим не дыша, ожидаем стука. Не выдст ли проводник?

Эти минуты показались нам очень долгими. Наконец поезд тронулся. Выглянули в окно, отогнув занавеску.

веску, и обомлели: по перрону ходили офицеры в царской форме, в черкесках с газырями и кинжалами — из «дикой дивизии» генерала Дроздова, одного из наиболее жестоких карателей. Из рук этих бандитов было бы не вырваться... Дроздовцы внимательно осматривали проходящие вагоны, не подозревая, что в одном из них едут дипломатические курьеры Советского Союза и при них находится секретная почта. Какой лакомый кусок для антисоветчиков, какую провокацию могли бы они учинить!

Поезд набирал скорость. Теперь знаем: через 45 минут австрийская граница. Лишь бы не было остановок. Дверь держали привязанной.

Оба молчим, все еще не веря, что удачно выбрались из белогвардейского логова.

Наконец слышим, как поезд идет по стрелкам. Выглянули в окно — уже австрийская территория. Вздохнули с облегчением. Привели в порядок купе. Когда поезд остановился, мы увидели в окно австрийских пограничников. Открыли дверь и пригласили проводника. Поблагодарили его, вручили ему наши паспорта, а он говорит нам по-немецки:

— Геноссе¹, все хорошо, — и поднимает кулак в рот-фронтовском приветствии. Мы так же радостно ему ответили. А сами думаем: вот она интернациональная дружба!

...Много пришлось повидать в жизни — и хорошего и плохого. Но свою работу дипкурьером я никогда не забуду.

¹ Товарищ (нем.).

БАЛЛАДА О ТРУДНЫХ ДОРОГАХ

В. Л. РУДИМ

КРУПИЦЫ БИОГРАФИИ

В декабре 1906 года пермское полицейское управление было потрясено чрезвычайным происшествием: ночью на Большой Ямской улице у полицейского Еропкина неизвестные срезали револьвер. Даже сам Еропкин не мог толком объяснить, как он лишился своего «смит-вессона».

А дело было вот как: двое парней угостили озябшего Еропкина папиросами собственного изготовления. Папиросы были начинены снотворным. Когда блюститель порядка захрапел, парни (они были из боевой патрульной дружины большевиков) спокойно перерезали ремни кобуры.

Один из дружинников был Владимир Урасов. Тогда ему едва исполнилось шестнадцать. Но он, сын сапожника, ученик слесаря судоремонтного завода, уже был сознательным пролетарским бойцом. В том, девятьсот шестом, году Владимир стал членом РСДРП.

Школу Владимир посещал всего пять зим: нужда заставила пойти работать. Однако учеба продолжалась — более трудная, более сложная. Старшие товарищи по партии передавали ему свой опыт конспирации, показывали, как делать фитильные бомбы-«македонки», учили сооружать баррикады...

Год 1907-й. Январь. В городском театре идет спектакль. И вдруг откуда-то сверху полетели, мягко шелестя, белые листки. Листовки! Большевистские листовки! В зале экстренно зажгли свет. Полицейские бросились на галерку: оттуда летела «крамола». Хватали всех подозрительных. Так Урасов был впервые арестован. Это он сбросил листовки. Под его сиденьем нашли одну.

Потом суд и приговор: ссылка на два года в Вологодскую губернию. Члены РСДРП, попавшие в далекий Вельск, не сидели сложа руки — изучали книги по политике, философии, слушали лекции более образованных партийцев.

...Урасова, возвратившегося из ссылки, нигде не принимали на работу — неблагонадежен! Стал сапожничать вместе с отцом. Продолжал помогать партии. Чувствовал: вот-вот снова арестуют. И решил ехать в Петербург. Паспорт на чужое имя и адреса явок были получены еще в Вельске. Но прежде чем покинуть Пермь, нужно надежно спрятать оружие и взрывчатку, которые он хранил. Поговорил с верным товарищем — Иваном Мотыревым. «Возьмешь?» — «Схороню». Почистил, смазал винтовки, револьверы, упаковал динамит.

Темная августовская ночь. Парни несут оружие и динамит. Идут осторожно, прислушиваются. Кажется, никто не заметил. И вдруг — окрик: «Стой! Кто идет?» Владимир вскинул винтовку и уже хотел было дослать патрон в ствол, но Иван остановил: «Володя, ведь мы окружены».

Действительно, со всех сторон к ним подступали полицейские.

...Тюрьма. Допросы. Мучительные думы: как выследили? (Только через двенадцать лет найден был ответ в архивах охраны: выдал пробравшийся в боевую дружину провокатор.) Снова суд. Приговор — ссылка в Якутию. На плечах повис поношенный суконный халат с желтым «бубновым тузом» на спине.

Долгий зимний путь в насквозь промороженный Верхоянск. Пешком, на лошадях, на оленях. Холод пронизывал до костей. Когда подъезжали к юрте-стану, не могли слезть с нарт. Конвойные казаки брали ссыльных под руки и волокли в юрту. В ссылке встретил товарищей по партии. Там Владимир познакомился с Емельяном Ярославским. Многому научился девятнадцатилетний Урасов от Ярославского и других большевиков.

...1913 год. Урасов снова в Перми: амнистия по случаю трехсотлетия Романовых позволила вернуться домой. И почти сразу же Владимира призвали в армию. Командир полка сам осматривал новобранцев и на груди каждого ставил мелом цифру: в какую роту. Владимир попал в первую — образцовую. Знал бы полковник, что

определил туда большевика! Утомительная строевая муштра. Подпрапорщик однажды столько раз скомандовал «Кругом», что все попадали. Остался стоять только Урасов. Но и у него голова кружилась. «Кругом!» — скомандовал снова подпрапорщик. «Не могу!» — «Кругом!» В ответ неожиданное, дерзкое: «Не хочу!» Подпрапорщик выхватил клинок, но солдат его опередил — сдвинул горло словно железом. Был бы конец извергу, если бы дневальный — тоже большевик — не крикнул: «Товарищ Урасов, остановись!» От слова «товарищ» опомнился Владимир, разжал пальцы. За такое несдобровать солдату, но — удивительное дело — командир роты замял этот случай.

Может быть, потому, что знал: подпрапорщик — подлец и истязатель; может быть, потому, что полк уходил на фронт, что солдаты уважали Урасова за смелость и справедливость.

...Бои на волынской земле. Первым был убит подпрапорщик: своими же. Полк вел тяжелые бои, обороняясь от венгерской пехоты и австрийских улан. Как-то, случайно встретившись, ротный писарь сказал Урасову: «Командир полка хочет предать тебя военно-полевому суду — будто за подстрекательство к убийству подпрапорщика».

Но тут началось беспорядочное отступление. Под селом Посады всю роту, в которой находился Урасов, взяли в плен австрийские уланы.

Начинается новая страница в биографии Урасова. Лагерь военнопленных в Эстергоме, Шомории. И в плену Владимир оставался большевиком. Он был среди тех, кто создал в лагере партийную организацию, объединял пленных, протестовал против использования их на военных заводах, устраивал побеги.

...Осень 1918 года. Австро-Венгерская габсбургская империя развалилась. Прибывший нелегально в Венгрию Бела Кун и другие его соратники создают компартию. Но пока она действует в подполье.

В те дни Бела Кун поручает Владимиру Урасову и Эрне Зайдлеру найти типографию для печатания газеты — органа компартии. Название уже было — «Вереш уйшаг», что значит «Красная газета». И статьи тоже написаны для первого номера. Но еще никто не знал, где же удастся набрать и напечатать газету. Наконец подходя-

щую типографию отыскиали. Теперь надо было сделать все так, чтобы власти не пронюхали. Задача не из легких. Но разве редко бывало, что коммунисты действовали под самым носом у полиции! За ночь тираж должен быть готов во что бы то ни стало.

Перед рассветом, часа в четыре, раздался стук в дверь. Тревога! Кто там? Посмотрели в окно: Бела Кун. Отлегло от сердца.

— Как дела? Успеете к утру? Молодцы.

Взгляд Куна упал на стол: там матово лоснился черный «фроммер». Он лежал наготове, под рукой у венгра Мондика.

Бела Кун забрал пистолет: «Лишнее. Так можно все испортить».

В то утро Будапешт читал первый номер коммунистической «Вереш уйшаг».

Наступил март 1919 года. Родилась Венгерская Советская Республика. Владимир Урасов стал одним из активных ее бойцов.

Вновь пригодилась Урасову его самая первая партийная «профессия» — дружинника. И как некогда в Перми он охранял на митингах от черносотенцев большевистских ораторов, так и теперь в Будапеште ходил на заводы, фабрики, в казармы, сопровождая выступавших Бела Куна и других руководителей компартии.

Одно поручение сменялось другим. Дел было по горло. А когда наступили для Советской Венгрии тяжелые дни, когда подняла голову контрреволюция, Владимир Урасов стал бойцом отряда «Сыновья Ленина». Командовал отрядом Тибор Самуэли.

Тревожная команда «В ружье!» звучала и днем и ночью. И тогда отряд мчался на вокзал, где уже стоял наготове специальный поезд. Паровоз, три пассажирских жестких вагона, блиндированных мешками с песком. Выезды следовали один за другим — в Шопрон, Калоч, Цеглед. «Грозой белых» называли бойцов пролетарского отряда.

...Та ночь застала его в Будапеште. Владимир проснулся от грохота. Вскочил с постели, ничего не понимая. Где-то звенели стекла, сыпавшиеся с верхних этажей.

В комнату ворвался дежурный:

— Посмотри в окно!

Урасов подбежал к окну. На Дунае — три монитора.

На мачтах монархические флаги. Мониторы ведут огонь по гостинице!

Гостиница «Хунгария» стояла на высоком берегу Дуная, видная почти всему городу. В ее окнах вот уже много лет пламенели рассветы и закаты. «Красная Хунгария» — говорили будапештцы. В дни Советской республики это название приобрело новый смысл: в «Красной Хунгарии» работали и жили Бела Кун, Тибор Самуэли и другие коммунисты. Охрану гостиницы несли интернационалисты, в том числе и русские.

— В Москве венгры охраняют Кремль, а русские несут революционную вахту здесь, — разве это не символично? — сказал как-то Бела Кун.

...Урасов в секунду оделся и выбежал в коридор. Там было уже много людей. Оказывается, рано утром начался контрреволюционный мятеж. Офицеры и юнкера засели в Военной академии, захватили телеграф, почту, телефонную станцию.

С Дуная ударили по гостинице пулеметные очереди.

Это, несомненно, значило: с берега или с какой-то другой стороны контрреволюционеры наверняка попытаются атаковать «Хунгарию».

— Товарищи! Занимайте круговую оборону!

Урасов распределил бойцов так, чтобы во все стороны велось наблюдение — и по Дунаю, и за прилегающими улицами.

Медленно тянулись тревожные минуты. Мониторы перестали стрелять. Но орудия и пулеметы все еще наведены на гостиницу. Что теперь? Начало штурма?

Действительно, показался отряд контрреволюционеров. Впереди бежал вожак с пистолетом. Урасов повернулся к своим:

— Не торопись, ребята, выдержка.

Белые подбирались все ближе, вожак кричал:

— Вы окружены! Сдавайся, красная сволочь!

Владимир поднял винтовку. Выстрел. Вслед за ним раздался дружный залп защитников «Хунгарии». Нападавшие в беспорядке отхлынули.

«Хунгария» выстояла. Но дни Советской Венгрии были сочтены. На молодую республику ринулись войска Антанты.

После того как красный Будапешт пал, Урасову пришлось пробираться в Вену. Сюда прибыл и Бела Кун,

и Ференц Мюнних, и другие руководители компартии. Но полиция арестовывает Бела Куна. Над ним нависла смертельная опасность.

И вот Ференц Мюнних посылает Урасова в далекий и трудный путь — в Москву. Это было второе поручение такого рода, первое Владимир выполнил еще зимой 1918 года.

В сущности, тогда и начал Урасов дипкурьерскую работу. Он стал курьером двух революций — венгерской и русской. А то, что он не имел дипломатического паспорта, делало его дороги еще тревожней, еще рискованней.

НА ПУТИ К ЛЕНИНУ

В начале декабря 1918 года Бела Кун вызвал Урасова:

— Посылаем тебя в Москву с письмом. Так как время смутное, с тобой поедет Лайош Немети — вдвоем безопаснее, к тому же он недавно пробирался из России в Будапешт.

И вот русский и венгр в пути. Добрались до Брест-Литовска. Здесь Владимир и Лайош не очень торопились выходить из поезда. Они покинули вагон, когда на перроне оказалась по крайней мере половина пассажиров: в большой толпе легче остаться незамеченными.

До сих пор власти были польские, друзья успели освоиться с польскими порядками. Но в Брест-Литовске уже немецкая комендатура, отсюда путь на восток лежал по территории, занятой немецкой армией. Что творится сейчас в этих местах, как пробираться дальше? Это предстояло выяснить. Поэтому решили остановиться на день-два, осмотреться.

У вокзальных ворот при выходе в город маячили два солдата. Издали были видны их каски с шишаками, тускло поблескивали на винтовках плоские штыки-ножи. Солдаты ощупывали глазами пассажиров — возбужденных, толкающихся, несущих баулы, чемоданы, круглые картонные коробки... Владимир и Лайош втиснулись в самую середину людского потока. В толкотне задели локтями двух панов, которые разразились ругательствами. Владимир промолчал, пропустил панов вперед, а сам с Немети — за ними, за их толстыми спинами. Солдаты остались позади.

Широкая улица вела к центру города. Зашагали не торопясь, солидно.

— В отель? — спросил Немети.

— Нет, там шпиков полно — схватят. Давай поищем постоянный двор где-нибудь на окраине.

Свернули в переулок. Поплутав, отыскивали постоянный двор. Постучались.

— Кто такие?

— Военнопленные, едем домой из Австро-Венгрии.

В ноздри ударил спертый воздух грязного, давно не проветривавшегося помещения, впитавшего в себя запахи человеческих тел, овчины, махорки, щей.

Подкрепившись, Владимир и Лайош потолкались среди постояльцев, но, увы, ничего не узнали полезного для себя. Почти все заезжие оказались из окрестных сел, где немцев не было. Владимир спросил одного мужичка, приезжают ли крестьяне оттуда, с занятой немцами стороны, но мужичок замахал руками:

— Борони боже! Там фронт, убьют.

«Надо братья за хозяина, — твердо решил Владимир. — Спросим у него самогоу. Пусть думает, что гости при деньгах».

— Нам бы на дорогу водочки, бутылки две-три, — попросил он хозяина.

— Что ж, это можно. Будете добрым словом помнить меня.

— Дорога дальше свободная?

— Поедете, как я вам скажу. Если Яцкович что советует — то самое верное. Деньги на поезд есть?

— Хватит.

— Так вы берете билет до самого конца — до Барановичей. Дальше поезд не повезет вас даже за золото. Дальше — фронт. Так что вы делаете? В Барановичах вы выходите на площадь. Там вы видите извозчика. Это Яшка. Он на меня похож. Когда-то он тоже жил в Бресте, нас часто путали. Я даже обижался: хозяин номеров все-таки не чета какому-то извозчику. Так вы подходите к этому Яшке и говорите ему, что вы от Яцковича и что уплатите как полагается. Очень хорошо. И Яшка вас так переправит через фронт, что ни одна пуля не заденет. Как мама, на руках перенесет вас в самые Усевичи.

— Какие Усевичи?

— Не знаете? Так это же деревня на той стороне, за фронтом.

«Усевичи... Запомнить надо»,— подумал Владимир. Он выспросил у Яцковича и другие сведения. Когда идет поезд на Барановичи, как достать билеты...

На следующий день друзья щедро расплатились с Яцковичем. Зашагали к вокзалу.

— «На баррикады! Буржуям нет пощады!» — вполголоса пел Немети песню, выученную в Советской России, когда он воевал против белых.

В грязных, нетопленных вагонах ехали немецкие офицеры и солдаты, а в еще более грязных — цивилизные. Владимир и Немети устроились рядом с тремя бородачами крестьянами в лаптях. У каждого было по полмешка какого-то добра, которое они ни разу не выпустили из рук. Мужики молчали, хмуро приглядываясь к вошедшим. Потом мало-помалу бородачи разговорились. Везут они рождественские подарки в свою деревню, живут под Барановичами.

— А как с дорогами через фронт?

— Балковская — та опасная, больно обстреливают со всех сторон, а Усевичская — по ей можно. Наши там ездят ночью. Стрелится немец — откупишься от него.

— Чем же откупишься?

— Известно — кура, яйца, всякое другое.

— А самогон?

— Не берут. Не выдюживают пить его. Но может, теперь возьмут.

— Почему «теперь»?

— Так ить завтра рождество начинается.

«Завтра? Значит, немцы гулять будут. Легче пробираться через фронт. Пока нам везет».

Но в Барановичах Владимиру и Лайошу не повезло. Яшку им, несмотря на все усилия, отыскать не удалось. Как в воду канул. Мыкались по привокзальным закоулкам в морозном тумане. Руки и ноги коченели на пронзительном декабрьском ветру. Наконец решились окликнуть проезжавшего в санях грузного усатого дядьку. Повдоровались с ним.

— Что-то я вас не признаю...

— Домой добираемся, в Минск, из австро-венгерского плена. Да вот застряли у вас.

Дядька погладил ус, задумался.

— Ну, что с вами делать? Пошли ко мне, место найдется.

Дома дядька снова опасливо посмотрел:

— Вы, ребята, на меня не сердчайте. Документы у вас есть?

Владимир показал. Дядька бережно взял бумажку, посмотрел и — вернул.

— Ладно. Я все одно грамоте не учен. Давайте вечерять да на боковую.

Однако спать легли не скоро. Слово за слово — разговорились, хозяин, оказалось, недавний окопник, был ранен, отпущен из армии насовсем. Работает на мельнице возчиком. Владимиру и Немети тоже было что вспомнить.

Стали обсуждать, как перебраться через фронт. Хозяин сказал:

— Пытайте счастья завтра. Днем мужиков с санями поболе — всем охота подзаработать.

Настало утро. Друзья отправились к вокзалу. До первого поезда оставалось с полчаса, а на площади уже стояли трое розвальней.

— Не подавай виду, будто нам позарез нужно ехать. Меньше подозрений будет, да и цену не заломит, — сказал Владимир. Он оказался прав. Вскоре подошел краснощекий бородатый мужик с кнутом за опояской.

— Кудой панам нужно? — спросил он.

— К родне.

— На какой улице?

— Это не здесь. Усевичи, за Погорельцами. Слышал?

Бородач присвистнул.

— Через окопы-то?

— Через них.

— Рисковое дело. Не могу.

— Нам не к спеху. Другого поищем.

Урасов окинул оценивающим взглядом трое саней. Две лошаденки были тощими, третья — у того, кто подходил, — покрепче. Да и сена у него навалено больше — теплей...

Мужик отошел к своей лошади. Владимир и Лайош, не торопясь, зашагали к другому ямщику. А первый почесал кнутовищем затылок, потом торопливой рысцой нагнал «панов».

— А сколько дадите?

— Твоя цена первая.

— Пять сотенных. Николаевских.

Владимир предложил две. Начался торг.

Мужик стоял на своем, но «паны» на своем. В конце концов ямщик уступил.

— Три лебедя! По рукам?

— По рукам!

...Выехали из Барановичей.

Дорога была плохая, заброшенная. Лошадь медленно тянула розвальни. Владимир и Немети время от времени прыгивали и бежали, чтобы согреться: их тонкие пальто плохо грели.

Начинало вечереть. Ямщик, с присвистом погонявший лошадь, притих, лишь встряхивал вожжами. Приближение опасной зоны ощущали все. Владимир и Лайош с напряжением всматривались вперед. Они волновались. Им даже стало жарко. Послышались звуки гармонии, нестройные голоса тянули какую-то песню.

— Немец гуляет,— обернулся ямщик.— Отседова до Погорельцев недалече.

Проехали еще сотню-другую метров и почти столкнулись с тремя солдатами. И хотя к этой встрече готовились, она оказалась все же неожиданной. Даже вздрогнули от окрика. Мужик резко потянул вожжи:

— Стой, окаянная! Господи, благослови!

Один солдат схватил лошадь за узды, второй — воротник поднят, наушники шапки-картуза опущены — спросил по-немецки: кто такие, куда направляются?

Урасов развел руками:

— Не понимаем.

Тогда немец спросил по-русски:

— Кто есть? Рапорт!

— Деревенские, домой пробираемся.

«Вроде бы трезвые», — с сожалением отметил про себя Владимир. Немец будто и не слышал ответа, крикнул:

— Разведка? Большевики? — обернулся к своим.— Позовите сержанта.

Появился сержант. Он хорошо говорил по-русски. Сразу потребовал документы. Дело принимало серьезный оборот. Урасов протянул справку, заранее заготовленную для такого случая.

— Пленный? Солдат?

— Был солдат, теперь мирный.

— Ты воевал против наших союзников — австро-венгерской армии. Теперь будешь наш пленный.

— Не дури, ваше благородие. («Черт с ним, пусть будет «вашим благородием»».)

— Ты дерзкий? Или смелый?

— Такой как есть.

— Большевик?

Только теперь Владимир заметил, что сержант был навеселе. Он достал бутылку.

— Шнапс. Для вас, ваше благородие, — сказал Урасов. Сержант понюхал: «Прима!» В этот момент произошло то, что сразу изменило ситуацию. Кто-то вдалеке крикнул, что прибыли рождественские посылки. Теперь немцам было не до задержанных. Более того, они повалились на сани и приказали ямщику: «Вези!» Так и въехали в Погорельцы. Совсем развеселившийся сержант орал прямо в ухо Владимиру:

O, Tannenbaum, o, Tannenbaum,
Wie grün sind deine Zweige!¹

В селе немцы соскочили на ходу и побежали к какому-то дому. Ямщик хотел остановиться, но Урасов зашипел на него:

— Дурень, гони дальше!

Миновали деревню. Это был последний населенный пункт перед окопами немцев. Здесь удалось вырваться. А как там, впереди? Перепуганный ямщик взмолился:

— Может, вернуться нам в Барановичи? Ей-бо!

— Возвращаться поздно. Второй раз живым не выпустят. Погоняй!

— Господи, помоги! — перекрестился мужик и хлестнул лошадь.

Вскоре Немети толкнул Урасова локтем:

— Володя, достань вторую бутылку.

Острый взгляд Лайоша первым заметил четыре фигуры. Да, здесь уже была передовая линия окопов. И солдаты, подошедшие к саням, были в касках. Они приплясывали, взбивая сапогами снег.

— Вайнахтен, вайнахтен!

¹ О, елочка, о, елочка,
Как зелены твои ветки! (нем.).

Владимира словно осенило: он сразу протянул бутылку самогона и запел только что услышанное от сержанта:

О, Танненбаум, о, Танненбаум,
Ви грюн зинд дейне Цвайге!

Солдаты тут же подхватили рождественскую песенку и тут же прямо из горлышка глотнули самогону, сразу забившего дыхание. Закашлявшись, один из солдат махнул рукой на восток: проезжайте, мол!

Ямщик тут же рванул сани.

— Ну, пронесло! — облегченно вздохнул Владимир. — Слава богу!

— И самогону, — добавил Лайош с улыбкой.

Серая темнота окутала все. Ямщик что есть силы погонял лошадь, а потом, убедившись, что опасность действительно миновала, поехал тише, время от времени останавливаясь и проверяя дорогу. Владимир тоже не раз слезал, качал головой:

— Слабая дорога, давно тут никто не пробирался.

Мороз крепчал, Урасов и Немети тесней прижимались друг к другу. Вскоре дорога совсем потерялась, пробирались наугад. Вдруг попали в какую-то канаву, сани уперлись во что-то. Взяли левее — ни с места, потом правее. Раздался треск. Ямщик густо выругался.

— Оглобля полетела! Теперь пешими иттить до деревни.

Кое-как связали оглоблю веревками. Лошадь потащила пустые сани, следом пошли все трое.

Ботинки увязали в снегу, снег облепил ноги до колен. Легкие пальто насквозь продувал ветер. Холодно!

Деревня показалась неожиданно. Владимир и Лайош прямо-таки наткнулись на крайнюю хату: нигде ни огонька, все замечено снегом. Даже собаки не брехали. Прильнули к занавешенному изнутри окну. Что-то едва-едва просвечивает. Постучали.

Дверь открыл мужчина, не спрашивая кто.

— Пустите малость обогреться.

— Заходите. У нас ноне людно.

В большой комнате вдоль стен на лавках сидели старики, бабы, девчата. В плашках горели лучины. Молодежь вполголоса пела какую-то песню. Увидя незнакомых люди прервали песню, ответили на приветствие, подвинулись, освобождая места.

— Откуда вы? — только теперь спросил хозяин.

— Из Барановичей, — ответил Владимир и, чтобы не было других расспросов, сказал:

— К родне едем в Минск. Пленные. Да как назло, оглобля сломалась. Достанем у вас оглоблю?

— Может, у Куценко. Или у этого — кузнеца.

Хозяин сказал, где они живут. Ямщик направился туда. Владимир чувствовал, как согревается заочневшее тело: его и Немети посадили возле печки, и он всей спиной впитывал ее тепло. Постепенно разговорились. Спросил про житье-бытье, про женихов.

— Женихи где-то воюют, либо в плену вшей кормят, вот как и вы, — сказала девушка, видимо самая старшая.

— Где воюют? У кого?

— Кто у красных, кто у белых, а кто просто так — ни за кого, сам по себе...

Владимир хотел еще что-то сказать, но тут появился ямщик:

— Ох, тепло тут у вас, а я намаялся с оглоблей! Все-таки достал. Десять рублей обошлось. Ты должен мне возвернуть их. — Он повернулся к Владимиру.

— Возверну, если повезешь до Столбцов.

— К-куда? — поперхнулся возница. — Так ить там эти... большевики.

— Они самые. Которые таким мужикам, как ты, дают землю и волю.

Урасов уже смело заговорил про Столбцы и про большевиков: немецкие окопы остались за спиной, здесь «нейтральная зона», впереди — свои, красные.

— Хочешь хорошо заработать — вези дальше. Не упускай случая. Мы ведь можем найти сани и здесь, в Усевичах.

Мужик все еще раздумывал: опять через окопы — теперь красных, опять рисковать!

Но деньги сделали свое дело: согласился.

Владимир и Лайош поблагодарили хозяев, вышли в сени.

Свистнул кнут над заиндеветшей лошастью.

За деревней дорога была лучше, накатанней. Проехали, вероятно, верст пять и услышали окрик.

— Сто-о-ой! Кто идет?

— Свои! — радостно закричал Владимир.

Впереди показались две фигуры с винтовками, в шинелях и шапках.

— Коли свои, так слезай! — крикнул один.

Привели в землянку.

— Товарищ комроты, задержаны трое! — У Владимира и Немети сразу потеплело от этих слов: «Товарищ комроты!»

Теперь они разглядели на шапках звезды из красной материи.

— Кто такие?

Урасов попросил вывести ямщика, сказал о поручении, которое выполняют он и Немети.

— А документ у вас какой-нибудь ведь должен быть?

— Как же! — Владимир снял пиджак, оторвал подкладку и вытащил кусочек шелка.

Командир поднес его к коптилке. Мандат удостоверял, что Владимир Урасов является курьером Венгерской компартии, следует в Москву, к В. И. Ленину.

Родная земля! Наконец-то не надо маскироваться, притворяться!

Владимир дал ямщику несколько царских сотенных и пожелал ему счастливого обратного пути.

КРЕМЛЬ, КАБИНЕТ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Командир напоил Владимира и Лайоша чаем, правда без сахара — его давно не было в роте; наделил хлебом. Ночевали здесь же, на соломе, все вместе.

Наутро сам отвез на железнодорожной летучке в Минск, сказал начальнику вокзала:

— Отправьте в Москву как можно быстрее.

И вот Урасов и Немети в Москве.

О прибытии посланцев из Будапешта было доложено Ленину. Их пригласили в Кремль. Немети сказал другу:

— Иди один. Я очень плохо говорю по-русски, только время отниму у Ленина.

Декабрьский день 1918 года. Приемная Председателя Совета Народных Комиссаров товарища В. И. Ленина. Секретарь открыл дверь кабинета, приглашая Урасова войти. Владимир Ильич сидел за столом и читал. Услышав шаги, отложил газету, вышел из-за стола.

— Товарищ Урасов?

Протянул обе руки и крепко пожал руку Урасова.
— Садитесь, товарищ Урасов, рассказывайте, это очень, очень важно и интересно.

Владимир сел. Он чувствовал себя скованно, напряженно. На протяжении двух предшествующих дней он не раз думал об этой встрече, думал о том, что Ленин будет задавать ему трудные политические вопросы, на которые он не сумеет ответить. И вот курьер не знал, с чего начать.

Владимир Ильич заметил состояние Урасова. Слегка нагнулся корпусом вперед и спросил:

— Как здоровье товарища Бела Куна?

— Здоровье ничего, хорошее. Бела Кун просил передать вам горячий привет.

— В каких условиях работают сейчас коммунисты?

Урасов начал рассказывать. Беседа пошла непринужденно, Ленин задавал вопрос за вопросом. Он подробно расспросил о положении в Венгрии, о роли коммунистов, о товарищах, возглавляющих компартию.

— Как венгерский пролетариат рассматривает революцию в России?

Урасов отвечал даже с воодушевлением: сколько ему самому довелось видеть примеров интернациональной солидарности венгерских рабочих!

Затем Владимир Ильич спросил о социал-демократах.

Когда Урасов сказал, что социал-демократы призывают рабочих сдавать оружие, Ленин воскликнул:

— Были они желтыми и остаются желтыми!

Тут Владимир Ильич поднялся, прошелся по кабинету, задержался возле карты, которая висела на стене, снова повернулся к Урасову:

— А где вы остановились? Как устроились с питанием?

— Остановился у Ярославского. Мы с ним старые знакомые. Вместе в якутской ссылке были.

— За какие же грехи вас туда законопатили?

— Был членом боевой дружины. Хранил оружие. Ну и обнаружили.

Тут Урасов вспомнил: ведь он же привез два номера «Вереш уйшаг» — органа Венгерской компартии. Вытащил из кармана, протянул Ленину.

Владимир Ильич с интересом и даже с некоторым удивлением взял газеты.

— Как вы их провезли? Ведь это большой риск!

В тоне Владимира Ильича чувствовался упрек: с газетами можно провалиться и не добраться до Москвы.

— Где же прятали? — переспросил Ленин.

— А я их не прятал: завернул в них еду.

— Удачно придумали, удачно! Расскажите-ка, о чем здесь написано.

Ленина интересовало все — от передовой статьи до самой крошечной информации.

Затем он перешел к другому:

— Кажется, вы находились в австро-венгерском плену? Получали ли пленные какую-либо помощь от нейтральных стран?

— Получали. Американский Красный Крест прислал в наш лагерь евангелия.

Владимир Ильич заразительно рассмеялся. Потом спросил:

— Что же вы думаете делать теперь?

— Хочу в родную Пермь. Очень давно не был там.

Ленин помрачнел.

— К сожалению, товарищ Урасов, Пермь вот-вот займут белые... Придется подождать...

Владимир Ильич снова подошел к карте, с минуту молча смотрел на нее.

— Вот что, товарищ Урасов, вам надо немного отдохнуть. А потом решим, чем вам заняться.

Урасов поднялся, чтобы идти. Только теперь он заметил на стене за спиной Ленина плакат Наркомздрава: «Рукопожатия отменены». А ведь Владимир Ильич поздоровался с ним за руку!

Недолго довелось Урасову отдыхать. Вскоре он получил задание снова отправиться в Венгрию.

ПЕТЛЮРОВСКАЯ ОХРАННАЯ ГРАМОТА

Февраль 1919 года. Теперь у Урасова были другие документы: он военнопленный, словак Юзеф Браблец, возвращается домой, в венгерский город Хатван. С трудом добрался до Казатина. Дальше — прифронтовая зона, за ней хозяйничали петлюровцы. До «пограничного» полустанка курсировала железнодорожная летучка из трех товарных вагонов. Погрузились. Кроме военно-

пленных много женщин, все местные. Когда уселись, угомонились, летучку вдруг окружили красноармейцы. В вагон поднялись двое с винтовками. Начали проверять пассажиров, причем, что очень удивило Урасова, подходили в основном к женщинам. Красноармеец стягивал платки и трогал волосы. Женщины смеялись, визжали, но не сопротивлялись, это им даже нравилось, особенно молодым. Иные сами стаскивали платки. Рядом с Урасовым сидела завязанная теплым платком баба с кошелкой. Она вдруг сорвалась с места, бросилась к дверям. Но красноармеец успел преградить ей путь, а второй наставил наган:

— Руки вверх!

Платок тут же был сорван. «Баба» оказалась мужиком.

— Попался, петлюровская сволочь! А ну, что у тебя в кошелке?

Там оказались гранаты. Петлюровца увели.

Прибыли на полустанок. Военнопленные призадумались: как ехать дальше? На путях стоял под парами бронепоезд. Впереди две платформы, сзади — одна. Урасов подошел к какому-то командиру (галифе кожаные, маузер на боку — ясно, командир!).

— Товарищ красный командир, подвези нас, если будешь ехать вперед. Мы военнопленные, домой добираемся.

— Садитесь на заднюю платформу. Живо!

Владимир махнул рукой другим — подходите, мол. Когда все влезли, тот же командир сказал:

— Ежели встретится петлюровский бронепоезд — откроем огонь. Тогда, по моей команде, живо все слетай на землю.

Так и случилось. Проехали километров десять, поезд на ходу начал стрельбу. Потом стал. Платформа вмиг опустела.

Урасов и еще двое венгров-крестьян, с которыми он успел познакомиться, сразу подались влево, в ближний лесок. Да и дорога туда вела. За ними потянулись и остальные, всего человек тридцать.

Урасову было ясно: вдоль железной дороги идти опасно. Поэтому он решительно направился к лесу. Пошли по опушке. Вскоре показалась деревня. Там расспросили дорогу на Винницу. Владимир и двое крестьян-

венгров зашагали впереди. Нужно было засветло попасть в город.

Вдалеке проехал петлюоровский конный разъезд. Вроде бы не заметил никого...

Шли и шли дальше усталые военнопленные. Впереди чернели соломенные кровли.

— Отдохнем малость, — сказал Урасов своим спутникам.

Вошли в село. А там полно петлюоровцев! Конные, пешие. Чувствовалось: давно поджидают. Многие не твердо стоят на ногах, покачиваются, сверля исподлобья мутными, недобрými глазами.

Сидевший на коне здоровенный детина тронул лошадь шпорами, подъехал. Провел рукой по усам — правый был закручен вверх, левый — вниз.

— Стройся! — крикнул хрипло.

Выстроились. Урасов занял место в самой середине. Конный снова — рукой по усам.

— Предупреждаем: усэ ценности, как-то: золото, серебро, николаевские деньги и прочие брильянты — готовить к конфискации. В случае скрытия — меры военного времени — шлепаем на месте!

Четыре шеренги зашевелились. Из-за пазух, из карманов, шапок вынимались ценности. Урасов приготовил несколько рублей серебром. Остальные деньги лежали в старом сундучке с двойным дном.

Несколько петлюоровцев пошли по шеренгам. Осмотр начали с двух концов. У бандитов были мешки — в них ссыпали добычу. Ото всех сильно несло самогоном.

Урасов внимательно наблюдал за обыском. У двух военнопленных бандиты распороли пальто и нашли деньги. Их тут же зверски избили. Стоявшие рядом шарахнулись в стороны.

— Стой, суки, а то всех порубаемо!

Пока восстанавливался порядок, Владимир успел передвинуться левее: он заметил, что двое «конфискаторов» слева менее тщательно шарят, хотя больше матерятся. Тучный петлюоронец с желто-голубым бантом на папaxe каждого тыкал кулаком в грудь:

— Шо у тебе?

Жадно хватал деньги, хлопал пленного по карманам и, нещадно матерясь, подходил к следующему.

Вот он наконец остановился перед Урасовым. Ожи-

дая удара в грудь, Владимир стал чуть боком, так, чтобы удобней было откинуться назад. Удар скользнул по пальто.

— Шо у тэбе?

Владимир протянул завязанное в платок серебро. Тучный с жадностью захватил горсть, высыпал себе в карман.

— Оце й усэ?

— Все. Больше ничего нету.

Колючие глаза недоверчиво шарили по фигуре Урасова.

— Вот разве что это...— Он подтолкнул ногой свой сундучок, раскрыл. Там сверху лежали специально заготовленные мыло, дамские чулки и другая дефицитная дребедень. Все это быстро очутилось во вместительном кармане петлюровца.

— Скидай ботинки!

У Владимира были новые, крепкие кожаные ботинки сорок пятого размера — на два номера больше, чем нужно, — тоже не случайно.

Грабитель тут же натянул ботинок, повертел ногой, неожиданно швырнул обратно:

— Дужэ вэлыки.

Выругался витиевато и подошел к следующему.

«Кажется, пронесло». Спина Владимира была влажной.

«Конфискация» закончилась. Два вздувшихся мешка награбленного бандиты поднесли к верховому усачу, перебросили через седло. Главарь махнул нагайкой вдоль улицы:

— Топай отседова к... да побыстрей! Щоб через пять минут духу вашего не было!..

Деревня осталась позади. Через несколько часов пришли в Винницу. А там — вновь вперед и вперед.

С трудом — то на товарняке, то пешком — добрались до Жмеринки. Дальше — до Проскурова — месили грязь на проселочных дорогах. Все время слышалась оружейная стрельба. Наконец добрались до вокзала. В зале ожидания — стоны, крики. Оказывается, здесь были те, кто попытался доехать товарным составом из Жмеринки. Перед самым Проскуровом рельсы оказались разобранными, произошло крушение. И теперь в вокзале лежали люди с тяжелыми ушибами, с переломанными руками, но-

гами. Петлюровцы озлобленно кричали, чтобы все убралось с вокзала. Одного военнопленного, пытавшегося возражать, застрелили. Чувствовалось, что бандиты готовы распоясаться вовсю.

— Пойдем отсюда скорее,— предложили спутники Владимира.— Вона что творится! Петлюровцы как скаженные бегают.

Урасов окинул взором зал. На лавках, на полу лежали раненые, беспомощные, стонущие люди.

— Ну что смотришь, пошли! — тянул его за рукав сосед.

Владимир поставил свою ношу в угол. Сказал:

— Покарауль, я поищу аптечку.

Он побежал к дежурному по вокзалу. Аптечка нашлась. И Урасов принялся перевязывать и врачевать. Искусству оказывать первую помощь, особенно при ушибах, переломах, он научился еще до революции, в Перми, когда был дружинником. Через несколько минут нашлись добровольные помощники. Как могли, облегчали они участь раненых.

Урасов не заметил, сколько прошло времени.

Вдруг кто-то грубо схватил его за плечо, толкнул, едва не повалив на пол. Петлюровец!

— Пойдем! — приказал он.

Раздалось сразу несколько голосов раненых:

— Так то ж дохтур!

— Побойтесь бога!

— Отпусти фершала, ради Христа!

Петлюровец замахнулся прикладом на раненого и заорал:

— Прекрати лопотать! Его главный врач требует!

— Какой главный врач? — удивился Урасов.

Петлюровец показал на окно:

— Разве не видишь? Санитарный поезд прибыл.

Владимира проводили в пассажирский вагон.

Главный врач — худой, лысый, в пенсне — заканчивал ужинать. На столике стояла бутылка коньяку.

— Ты что же, любезный, фельдшер?

Владимир вытянулся:

— В нашей австро-венгерской армии такого звания нет. Я санитар.

— Так ты, значит, австро-венгерский пленный?

— Так точно, ваше благородие.

— Мне передали, ты умело действуешь... А жаль, что ты не фельдшер и что австрияк.

— Словак, вашескородие.

— Ну, черт с тобой, все равно. Садись за стол. Ешь! От коньяка Урасов отказался («голоден, опьянею»), но поел как следует. Врач выпил еще коньяку.

— Слушай, словак, а пожалуй, я дам тебе медикаментов на дорогу.

— Отберут все равно...

— Не отберут, получишь бумагу.

Так Урасов неожиданно-негаданно стал обладателем петлюровской охранной грамоты на украинском языке. В ней говорилось, что медикаменты выданы санитарным отделом атамана Петлюры фельдшеру Браблецу для оказания медицинской помощи группе военнопленных, следующих на родину.

С такой грамотой Урасов смело ходил к комендантам и всевозможным начальникам и в конце концов пересек австро-венгерскую границу.

...Потрепанные и грязные пассажирские вагоны февраля девятнадцатого года. Они скрипят, покачиваются, стонут. Поезд идет на Дебрецен. В вагонах — бывшие военнопленные и сопровождающие — представители австро-венгерских властей. У них — альбомы с фотографиями тех, кто находится в русском плену. Показывают, спрашивают: кого знаете, где он сейчас, чем занимается. Не нравятся Урасову эти сопровождающие. В Дебрецене наверняка загонят всех в «карантин», будут проверять. В сумерках, когда поезд с натугой преодолевал подъем, Урасов спрыгнул, скатился вниз, под откос. Было уже темно. Зашагал вслед поезду по шпалам. Накрапывал дождь. Сильней и сильней. Он лил всю ночь. К рассвету, промокший до костей, Урасов добрался до станции Горонда. Вокзал пуст. Поезд на Будапешт отправится через четыре часа. Надо воспользоваться этим временем, чтобы хоть кое-как обсохнуть. Побродил немного по прилегающим к вокзалу улицам, суша одежду теплом своего тела. Ехать сразу в Будапешт, не зная обстановки, рискованно. Поэтому взял билет до Хатвана: там много русских, работающих на сахарном заводе, легче затеряться в случае беды.

Наконец подали поезд. В купе сели четверо. Супружеская пара и еще двое мужчин. Владимир бросил быстрый, оценивающий взгляд. «Срисовал», как говорят. Одеты хорошо. Двое мужчин — один худощавый, второй пухлый и мягкий, как подушка, — подозрительно покосились на незнакомца: его помятый, сырой, выдавший виды костюм вызвал гримасу. У худого в петле жилета матово поблескивала золотая цепочка часов, на пальцах толстяка — два дорогих перстня. «Ну и компания!» — подумал Урасов.

Он закрыл глаза. «Притворюсь дремлющим, чтобы не было расспросов». Все же толстяк улучил момент:

— В Будапешт направляетесь?

— Нет, в Хатван.

В разговор вступил худой:

— Позвольте спросить, вы, кажется, не венгр?

Урасов посмотрел в упор. «Черт тебя возьми! Нашпика похож».

— Я словак. Еду в Хатван, домой.

И тут — надо же случиться такому! — толстяк заговорил по-словацки. А Владимир ни слова по-словацки и не знал!

Ничего не ответил, промолчал. Соседи по купе смотрели на него вызывающе: ага, попался!

Поезд подошел к очередной станции. Купе опустело: все, кроме Урасова, направились в вокзальный буфет.

Владимир настороже. «Если появится полиция, попробую убежать под вагонами: тучные полицейские под вагоны не полезут». Встал в тамбуре, незаметно оглядывая перрон.

Двое вернулись из буфета. Поезд тронулся. За вокзалом мельком увидели шествие с красными знаменами. В чем дело? Новый пассажир в купе рассказал, что в Будапеште коммунисты борются за власть. Это было неожиданно.

Впрочем, Владимир и бровью не повел. «Может, провокация?»

Двое, ходившие в буфет, едят апельсины. Толстяк говорит пренебрежительно:

— Этих смутьянов быстро усмирят.

И вновь — подозрительные, недружелюбные взгляды в сторону Урасова.

Вечером, около шести, прибыли в Мишкольц. И здесь на улицах — демонстрации, красные флаги, вокзал тоже в кумаче! Мишкольц — рабочий город. Значит, действительно венгерский пролетариат поднялся! Толстяк и худой снова вышли. А когда возвратились, вид у них был мрачный, с пальцев толстяка исчезли перстни. «Спрятал, испугался!»

Владимир воспрянул духом. А в Хатване, где весь вокзал был запружен народом и гремели революционные песни, ему стало совсем весело. В Хатване соседи Урасова уже не вышли на перрон за новостями: все было и так ясно. Они угрюмо молчали. Вид у них был до крайности растерянный.

Урасов приткнулся к стенке купе и задремал. Проснулся на рассвете, когда поезд подходил к Будапешту. Толстяк и тот, который был с цепочкой («А где же она? И ее нет!»), бодрствовали. Видимо, не спали всю ночь. Когда показался вокзал, все повернулись к окнам: а тут какая обстановка? Урасов увидел на фасаде здания большой яркий плакат: рабочий перекрашивает парламент в красный цвет.

ЗДРАВСТВУЙ, ТЕОДОР НЕТТЕ!

Февраль двадцатого года застал Урасова в Вене. Здесь находились венгерские коммунисты, покинувшие Будапешт после поражения революции. Среди них нет Бела Куна: его арестовали венские власти. Нужны какие-то срочные меры, чтобы спасти Куна и тех, кого реакция бросила за решетку. Ференц Мюнних отправляет Урасова в Москву.

Владимир имел в те дни испанский паспорт: испанское консульство, бывшее «попечителем» русских военнопленных в Австрии, продолжало по инерции выполнять эту миссию, правда с существенной поправкой: вербовало в белые армии. Вот Владимир и явился в посольство за визами.

Его принял русский поручик Гельмштейн.

— Зачем пожаловал?

— Хочу на родину, сражаться против большевиков. Надоело здесь сапоги тачать.

Владимир выдержал пристальный, испытующий взгляд поручика. Чтобы прервать напряженную паузу, добавил:

— Я слышал, в Праге генерал Артамонов набирает добровольцев к Деникину...

Виза была получена. А дальше — Прага, Дрезден, Кенигсберг, Мемель, Ревель. Где поездом, где пешком, где — по людной дороге, а в иных местах — лесом... Нередко выручало то, что после войны много было беспорядка и неразберихи.

В Ревеле на вокзале взял извозчика: «К советскому посольству!»

Полпредство помещалось тогда в гостинице «Петроградская». Расплатившись с извозчиком, Урасов вошел в вестибюль. Увидел трех сотрудников. Радостно гаркнул:

— Здорово, товарищи!

— Вы к кому?

— К полпреду.

— По какому делу?

— Я не знаю, с кем разговариваю.

Трое оказались курьерами охраны. Владимир повторил, что ему нужен только полпред или заместитель.

— Полпред уехал в Министерство иностранных дел, а заместителя у него вообще нет.

Покидать полпредство, не встретившись с кем-либо из начальства, никак нельзя. А трое парней — не хотят пускать. К счастью, на шум выглянул высокий брюнет.

— Кто такой? — спросил он.

Урасов интуитивно почувствовал: начальство. Действительно, оказалось, это был советник. Услышав просьбу Урасова поговорить наедине, довольно холодно пригласил в кабинет.

— Меня послал Бела Кун...

И предъявил свой тщательно спрятанный мандат: «Владимир Урасов направляется в Москву с особым заданием...» Подпись: Ференц Мюнних.

Тон советника стал мягче, исчезла настороженность. В конце беседы советник сказал:

— Оформим ваш выезд как военнопленного. Ну, а пока дня три придется обождать. В полпредстве оставить вас не можем. Придумайте сами что-нибудь. Раз вы сумели пройти такой сложный путь до Ревеля, сделайте и последнее.

Урасов пошел наугад за город. «Конечно, им надо узнать у Москвы обо мне». Сперва думал о разговоре с

советником, потом мысли переключились на практическое: «Не следит ли кто за мною?» Попетлял по улицам — слезки нет. «Ну, а где же все-таки обитать три дня? О гостиницах не может быть и речи. Знакомых нет. Вокзал? Ненадежное место, там жандармы, шпики. Днем еще, куда ни шло, можно шататься где-нибудь на окраинах или за городом, а ночью?»

С досады Владимир даже выругался. Из-за перекрестка, пересекая улицу, показалась похоронная процессия. Урасов остановился и, как многие, проводил ее взглядом, а потом пошел за процессией. Так он очутился на кладбище. Побродил по аккуратным дорожкам между ухоженных могил, добротных надгробий. В правом углу кладбища заметил две часовни. Толкнул дверь одной — не поддается. Толкнул вторую — дверь скрипнула, открылась. Заглянул внутрь, осмотрелся и снова прикрыл дверь.

В этой часовне и провел Владимир три холодные мартовские ночи, ежась от холода, от прибалтийской сырости.

Наконец в полпредстве все уладилось. И вот настал час отъезда. Вокзал. Поезд. В четырехместном купе заняли места Владимир Урасов и дипкурьеры — Теодор Нетте, Коротков, Зимит.

Как-то само собой получилось, что Урасов, Нетте и Зимит, познакомившись, сразу перешли на «ты». Узнав, где Владимир маялся три ночи, Зимит предложил:

— Выпей рюмку коньяку, согрейся. У меня есть про запас. А то ты вон как ежишься.

— От вина воздержусь, — твердо сказал Владимир. — На службе не употребляю.

Нетте неожиданно захохотал. Его смех был таким разительным, что другие тоже заулыбались, хотя не понимали, что рассмешило товарища.

— Федя, ты чего залился? — спросил Коротков. (Он называл Теодора Федей.)

Нетте снял очки, вытер белоснежным платком близорукие глаза, снова надел очки.

— Вы слышали, как сказал Владимир: «служба». Какая же у него служба? Хождение по мукам, а не служба.

Он повернулся к Владимиру:

— Ты когда последний раз спал по-человечески? То-то! Вот у нас действительно служба: поезд, автомо-

биль, гостиница, документы в порядке, неприкосновенность, безопасность.

— Ишь ты, безопасность! А пистолет у тебя для чего? — спросил Урасов.

— Пистолет? Все возьят, и я тоже.— Нетте взвесил на руке оружие.— Тяжеловат, черт! Лучше бы вместо него лишнюю книжку захватить в дорогу.

Беседа то оживлялась, то утихала. Потом Владимир уснул сидя, прислонясь к стенке.

Нетте достал томик стихов Гете на немецком языке. Читая, время от времени поглядывал на Урасова:

— Сильно измотался парень, плохо выглядит. Нелегкая выпала ему поездка.

Поезд резко затормозил, вагон дернулся. Владимир проснулся. Торопливо осмотрелся, вскочил, потом улыбнулся:

— Снилось мне, будто я опять в часовне и там меня застукали жандармы.

— Маешься даже во сне! Успокойся. Теперь опасности позади, скоро будем дома,— сказал Нетте. И он прочел из томика Гете восьмистишие. Потом продекламировал по-русски:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

И восхищенно добавил:

— Не знаешь даже, что лучше! у Гете или вот это, лермонтовское.

— Володя, а где ты остановишься в Москве? — спросил Теодор.

— Пока не знаю.

— Значит, жить тебе негде в Москве. Вот что, остановишься у меня.

— Спасибо, только надо мне в Пермь, там родители, давно их не видел. Не знаю даже, живы ли старики.

Стемнело. Дипкурьеры условились: до трех ночи дежурит Нетте, с трех — Зимит.

— Я тоже буду дежурить,— сказал Владимир.—
Разделим ночь на три части.

— Нет, ты уж отсыпайся,— не принял его предложения Теодор.— Дипкурьеры не могут никому передоверять вахты. Даже такому надежному и бывалому парню, как ты. Вот если станешь дипкурьером — тогда пожалуйста.

В Петрограде все трое пересели на московский поезд. В столице, распрощавшись, разошлись каждый по своим делам. Теодор Нетте дал Урасову свой адрес: заходи в любое время. Обязательно заходи!

Владимир завертелся в водовороте срочных дел, а освободившись, тут же уехал в Пермь. Пробыл там совсем недолго и снова приехал в Москву: нужно было устраиваться на работу. Поселился Урасов у старого знакомого, пермяка. Вспомнил про приглашение Теодора Нетте. Зашел. «Нет дома, в командировке». Через несколько дней снова заглянул. Дома! Нетте только что возвратился из Берлина. Сказал:

— Присматривать за нами стали нахальной.

В тот вечер они долго беседовали. В конце концов Теодор убежденно сказал:

— У тебя призвание к дипкурьерской работе. А это очень важно. Мой совет — иди в дипкурьеры.

Владимир и сам давно уже подумывал об этом. Через месяц Урасов уже держал в руках сумку дипкурьера. Он первый раз вез за границу дипломатическую почту.

Снова — дорога.

Снова — тревога.

ДОРОГА НА АНКАРУ

Грузный, пузатый французский пароход был старым гостем батумских причалов. Давно уже бороздил он Черное море, посещая советские порты. Сейчас принял в свои трюмы марганцевую руду для Франции. По пути остановится в турецком Самсуне. Урасову как раз и нужно было в Самсун. Поэтому он оказался в числе нескольких пассажиров «француза». Это было в августе двадцать первого года.

Густой бас пароходного гудка сотряс воздух, машина тяжело отвалила от пристани.

Владимир стоял на палубе и смотрел в безбрежную

черноморскую синеву. Диппакет лежит в кармане пиджака — вот и вся почта на этот раз. Ехать налегке удобней, чем с большими пачками или мешками. Но Владимир знал: чем меньше диппочта, тем она важнее.

«Каким будет этот рейс? — думал он, щурясь от яркого солнечного золота, растекавшегося по волнам. — Загадывать трудно. Особенно сейчас...»

Турция вела войну против Антанты за независимость, военные корабли часто останавливали пароходы. Советский Союз поддерживал Кемаля, возглавившего борьбу за независимость, и встреча с интервентами опасна.

Изредка на горизонте показывались дымки. Если они приближались, Владимир шел к помощнику капитана выяснять, кто идет. Помощник — добродушный марселец — говорил на ломаном русском языке:

— Пиф-паф нет. Грузчик.

Это означало, что идет не военный корабль, а грузовой.

Или говорил:

— Пиф-паф нет. Дамы и господа.

Это — про пассажирский. Так и добрались благополучно до Самсуна.

Владимир сошел с парохода, протиснулся сквозь шумную толпу торговцев, предлагавших табак и опиум, виноград и плетеные сандалии, домашнее вино и курительные трубки. Теперь — в советское консульство. «Кто везет меня в Анкару? Опять Хасан или кто другой?»

Вспомнилось, как он познакомился с Хасаном.

Когда Владимир минувшей зимой впервые оказался в Самсуне, у него было три больших мешка диппочты. Без грузчиков не обойтись. Несколько человек предложили ему свои услуги.

— Мне хватит и одного, — сказал Урасов и показал палец, ибо знал, что турки не поймут его слов.

— Меня берешь! — услышал он в ответ по-русски. Это был Хасан. Он понес мешки к своей арбе.

Хасан предложил Владимиру сесть в арбу, но тот отказался: пойдём вместе. «Надо расспросить, что он за человек». За пять минут он уже все знал о Хасане: казанский татарин, во время мировой войны попал в плен и застрял здесь, женился на турчанке. Промышляет извозом.

— А ты кто? — спросил в свою очередь Хасан.

— Купец. Видишь, у меня три мешка товара.

Возле консульства отпустил Хасана.

Урасову обрадовались: ведь он привез новости с родины! После обмена впечатлениями спросил, как с дорогой на Анкару, кто его повезет? Сведения были неутешительные: снега много, дороги заметены, автомобили застревают в сугробах. Единственная возможность — арба. И назвали Хасана.

— Так я ведь его уже знаю, он доставил меня от портала!

Пошел к возчику.

— Свезешь, Хасан?

Он долго думал, чесал затылок. Согласился, но заломил такую сумму, что Владимир ахнул.

Рядились, спорили. Хасан был неумолим. «Половину плати сейчас».

Пришлось согласиться. Положили в арбу сена для лошадей, поверх — мешки с диппочтой. Заскрипел снег под колесами арбы. Глаза слепили то яркое солнце, то снежные вихри. Медленно, очень медленно ползла арба. С трудом миновали одну деревню, вторую, третью. В каждой — ночевка. Где на низком топчане, где на сене, а то и просто на холодном глиняном полу.

В середине пути Хасан потребовал прибавки:

— Если не дашь — моя едет обратно.

Получай прибавку, татарин! Аллах воздаст тебе за скупость.

Снова деревня. За нею — сильные заносы. Три дня мело, никто не расчищал. Застряли.

Надо было что-то предпринимать. Узнали, что в соседнем селении живет староста — вали. В его власти собрать людей на расчистку дороги.

С огромным трудом, утопая в сугробах, добрались до его дома.

Вали оказался дома. Узнав, что перед ним советский дипкурьер (не торопясь, вновь и вновь удивленно рассматривал паспорт Урасова), он приосанился, поставил угощение. По всему было видно, что вали польщен необычным визитом. Даже позвал соседей — смотрите, какой гость у меня!

Вали заверил дипкурьера, что завтра дорога будет расчищена. И слово свое сдержал.

Арба снова закрипела. Но еще до этого произошло следующее событие: как только Урасов возвратился от вали, Хасан выложил все деньги — и аванс, и надбавку!

— Денег три раза меньше возьму.

— С чего это вдруг?

То, что рассказал Хасан, прямо-таки растрогало Владимира. Оказывается, Хасан принял своего пассажира за контрабандиста. Везти контрабандный товар опасно. Поэтому и заломил небывалую цену. А в последней деревне, заметив у «контрабандиста» пистолет, еще больше забоялся и потребовал дополнительной платы.

Ну а теперь — другое дело! Он сам видел у старосты паспорт дипкурьера. Хасан переменялся, стал приветливей, разговорчивей. Забросал вопросами о Советской России, о новой власти, новых порядках. И еще спросил:

— Ленин — татарин?

— Ленин русский. Почему ты решил, что он татарин?

— Казань жил. Татарин должен быть. Я жил Казань, я татарин.

Владимир долго рассказывал Хасану о Ленине. А когда упомянул, что виделся с вождем революции, беседовал с ним, Хасан восторженно зацокал языком.

— Не врешь? Аллах ругать будет!

Вот такой была та зимняя дорога в Анкару. На нее ушло четырнадцать дней. Ну а как будет теперь? Прежде всего нужен Хасан. Здесь ли он?

Как назло, дома Хасана не оказалось. Жена его ничего не могла объяснить: не знала ни слова по-русски. Делать нечего, пришлось ждать.

Только к вечеру появился хозяин.

— Мерхаба, Володка! Здравствуй! — радушно приветствовал Хасан Урасова. — Длинно ждал?

— Давно. Где ты пропадал?

— Сперва скажи: как там моя Казань?

— Стоит на том же месте.

— Сердитый ты. Кушал? Пил?

— Тороплюсь я. Понимаешь?

Хасан рассказал, что ездил за пять верст в деревню на похороны своего друга-турка. Он работал шофером на грузовике, возил боеприпасы. Но во время последнего рейса на колонну напали вооруженные бандиты, которых

подослали англичане. Трех шоферов убили. «Сложно сейчас на турецких дорогах...— обеспокоенно подумал Урасов.— Надо быть вдвойне осторожным».

Наскоро поужинали кислым молоком и лепешками. Потом Хасан пошел к знакомому шоферу, у которого был грузовик. Возвратился вместе с хозяином машины. «Мемед согласен».

...Совсем рано, когда серый, сонный рассвет лежал над Самсуном, выехали. Мемед был обладателем столь ветхого «рено», что неизвестно, как в нем вообще «душа держалась». Заполучил он машину чуть ли не на свалке и выходил, как больного. Машина заскрежетала, тронулась, поднимая пыль — еще прохладную, успешную остыть за ночь. По-русски Мемед не понимал, а дик-курьер не знал турецкого языка. Поэтому молчали. Впрочем, Мемед время от времени однообразно-печально что-то напевал. У Владимира были записаны на бумажке только три турецких слова: «Стоп», «Поехали» и «Ночевать».

Миновав несколько деревень, к вечеру остановились на ночлег: Мемед категорически отказывался ехать ночью, о чем сказал еще в Самсуне. Шофер быстро договорился с крестьянином о ночлеге: были бы деньги. Мемед показывал на пальцах, сколько нужно платить. Хозяин отвел им комнату, то есть половину своего глиняного дома.

Принесли еду. Пока Владимир и Мемед ужинали, в соседней комнате появилось двое мужчин, потом еще трое, наконец, там оказалось человек десять. Все они с любопытством, но не назойливо заглядывали в комнату гостей. Владимир недоумевал: почему столько народу? Через минуту-другую он удивился еще больше: в комнату, что-то сказав по-турецки, вошли трое, держа в руках крупные виноградные грозди. Положили на стол, потоптались на месте, рассматривая Урасова, и ушли. Потом появились другие, принесли инжир. Эти были смелее: пожали Урасову руку, произнесли непонятные слова.

Мемед, видя на лице Владимира недоумение, разъяснил, похлопав Владимира по плечу:

— Совет!

Турки закивали головами, заулыбались:

— Ийи! Ийи!

«Эх, до чего же, черт возьми, обидно, что я ихнего

языка не знаю! — подумал Урасов. — Ведь по глазам видно — хотят услышать советское слово!»

Он встал, произнес:

— Ленин — Кемаль!

— Ленин — Кемаль!

Турки вслед за ним тоже повторяли два имени, и снова произнесли: «Ийи!» (Позднее, в Анкаре, Владимир узнал, что «ийи» — это «хорошо».) На прощание все выпили принесенного хозяином молодого виноградного вина.

Чуть свет Владимир и Мемед были на ногах. Владимир отсчитал положенное количество лир за ночлег, протянул хозяину. Тот замахал руками: не надо! Так и не взял денег.

...Пылит по извилистой дороге ветхий грузовик. Добрались еще до одного населенного пункта. Переночевали. И снова почти все повторилось: турки с жадностью смотрели на советского человека, угощали фруктами. Появился даже мулла. С какими чувствами он пришел, неизвестно, но только при его появлении крестьяне сразу замолчали и один за одним покинули дом.

Когда Владимир собрался на следующее утро двигаться дальше, он увидел на улице пять грузовиков. За баранками сидели солдаты. В кузовах лежали плоские ящики.

«Боеприпасы», — догадался Владимир. Мемед уже пристроился было к колонне, чтобы ехать вслед, но Владимир показал ему бумажку: «Стоп».

«Если налетят на колонну бандиты, достанется и мне. Нужно переждать».

Колонна ушла. «Буду ждать полтора часа», — решил Владимир.

Интуиция не подвела его. Колонна в пути подверглась нападению. Когда Урасов подъехал, солдаты уже разгрузили одну, дымившуюся, машину и теперь торопились снять ящики с другой, сплошь изрешеченной пулями. Владимир и Мемед бросились на помощь: если начнут рваться снаряды, то здесь, на узкой дороге, никому не проехать. Несмотря на то что колонна была атакована неожиданно, на ходу, турецкие солдаты сумели дать отпор налетчикам: на обочине лежало пять трупов.

Наконец на дороге навели порядок. Владимир и Мемед тронулись дальше. Оставшийся путь до Анкары

хотелось во что бы то ни стало преодолеть без ночевки, одним махом, и Владимир настойчиво повторял:

— Жми, Мемед! Жми!

Турок, словно угадывая смысл незнакомого слова, жал, насколько позволял старенький «рено».

В сумерки они въехали на окраину Анкары.

ГОРСТЬ МЕДЯКОВ

1925 год. Урасов ехал в Польшу. Одному было очень трудно: за ночь не сомкнешь глаз ни на минуту. Да и вообще в буржуазной Польше, где хозяйничали пилсудчики, можно было ожидать любых провокаций.

Урасов занимал целое купе. Вагон был немецкий, разделенный на восемь изолированных купе — каждое имело отдельные выходы на обе стороны. Снаружи вдоль всего вагона тянулась сплошная ступенька, на которой можно было какое-то время ехать стоя, держась за поручни.

Поезда ходили редко, мест всегда не хватало. Поэтому на дверях купе, предназначенных для иностранцев, имелась «наклейка» — белый листок с польским орлом и надписью: «Купе зарезервировано».

Наступила ночь. Урасова сильно клонило ко сну. Чтобы прогнать дрему, Владимир жевал зерна кофе, непрерывно дымил папирсой, не затягиваясь: курить он еще не научился.

Наверху, в фонаре, тлел крошечный свечной огарок. Его хватило ненадолго: слабый огонек совсем погас. «Случайно или не случайно? — промелькнуло в голове.— Может, нарочно дали маленькую свечку, чтобы я оказался в темноте».

Подозрителен стал каждый скрип, каждый шорох. Рука плотно прижимала к левому боку пакет, пальцы ощущали холодок толстых сургучных печатей.

Папиросы кончились. Поезд подошел к станции. Сквозь дверное стекло было видно: на перроне одиноко торчал сонный лоточник с сигаретами. Урасов выскочил из вагона и купил две пачки сигарет — сам выбрал их из лотка.

Быстро возвратился на свое место, вновь завязал веревкой дверные ручки. Лязгнули буфера. Уплыли тусклые огни вокзала, и снова не видно ни зги. Как бы не

поддаться проклятому сну! Вторую или, пожалуй, третью ночь Владимир проводит вот так, в дороге. Он улыбнулся. Почему-то вдруг вспомнилось: «Ни сна, ни отдыха измученной душе...» И как будто где-то даже раздалась тихая музыка. Но это не была музыка, просто сон одолел-таки дипкурьера.

Кто знает, чем бы это кончилось, если бы... Раздался негромкий металлический звук. В ту же секунду Урасов очнулся. Левая рука схватилась за пакет: цел. Ногой нащупал на полу монету. «Из кармана пятак вывалился,— догадался Урасов.— Как же это я задремал?! Хорошо еще, что пяточок разбудил». У Владимира была привычка носить в кармане медные пятаки. Он любил, засунув руку в карман, в задумчивости перебирать медяки.

А сейчас монета очень кстати оказалась в роли будильника. Урасов закурил. Тихо... Темно... Вдруг дверное окно начало медленно опускаться. Ниже, все ниже. Владимир замер. Стучали колеса, стучало сердце. В открытый прямоугольник просунулась рука и потянулась к внутренней дверной ручке.

Урасов схватил незнакомца за кисть.

— Что нужно?

Человек на подножке рванулся, закричал: «Пшеводник!» Справа и слева откликнулись сонные голоса. Урасов отпустил чужую руку и поднял дверное окно. Тип на подножке исчез.

Ясно: за советским дипкурьером охотились. Остаток ночи не покидала тревога, нервы были напряжены до предела. Наконец — Варшава. О ночном «визите» сразу же доложил полпреду. Да, агенты Пилсудского были «сверхвнимательны» к каждому, кто приезжал из республики Советов. Надо быть все время настороже.

Но неожиданность есть неожиданность, и предугадать все невозможно. Через сутки Урасов возвращался обратно, получив увесистый сверток с дипломатической почтой. Приехал на Венский вокзал. Пакет нес под мышкой. Едва вошел в вокзал — навстречу стремительно бросился какой-то человек в сером костюме, рванул пакет с диппочтой. Владимир ответил ударом в солнечное сплетение. Неизвестный полетел на кафельный пол и начал кричать:

— То мой пакунок, он скрадл мой пакунок!

Собралась толпа, прибежал полицейский.

Урасов вынул красный паспорт с золотым гербом, поднял его над головой и громко сказал:

— Я курьер советской дипломатической службы!

— Он обманывает, он похитил мой пакунок! — не унимался провокатор.

Однако паспорт увидели. Толпа зашумела, двое в рабочих комбинезонах схватили провокатора за руки.

— Проверьте его документы, — потребовал Владимир у полицейского.

Тот недовольно поморщился.

— Да, да, проверьте его документы! — раздались голоса.

Полицейский резко надвинул фуражку на лоб и отозвал в сторону обоих. Нехотя буркнул неизвестному:

— Документы!

Незнакомец показал какое-то удостоверение. Полицейский быстро взглянул на него и тут же захлопнул. Владимир успел заметить: наверху напечатано — «дефензива» (охранка). И карандашом поставлен номер: 13.

Полицейский повернулся к Урасову, приложил руку к лакированному козырьку с серебряной кромкой:

— Извините!

Урасов направился в свой вагон.

...А другая история произошла в столице буржуазной Литвы — Ковно. Урасов привез пакет и на следующий день должен был возвращаться. Жил он в «Гранд-отеле» на Лайсвисалее, в двух-трех кварталах от полпредства. Паспорт Урасова находился в министерстве иностранных дел Литвы. В ожидании выездной визы Владимир скучал в своем номере, перелистывал «чтиво», предоставляемое бесплатно хозяином «Гранд-отеля»: литовские и немецкие газеты и даже белогвардейскую газету «Руль», издаваемую в Берлине.

До отхода поезда оставалось часа полтора. Пора идти в полпредство. Была поздняя осень, деревья стояли голые, землю скверов покрывал рыжий ковер опавших листьев. Вот и полпредство — одноэтажное каменное здание с небольшим двором. Перед фасадом — огромные липы.

Едва Урасов подошел к липам, как перед ним, словно из-под земли, выросли люди в штатском, попытались схватить. Засада! Рванулся в сторону, но и тут сразу несколько солдат с винтовками преградили дорогу.

Бежать некуда. Отскочил к ближайшему дереву, прислонился к нему спиной — так легче отбиваться от наседавших.

Хотя бы кто-нибудь выглянул, заметил! Но там, видимо, и не слышали, что делается на улице. Тогда Владимир выхватил из кармана горсть медяков и швырнул их в окно. Звякнуло стекло.

Солдатам все же удалось схватить Урасова. Ему скрутили руки и потащили. В этот момент дверь полпредства открылась, кто-то вышел.

— Я Урасов, слышите! На помощь! — крикнул Владимир.

Его привели в жандармерию. Тощий и длинный как жердь жандармский начальник выскочил из-за стола.

— Обыскать! — прошипел он.

Урасов кипел негодованием.

— Не имеете права. Я советский дипкурьер!

— Паспорт.

— Паспорт находится на визе.

Офицер злорадно ухмыльнулся.

Зазвонил телефон. Жандарм взял трубку.

— Да. Я, господин посол. Урасов? У нас?.. Видимо, это какое-то недоразумение. Конечно, конечно, все выясню. Немедленно. Прошу не беспокоиться, господин посол.

Трубка с грохотом брошена на рычаг.

— Что ж, идите, господин Урасов, мы вас не задерживаем.

Вскоре Владимир был в полпредстве. Проходя мимо палисадника, поднял несколько медных пятак. Подброя их на ладони:

— Спасибо за помощь!

До отхода поезда оставалось очень мало времени. Нужно спешить. Получены паспорт, диппочта. За минуту до отправления Урасов был в вагоне.

ЧЕРЕЗ ГОБИ

Весной 1926 года выехать из Пекина на родину советским людям было очень трудно: путь на КВЖД отрезал японский ставленник Чжан Цзо-лин.

Как быть? Этот вопрос приходилось часто задавать в том беспокойном году. Однажды удалось прорваться из

Пекина в Мукден благодаря чистой случайности: кто-то узнал, что из Пекина выезжает «интернациональный поезд» с группой английских, американских и французских дипломатов, а также миссионеров. Комендант поезда — французский полковник — согласился взять и советских дипкурьеров.

Ну а как выбраться трем дипкурьерам из Пекина сейчас?

— Есть девять вариантов, — сказал Владимир Урасов товарищам. — Первый: до Калгана ехать поездом, а дальше — на автомобиле через районы, где хозяйничают бандиты, через пустыню Гоби.

— Ну а другие восемь вариантов? — спросил Кувшинов.

— Другие? Тем же путем, только без встречи с хунхузами, если посчастливится.

— Я предпочитаю такой вариант, чтобы с хунхузами, но без Гоби, — вполне серьезно продолжал Кувшинов, бывший моряк, не расстававшийся с тельняшкой. — Говорят, в горах здорово штормит, а штормы на суше мне что-то не по душе.

Да, и в марте Гоби была очень опасна. Жуткие ночные холода, свирепые поздние метели, бури, останавливающие моторы и разбивающие галькой ветровые стекла автомобилей, — перспектива мрачная. Но иного выхода не было, путь лежал через Гоби.

Запаслись теплой одеждой, едой и отправились.

...Поезд плелся до Калгана почти трое суток. В Калгане находилось советское консульство. Пробыли там дней пять, пока получили соответствующие визы и разыскали грузовик, наняли шофера.

Местные власти дали дипкурьерам охрану — взвод верховых. Так в сопровождении конников выехали из Калгана. Урасов, Кувшинов и Соснов тряслись в открытом кузове, на камышовых корзинах, в которых находилась диппочта. Сидели, тесно прижавшись друг к другу, подняв воротники, сжимая в руках винтовки. Оружие дали в Калгане китайцы: «Минует опасность, сдадите нашим кавалеристам».

Кувшинов принял оружие с вдохновением, привычно, словно никогда и не расставался с ним, сразу протер затвор. Урасов взял винтовку спокойно, не выразив никаких чувств. Соснов — с явной неохотой.

Дело в том, что теплых варежек у дипкурьеров не было, руки коченели, а тут еще держи винтовку!

Морозный ветер бил то в спину, то в лицо, и от его ледяного дыхания приходилось закрывать глаза. Чтобы отогреться, по очереди садились в кабину к шоферу Ли Чану,— он был молчалив, с обветренным лицом, по которому невозможно было определить возраст. Ли Чан по-своему звал дипкурьеров: по цвету пальто. Урасова он называл «Голубой», Кувшинова — «Серый», Соснова — «Желтый». Когда дипкурьер садился в кабину, Ли Чан молча стаскивал с правой руки варежку, протягивал пассажиру и вел машину одной левой рукой.

Дипкурьеры так составили свой маршрут, чтобы к ночи попадать в какой-нибудь населенный пункт. Располагались в отдельной фанзе, куда сгружали и диппочту. Отдыхали поочередно. Двое всегда бодрствовали: один дежурил снаружи, второй — внутри фанзы. Спали не раздеваясь, «одним глазом». Рядом с собой клали под теплый халат винтовку.

Разговорчивым становился Ли Чан только тогда, когда в кабину садился Урасов. Китаец как-то особенно, по-детски улыбался и требовал:

— Говори еще, как видел Ленина.

И Урасов рассказывал.

Однажды в дороге, когда подошла очередь Урасову садиться в кабину, он взглянул на Соснова и заметил, как у того стучат зубы.

— Замерз? Ну-ка, полезай в кабину.

Соснов отказывался, но его все же «загнали» в кабину. К вечеру, когда приехали в селение, у Соснова появился жар. А лекарств никаких...

В ту ночь никто не спал. Урасов и Кувшинов попеременно дежурили и смотрели за Сосновым, который метался в жару, просил пить.

Ехать дальше с больным было нельзя. Дни и ночи становились особенно тревожными. Вчера видели на склоне горы хунгузов, следивших за приезжими. Кто знает, что они предпримут?

В довершение ко всему неожиданно исчез Ли Чан.

«Может, отлучился куда-нибудь ненадолго? — мучительно размышлял Владимир.— Но почему ничего не сказал? А что, если его украли, насильно утащили?»

Урасов где-то в глубине души чувствовал, что Ли Чану можно доверять, но чего не бывает?

...Поздно вечером возвратился Ли Чан. Оказывается, он ходил в соседнее селение и принес оттуда какое-то китайское лекарство.

— Почему же ты ничего не сказал нам? — набросился на него Урасов.

— Кругом хунхузы, боялся — не отпустишь.

— Ну ладно. Где достал лекарство: в аптеке?

— Абтега — не да. Сталига дала. Завтла Желтый — здолов. Совсем здолов.

Когда Соснов выпил лекарство, Ли Чан ткнул рукой в грудь сперва Урасова, потом — Кувшинова:

— Голубой — не спишь, Селый — не спишь. Много не спишь. Вот какой стал. — Он вдавил пальцами свои щеки. — Сегодня все спишь, моя с винтовка калаула ходи!

Урасов дружески похлопал китайца по плечу:

— Спасибо, Ли Чан. Но все же дежурить мы будем. Ничего, мы привыкли к таким передрыгам.

Назавтра Соснову стало гораздо легче. Неизвестное лекарство быстро сбило жар. Остальное довершили крепкий организм и воля Соснова.

Можно было продолжать путь.

Близ монгольской границы, поблагодарив за службу, дипкурьеры отпустили свою конную охрану. Машина покатила по просторам Монголии, то заезжая в осевший пористый снег, то пересекая неглубокие реки, уже разбуженные весной.

Днем остановились в селении выпить чаю и перекусить. Хозяин юрты гостеприимно пригласил к очагу и не отрывал раскосых глаз от Соснова. Потом куда-то вышел на несколько минут и вернулся. Вскоре в юрту робко вошел другой старик — монгол, сел на корточки прямо перед Сосновым и, наглядевшись, удалился. Вслед за этим незнакомцем появился третий, потом еще, потом еще.

Поздоровавшись, все они усаживались против Соснова и молча, с удивлением рассматривали Соснова, вернее, его бороду. Дело в том, что у Соснова была редкостной величины и черноты борода — она-то и привлекала внимание. Эта борода не давала покоя Соснову. За ним повсюду: в Китае, Монголии и других странах —

буквально по пятам ходили люди. И в конце концов он не выдержал и расстался со своей роскошной бородой. Между прочим, на первых порах и это доставило ему кое-какие хлопоты. Дипкурьеров, часто ездивших по одним и тем же маршрутам, хорошо знали пограничные чиновники в лицо. Знали, конечно, и Соснова. И когда он неожиданно предстал перед ними без бороды, на него поглядывали подозрительно и тщательнее обычного проверяли документы.

Где-то возле Улан-Батора показалось село Бароты. Оно сплошь состояло из русских изб — здесь обосновались переселенцы, бежавшие от преследований царского правительства.

Памятное село... Когда выбрались на окраину, увидели встречную машину. И едва поравнялись с нею, Урасов воскликнул:

— Ба! Вот так неожиданность!

На встречной машине ехали в Китай двое — дипкурьер Константин Иванов, высокий, розовощекий богатырь, добродушный и отзывчивый, и сопровождавший его товарищ.

— Доставайте, братцы, кружки, — сказал Иванов, — нужно отметить эту встречу!

Он откупорил термос и налил всем горячего, крепчайшего, душистого чая. И провозгласил:

— За то, чтоб чаще встречались советские люди на мировых дорогах!

Не знал Константин Иванов, что дни его уже сочтены, что на одной из «мировых дорог» его жизнь вскоре оборвется самым трагическим образом. Но об этом — несколько позже.

Урасов, Кувшинов и Соснов четверо суток ехали до столицы Монголии Улан-Батора через пустыню. Гобийские ветры, словно играя с грузовиком, то бросали в него по вечерам запоздалым снегом, то обдавали в солнечный полдень дыханием весны, которая бродила уже где-то совсем недалеко.

Один из последних участков был особенно нудным — проехали более ста километров и не встретили ни юрты, ни человека. Все ближе стали подступать к дороге горы. К вечеру наткнулись на бушующую горную реку. Вот так сюрприз!

Поискали брод — безрезультатно. Что делать?

— Похоже, придется возвращаться в Улан-Батор и искать дальний объезд,— сказал Соснов.

Его поддержал Кувшинов. Но Урасов, поразмыслив, возразил:

— Вот что, друзья: возвращаться не будем. К утру река обмелеет, и мы ее переедем. Поверьте мне: на расвете здесь воды будет по колено.

Урасов изучил нравы горных речек еще в Якутии, во время ссылки в 1911 году. Он знал, что ночью холод скует реку в горах, вода сойдет и переправа будет обеспечена.

— Быть по сему! — первым согласился Соснов. — Хотя все же очень сомнительно.

— Теперь давайте позаботимся о костре, — пригласил Урасов.

— Топор у нас есть, дело за малым — лесок бы сюда! — иронически произнес Соснов. — Какой же может быть здесь костер — кругом голая земля.

— Ничего, — сказал Владимир, — нас выручат верблюды. Они оставили после себя много «горючего». А ну-ка, в поиск!

Сверх меры брезгливый Соснов поморщился и начал собирать помет осторожно, двумя пальцами.

— Послушай, Соснов, если не будешь сгребать кизячок как следует, я тебя к костру не подпущу! — пошутил Урасов.

Вскоре возле грузовика выросла целая гора кизяка. Зажгли огонь, вскипятили в консервной банке чай. Теперь холод был не страшен.

Всю ночь горел костер, всю ночь посматривали на вежи — их поставил Урасов, чтобы видеть уровень воды. Действительно, вода убывала. Утром без труда переправились на другой берег.

В Верхне-Удинске дипкурьеры сели в поезд. Самое трудное и опасное осталось позади.

Урасов часто вспоминал эти поездки в Китай и, в частности, встречу с Константином Ивановым.

Помните кантонское восстание революционных рабочих и солдат под руководством Компартии Китая? Это произошло в декабре 1927 года. Гоминдановцы вместе с империалистами США, Англии и Японии жестоко подавили восстание. В те дни дипкурьер Константин Иванов был в Кантоне. Его схватили разъяренные реакционеры,

пытали и потом расстреляли. Труп Иванова до самой ночи оставался на улице, а когда стемнело, китайские коммунисты тайно похоронили своего русского брата.

«ВСЕ НОРМАЛЬНО»

Владимир Урасов широко шагает по Праге. Всматривается в знакомый город (он уже не первый раз тут), слушает многоголосый шум улиц. «Пока все идет нормально»,— говорит сам себе. Уже пятые сутки, как Урасов покинул Москву, побывал в Варшаве, сдал там диппочту для нашего полпредства; теперь вот добрался до Праги. На вокзале его встречал представитель полпредства. Происшествий не было.

В счет, правда, не идет то, что в купе международного вагона в панской Польше он чувствовал себя словно в осажденной крепости, что за холодной вежливостью официальных лиц могла скрываться какая-нибудь подлость, провокация. Ведь кроме самих пилсудчиков там еще орудовали и террористические банды белогвардейцев. И он не забывал об этом ни на секунду. Он был как воин, охранявший важный пост — дипломатическую почту Советской державы. Но какого напряжения все это стоило! Тем не менее у него сейчас бодрое, хорошее настроение. Радостная встреча с товарищами по работе. В дипкурьерской сумке еще одним пакетом стало меньше. А усталости все же больше. Но отдыхать не время: маршрут его далеко не закончен. Впереди — Вена, Рим. Будет ли там «все нормально»?

В Праге остановка еще короче, чем в Варшаве. В пять вечера — поезд на Вену. Купе для Урасова забронировано.

Настало время отъезда.

Под гулкой железной крышей вокзала многолюдно. Еще издали Владимир узнал высокую, худощавую фигуру проводника Франтишека. С ним уже приходилось ездить — и одному, и вместе с сотрудниками полпредства. Франтишек был с советскими особенно приветлив. Однажды Урасов услышал, как проводник с волнением сказал работнику полпредства:

— С того часа, как в моем вагоне появились пассажиры из Советского Союза, я почувствовал себя человеком. Вы со мною приветливо здороваетесь, а не как

другие — «Эй, человек», «Эй, ну-ка сюда». Я почувствовал настоящее уважение к себе...

Пятидесятилетний чех не знал, что Урасов — диктатор, но, что он советский, это было Франтишкему известно.

Подойдя к проводнику, Владимир удивился — Франтишек был неузнаваем. В ответ на приветствие Владимира он что-то пробормотал, сразу пропустил Урасова в вагон, сопроводив вежливой служебной фразой:

— Проше пана.

Владимир вошел в купе и недоуменно пожал плечами. Осмотрелся, проверил окно, замок.

Поезд тронулся. Вскоре Франтишек начал разносить чай. Владимиру тоже принес и, ставя стакан, молча, но многозначительно кивнул в сторону соседнего, левого купе. И тут же вышел. Наверное, там, слева, подозрительные типы. Что ж, это не новость. Сколько раз он сам обнаруживал слежку! А если и не было явных следов, то это означало, что чужие глаза более опытные и опасные, значит, надо быть еще бдительней.

Сейчас, видимо, замышлялось что-то. Надо разгадать, что именно, не попасться в расставленные сети.

«Шевели мозгами, Володька... Откуда узнал об этом Франтишек? Спросить — нельзя. Ну да ладно. Главное — определить, кто «на хвосте». Прежде всего — раскусить соседних пассажиров. Срисовать», — снова сказал он себе.

«Кто занял соседнее купе справа? Брюхатый в золотых очках. Либо доктор, либо хозяин галантерейной лавки. С ним пожилая женщина — наверное, жена. И еще двое девиц — молоденькие, желторотые. Нет, в этом купе шпика вроде бы не должно быть. А слева, куда кивнул Франтишек? Там, кажется, всего двое. Долговязый тип с галстуком-бабочкой и какая-то накрашенная женщина лет тридцати. За этими надо поглядывать. Похожи... В коридоре я их не встречал. Вышли они из купе в коридор после того, как я уже сел. Может быть, следили из окна?»

Владимир машинально ощупал пистолет в кармане.

Ощущение близкой опасности делало его слух, зрение острее, и словно вливалось в жилы дополнительную струю бодрости. За окном пролетели аккуратные поля, ухоженные поселки, холмистые леса, среди которых

изредка, словно мухоморы, виднелись одинокие красно-черепичные домики.

Дым от паровоза застлал окно, пейзаж стал расплывчато-грязным, и Владимиру хотелось протереть стекло, оживить краски полей. Вдруг над головой раздался какой-то скрип. Скосил глаза: висевшая на стене литографическая картина с пейзажем быстро отходила. Урасов насторожился. Вот картина отошла почти на ладонь, потом еще больше. Показалась мужская физиономия в котелке. Затем картина приняла прежнее положение. Владимир попытался ее потянуть — не поддается. Значит, с той стороны она чем-то закреплена.

За стенкой раздался приглушенный кашель, потом стало тихо.

А за окном уже мелькали зеленые пригороды Вены. Урасова ждали на перроне. (В полпредство была послана телеграмма из Праги.) Владимир рассказал о «сопровождении» в поезде. И заключил:

— Говорят, что дорога Прага — Вена самая спокойная. Что-то не похоже... А что у вас, в Вене?

В Вене было тревожно. Как раз сегодня — 15 июля 1927 года — по улицам города прошла многотысячная демонстрация: венские трудящиеся подняли голос протеста против фашизма, против решения суда, который оправдал фашистов, убивших нескольких рабочих. Путь демонстрантам преградила полиция. Она открыла огонь. Рабочие ответили градом камней, начали штурмовать министерство юстиции, полицейские участки.

Полиция взяла верх.

Когда Урасов ехал к полпредству, еще дымились здания, всюду лежали отбитые пулями куски штукатурки. Полицейские патрулировали улицы.

В распоряжении Урасова было около двух часов — от поезда до поезда. В половине десятого он уже ехал на вокзал к римскому экспрессу. Патрули дважды останавливали автомобиль, враждебно косясь на красный полевой флажок. Изредка где-то гремели одиночные выстрелы.

Вокзал. Экспресс подан. Три австрийских вагона первого и второго класса — они следуют только до границы — и один, спальный, — прямо до итальянской столицы.

Международный вагон. Накрахмаленные занавески

и салфетки, чистое белье, начищенные до блеска медные ручки, удобный, мягкий диван. Можно превосходно выспаться за ночь! Выспаться? Нет, вряд ли Урасову придется спать. Он чувствовал: его не оставят в покое...

Владимир был в вагоне за двадцать минут до отправления, чтобы оказаться первым, осмотреться. Но его кто-то опередил: в одном купе — и именно соседнем, тоже левом — уже были пассажиры. Владимир сел к окну — ему были видны входящие в вагон. По привычке он старался запомнить их.

Постепенно вагон заполнился. Поезд тронулся. Застучали колеса. Дверь купе состояла наполовину из толстого, зеркального стекла, зашторенного занавеской. Это было, конечно, неудобно для дикпурьера. Но ничего не поделаешь. Что там, в коридоре? Владимир вышел, чтобы взглянуть на соседей.

Вскоре ему это удалось.

Солидная пара. Лицо женщины не разглядишь — скрыто вуалью. А мужчина — франт, усач... Вновь «опекуны»?

Пограничники смотрели документы вежливо, небрежно, будто нехотя, ни к чему не придрались. Поезд тронулся дальше.

Теперь уже никто не побеспокоит пассажиров до самого Рима. Вагон утих, все спали. Впрочем, не все. Урасову нельзя было спать. Да, вероятно, и его новые соседи тоже не собирались отдыхать.

Однако Владимира стало клонить ко сну. Он закурил, но это не помогло. Приспустил окно, в купе ворвался прохладный воздух, пахнувший горьковатым паровозным дымом. Сонное состояние прошло. Закрыв окно — снова дурманом обволакивала дремота. Вновь открыл окно.

Так повторялось все время: с закрытым окном тяжелели веки, при открытом — становилось бодрей. И всю ночь время от времени кто-то проходил по коридору, почти неслышно задерживался на секунду возле купе Урасова. Создавалось впечатление, что кто-то пытается разглядеть, бодрствует ли советский дикпурьер.

Владимир знал от своих товарищей по службе, что в купе иной раз пускают снотворный газ: для этого достаточно самой малой щелочки, которую и не обнаружишь. Может быть, сейчас именно снотворный газ и ползет к нему?

Ритмично стучат колеса. Вспомнилось: в Праге, в полпредстве кто-то сказал про дипкурьеров: «Служба на колесах». И словно возражая, произнес негромко: «Ошибаешься, не на колесах, а на нервах».

Неимоверным напряжением воли Урасов не поддался коварному сну ни на минуту. Утром поезд вошел под своды Римского вокзала.

Здесь дипкурьера, как обычно, должны встретить работники советского полпредства. Урасов не покидал купе. Вот вышли наконец из вагона мужчина и дама с вуалью. Работников полпредства почему-то не было.

Владимир решил выждать, пока все пассажиры покинут вагон и перрон опустеет: в толпе легче совершить провокацию, а на безлюдном перроне скорее заметишь опасность и дашь отпор.

Однако пора выходить. Пакет с диппочтой крепко прижат локтем левой руки, правая готова действовать в любую секунду.

Сделал несколько шагов по перрону и увидел, что навстречу торопятся двое. Свернуть? Краем глаза заметил: с другой стороны идут еще трое. Всмотрелся. Да ведь это свои, полпредские! Вот среди них Кучеренко — давний знакомый. Урасов быстро направился к ним. А те двое повернули обратно.

— Владимир, привет!

— Здравствуйте! Что же вы опоздали?

— Нашу машину задержали возле самого вокзала. Полицейский и какие-то агенты в штатском. Как твои дела?

— Все нормально.

Да, все нормально. Все в порядке. Это звучало как девиз.

ПРОВАЛ ОДНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОВОКАЦИИ

О подвиге дипкурьеров Теодора Нетте
и Йогана Махмасталя

•
В. ПОПОВ

НАПАДЕНИЕ НА РАССВЕТЕ

В 6 часов 30 минут утра 5 февраля 1926 года резкий стук в дверь разбудил поверенного в делах СССР в Латвии С. И. Боркусевича.

— Сигизмунд Иосифович! — крикнул ему сотрудник полпредства Барковский, — сейчас с вокзала звонил Ласис, он ездил встречать дипкурьеров, — говорит, что на них было совершено нападение, оба как будто бы убиты...

Боркусевич вскочил с постели.

— Быстро, машину! — крикнул он, поспешно одеваясь.

— Стоит у подъезда!

Подняв с постелей секретаря полпредства И. Н. Красовского и пресс-атташе В. И. Анина, Боркусевич вместе с ними поехал на вокзал. Туда же были вызваны советский генконсул В. И. Шеншев и торгпред СССР в Риге И. Г. Шевцов.

Приземистое здание Рижского вокзала. Бегом по перрону к скорому поезду Москва — Рига. Вот и вагон № 2, так называемый «микст» (смешанный: 1-го и 2-го классов), в котором ехали дипкурьеры. Пассажиры уже разошлись, и только у этого вагона небольшая группа. У входа в вагон служащий железнодорожной полиции.

К составу быстро шли какие-то люди в форме.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы вошли в вагон, рассказывал Анин, это какие-то двое, неподвижно застывшие у столика в купе проводника, дверь которого была открыта. В четвертом купе, занятом нашими курьерами, в одном белье лежал на полу Нетте. Он, видимо, был мертв. Все было залито кровью: тело убитого, коврики, диваны, вализа с диппочтой. Оконные стекла, стенки вагона в дырах от пуль. Рядом в купе, бледный,

с револьвером в руке сидел Махмасталь. Сквозь пальцы его руки, прижатой к животу, сочилась кровь, другая рука висела как плеть. Махмасталь смотрел на нас широко открытыми глазами, в них застыло какое-то нечеловеческое напряжение...

— Не подходите к почте, буду стрелять,— внятно сказал он, заметив, что Боркусеви́ч идет к дивану, на котором лежали опечатанные сургучными печатями вализы с почтой. Маузер в руке Махмасталя начал медленно подниматься.

— Я Боркусеви́ч, поверенный в делах.

— Не знаю, пусть придет Шеншев...— послышался ответ. (В. И. Шеншев ранее заведовал отделом виз и дипломатических курьеров Наркоминдела, и его хорошо знали все дипкурьеры.)

В это время Шеншев уже бежал по коридору. Махмасталь, увидев его, улыбнулся и утомленно закрыл глаза. Ему быстро перевязали рану полотенцем.

Вокруг стояли носильщики, какие-то люди в штатском.

— Есть ли кто-нибудь из министерства иностранных дел? — спросил С. И. Боркусеви́ч.

Никто не откликнулся. Полицейские чины положили на носилки тело Нетте и унесли.

Советские дипломаты осмотрели купе и коридор. На полу новая велюровая шляпа, какие-то черные маски с кружевами, вроде маскарадных, осколки стекла. Бережно подняли Махмасталя и повели к машине, чтобы отвезти в лучшую частную клинику Риги доктора Буша.

Собрали вещи дипкурьеров. Зашли в купе проводников и осмотрели тех, кто там сидел, склонив головы на столик. Оба молодых человека были мертвы; их головы и лица были залиты кровью. У одного висок, у другого затылок разворочены пулей. Стреляли по-видимому, почти в упор.

В вагоне, где размещались дипкурьеры, было двое других советских граждан — Печерский и Зелинский, ехавшие из Москвы и ставшие свидетелями налета. Ехали также несколько иностранцев, в том числе итальянский, немецкий и латвийский дипкурьеры и еще кто-то. Они уже покинули вагон. Сотрудники полпредства беседовали с советскими гражданами, когда явились представители прокуратуры. Они начали опрашивать Печерского

и Зелинского. Другим свидетелям почему-то было позволено покинуть место происшествия, не дожидаясь официальных лиц. Долго не было никого из министерства иностранных дел Латвии. Советские дипломаты выразили свое недоумение и возмущение. В ответ полицейские и чиновники прокуратуры что-то бормотали о бандитских налетах, которые-де могут быть в любой стране; наверное, бандиты искали какие-нибудь ценности или деньги...

Настораживала какая-то нарочитая медлительность в действиях полиции: долго обсуждали вопрос о калибрах пистолетов, вновь и вновь осматривали тела тех, кто находился в купе проводника, допрашивали проводников — об их месте рождения и прочем. Ничто не показывало, что власти собираются идти по горячим следам преступления.

Между тем было вполне очевидно, что нападение преследовало далеко идущие цели. В те дни в Латвии чрезвычайно активизировали свою антисоветскую деятельность различные террористические и шпионские организации. В буржуазной печати и особенно в многочисленных антисоветских эмигрантских изданиях шла неистовая кампания против Советского Союза и его представителей за границей. Белоэмигрантская газета «Слово», издававшаяся в Риге, призывала к террористическим расправам над советскими людьми. И во всей этой свистопляске чувствовалась чья-то направляющая рука.

Вернувшись в полпредство, вспоминает В. И. Анин, мы долго раздумывали об организаторах нападения и целях, которые они преследовали. Говорили о погибшем Нетте и раненом Махмастале. Заготовили сообщение в Москву и Берлин. Особенную трудность составляло сообщение советскому полпреду в Берлине Н. Н. Крестинскому, куда после Риги должны были следовать курьеры. Мы знали, что жена Нетте Ольга Николаевна работает в берлинском полпредстве. Поэтому просили полпреда как-нибудь поосторожнее передать Ольге весть о смерти мужа. Телеграмма была зашифрована. Мы не предполагали, что Ольга Николаевна шифровальщица и ей самой доведется прочесть трагическое сообщение.

В официальном заявлении полпредства СССР министерству иностранных дел Латвии выражался самый энергичный протест по поводу нападения, которое, как

отмечалось в ноте, «носило несомненно организованный и заранее подготовленный характер». Полпредство возлагало «всю ответственность за это неслыханное в практике международных отношений злодеяние на Латвийское правительство, не принявшее достаточных мер к охране жизни дипломатических курьеров СССР», и настаивало «на самом срочном расследовании дела»¹.

Вечером сотрудники полпредства виделись с Иоганом Махмасталем. Ему только что была сделана операция опытным хирургом. Рана в живот оказалась не очень опасной, пуля не затронула жизненно важных органов. Хуже было с рукой: раздроблена кость. Тем не менее оперировавший Махмастала профессор Минц сказал, что раненый будет в состоянии скоро подняться с постели.

Было трудно примириться с гибелью Теодора Яновича Нетте, осознать, что этого человека, которого многие знали и любили, нет в живых.

Теодор Нетте родился в 1896 году в Латвии. Сын сапожника, он рано узнал нужду и рано стал участником революционного подполья. В этом ему много помог отец, сам член Латышской социал-демократической партии. Семнадцатилетним юношей Теодор вступил в партию и вместе с отцом стал ее активным работником: распространял листовки, вел революционную пропагандистскую работу.

В первую мировую войну отец и сын были арестованы — сначала рижский Централ, а затем петроградские «Кресты». Только после Февральской революции, в марте 1917 года, рабочие и солдаты освободили их и сотни других революционеров из тюрьмы.

После освобождения из «Крестов» оба уезжают на родину, где снова активно включаются в партийную работу. Когда в августе 1917 года немецкие войска вступили в Ригу, сознательно сданную врагу Временным правительством, Теодор Нетте остается на подпольной работе в Риге. Восемь месяцев напряженной и опасной работы в частях оккупантов. Восемь месяцев на острие ножа, когда малейшая ошибка могла стоить жизни. Прекрасное знание немецкого языка не раз выручало его.

В начале 1918 года Нетте по указанию ЦК партии едет в революционный Петроград. Его ждало неожидан-

¹ «Документы внешней политики СССР», т. IX, стр. 717.

ное назначение: секретарем отдела виз Наркоминдела. Но немного проработал Нетте в этом отделе. По партийной мобилизации он уезжает на борьбу с продвигавшимися в глубь страны кайзеровскими войсками. Теодор Нетте становится политкомиссаром 2-го батальона 1-го красного Латышского стрелкового полка.

Шли непрерывные бои с наседавшим врагом; поединок революционного народа с озверелой империалистической военщиной. В тяжелой борьбе победила революционная воля масс, их энтузиазм и преданность революции. Затем — снова фронт. Вместе с латышскими стрелками Теодор Нетте участвует в борьбе с белогвардейщиной на юге. Развернулись кровопролитные бои под Орлом. Тяжелое ранение выводит Нетте из боевых рядов.

После освобождения Латвии Нетте направляют в Елгаву на пост председателя революционного трибунала. Шпионы, бандиты, спекулянты и им подобные не раз чувствовали революционную волю пролетарского суда, возглавляемого Нетте. Труднейшая работа по организации ревкомов, охраны железных дорог, борьба с кулаками.

С 1922 года, учитывая знание им немецкого языка, Нетте направляют на работу дипломатическим курьером. За годы службы дипкурьером были более тяжелые или менее тяжелые поездки, но не было ни одной, когда можно было отдохнуть, поспать спокойно. Шпионы, агенты разведок, провокаторы буквально не спускали глаз с наших людей, выезжавших за рубеж; любой повод мог быть использован для грязных целей.

Человек огромной воли, большой душевной чистоты и культуры, Нетте успешно осваивает новое для себя дело.

Короткую, но поистине прекрасную жизнь прожил Нетте.

Несгибаемым сыном Коммунистической партии был и дипломатический курьер Иоган Адамович Махмасталь.

Иоган родился в Нарве в 1891 году. Так же как и Нетте, испытал в детстве горькую нужду и переехал в Петербург на заработки. Поступил на завод «Новый Лесснер», славившийся революционными традициями: там выросли многие верные сыны ленинской партии. В снарядной мастерской этого завода Иоган знакомится с большевистской организацией.

3 апреля на заводе распространился слух, что в Петроград из-за границы возвращается Владимир Ильич Ленин. Весть о приезде любимого вождя взбудоражила весь Питер. Рабочие фабрик и заводов, солдаты воинских частей и матросы стекались к Финляндскому вокзалу; мрак апрельской ночи прорезали лучи прожекторов и свет факелов. Пылали кумачом знамена. Вместе с рабочими «Леснера» на площади был и Иоган Махмасталь. Слушая Ленина, он принял твердое решение — стать членом партии большевиков. Когда на заводе был образован отряд Красной гвардии, одним из первых туда вступил Махмасталь.

Наступили дни решающей схватки с буржуазной властью. В ночь штурма Зимнего дворца Махмасталь вместе со своими товарищами по снарядной мастерской, образовавшими отдельный отряд красногвардейцев, был среди атакующих. Был он и на передовых позициях у Пулковских высот, когда казаки генерала Краснова шли на Петроград. А в феврале 1918 года отряд отправился на фронт, на борьбу с немецкими оккупантами. Бои шли около города Нарвы, в тех местах, откуда родом был Иоган.

Угроза, нависшая над завоеваниями революции, всколыхнула эстонский пролетариат. Создаются эстонские революционные части. Махмасталь принимает активное участие в создании 2-й Эстонской коммунистической бригады, в рядах которой он сражается сначала против Юденича, а после его разгрома — на решающем фронте гражданской войны — на юге России.

В августе 1919 года конный корпус генерала Мамонтова, прорвав наш Южный фронт, лавиной устремился к жизненно важным районам республики Советов. Партия объявляет тревогу: «Все на разгром врага!» Новые и новые подкрепления идут на фронт. Среди них и эстонские части Красной Армии...

После гражданской войны Махмасталя назначают на работу в Наркоминдел в качестве дипкурьера.

Так, пройдя сквозь голод и нужду, сквозь огонь гражданской войны, два большевика — Нетте и Махмасталь — становятся часовыми Наркоминдела, дипкурьерами.

...Когда через два-три дня Махмасталь почувствовал себя лучше, он рассказал, как произошло нападение.

Привожу его рассказ так, как он записан в следственном деле.

Мы с Теодором Нетте и дипломатическим багажом поместились в вагоне второго класса в четвертом купе. По пути из Москвы младший проводник Бризе подозрительно часто заглядывал в наше купе, двери которого были обычно открыты. Как младший проводник, так и старший (их было двое) знали, что я и Нетте — дип-курьеры. Еще в самом начале пути, в Москве, при посадке в вагон, младший проводник обратился к нам с вопросом: «Вы русские дипломатические курьеры?»

...Приблизительно в 4 часа утра 5 февраля, находясь в купе, я услышал на крыше вагона шаги двух человек, направлявшихся из передней части поезда в его заднюю часть. Это было приблизительно за 45 минут до станции Икскюль (Икшкиле). После этого я встал и около 10—15 минут, или даже больше, стоял в коридоре напротив нашего купе до того времени, когда поезд прибыл на станцию Икскюль. Стоя у окна, я увидел какого-то мужчину, ходившего взад и вперед по нашему вагону. Он был одет в темное пальто и черную шляпу.

Нетте спал на верхней полке, головой в сторону коридора. Дверь купе все время находилась открытой.

Поезд еще стоял на станции Икскюль, когда я пошел в уборную, находившуюся в передней части вагона. Дверь уборной оказалась закрытой, и я вернулся обратно. Как только поезд стал двигаться и хвост его еще находился около перрона станции, я услышал в передней части вагона крик. Мне показалось, что кто-то кричит от испуга. Я хотел проверить, что там происходит, но не успел сделать и нескольких шагов, как у полуоткрытых первых дверей коридора увидел какого-то мужчину в черной маске с револьвером в руке, стоявшего в коридоре против дверей служебного отделения, и младшего проводника, стоявшего в дверях своего отделения, причем оба несколько раз издали какой-то возглас: «а-а-а». Потом я услышал стук в дверь, но, кто стучал, не видел. Из уборной кто-то после стука вышел (это был, как потом выяснилось, советский гражданин Печерский.— Авт.). Тот же бандит в черной маске что-то сказал другому. Увидев все это, я бросился в свое купе, крикнув спавшему на верхней полке Нетте: «Бандиты в массах!»

...Быстро схватил лежавшие на столике у окна под салфеткой наши с Нетте два маленьких маузера, передал один Нетте, а второй стал готовить для стрельбы. Я стоял у окна спиной к левой стороне купе. В этот момент одним прыжком в купе вскочил замаскированный человек, которого я видел в передней части вагона. Он направил на меня браунинг, но я не успел еще вставить обойму. В это время Нетте выстрелил в бандита¹, и тот присел на нижнюю полку. Мне показалось, что Нетте его или ранил, или застрелил. В это время у двери показался второй, тоже в черной маске и с револьвером в руке. Первый бандит снова прицелился, чтобы выстрелить в меня. Видя, что он хочет стрелять, я выстрелил в него два раза. Думаю, что мои выстрелы попали в грудь, ибо лицо его изменилось. После моих выстрелов я получил пулю в правую руку от бандита, стоявшего в дверях. Сидевший на диване, раненный мною и Нетте первый бандит выстрелил в меня еще два раза. Он издал какой-то неопределенный крик и выбежал из купе.

...Мой револьвер выпал из раненой руки, и, когда я его поднял, второй бандит выстрелил в меня и попал в живот с правой стороны. Тогда я выстрелил с левой руки во второго бандита по крайней мере еще два раза, целя ему в живот и выше. После этих выстрелов он вскрикнул и ушел.

...Я опустился на колени и ждал нападения на купе еще кого-нибудь, но с верхней полки на меня упал Нетте. Он был мертв. Нетте свалил меня на пол головой в сторону коридора и ногами в сторону окна.

Тогда я увидел стоящего в дверях третьего человека с маской на лице, в пальто цвета маренго, русских сапогах и револьвером «парабеллум» в руке. Ничего не сказав и ничего не сделав, он ушел...

Таков сжатый рассказ Югана Махмастала.

Свидетели нападения, ехавшие в том же вагоне,— сотрудник газеты «Известий» писатель Корнелий Зелин-

¹ Нетте на какое-то мгновение выстрелил раньше и попал в шею нападавшего. Пуля перебила артерию, питающую мозг и нападающий, вероятно, ослеп (это показало впоследствии вскрытие трупа). То, что таким образом был сразу выведен из строя первый нападавший, спасло, быть может, жизнь Махмасталу и сохранило дипломатическую почту. Этот выстрел с самого начала преопределил неудачу нападения.— *Прим. авт.*

ский и председатель правления Льноторга Л. Ф. Печерский дополнили его.

Печерский вышел из туалета, где умывался, и лицом к лицу столкнулся с бандитами, видимо, только что вскочившими в вагон. Один из них направил на Печерского браунинг.

— Оружие есть? Деньги есть? — крикнул он по-русски и, не ожидая ответа, быстро бросился по коридору, прямо к четвертому купе, занятому нашими дипкурьерами, крикнул второму бандиту: «Вот они!»

После короткой схватки в купе третий замаскированный бандит, видя, что его сообщники ранены, бросился вслед за ними. Зачем? Это было ясно. Он хотел спасти себя и вместе с тем обезопасить организаторов нападения. Раненые бандиты, спотыкаясь, шли по коридору. Выстрелив несколько раз вдоль вагона, третий затем зашил обоих в купе проводника. Сразу же оттуда донеслись два выстрела. Хлопнула дверь. Сделав свое дело, преступник (или преступники) убежал в другой вагон.

Наступила тишина.

Начали приоткрываться двери других купе, из них выглядывали перепуганные пассажиры. Проводники куда-то исчезли.

Итальянский дипкурьер, оказавшийся более смелым, чем другие его коллеги, и Зелинский извлекли из-под трупа Нетте Махмасталь и посадили его на диван. Тот не выпускал револьвера из рук.

Можно только удивляться мужеству и воле этого человека. Получив пулю в правую руку, Иоган Махмасталь продолжает стрелять с левой. Тяжело раненный в живот, он посылает в бандитов пулю за пулей, продолжая защищать диппочту. Даже после того как подстреленные бандиты покинули купе и ушли навстречу своей смерти, Махмасталь, истекая кровью, продолжает стоять на своем боевом посту.

О нападении на дипкурьеров заговорила вся мировая печать.

Через день тело героически погибшего Нетте отправляли в Москву для похорон. Задрапированный красной материей гроб был установлен в здании полпредства СССР. Тысячи людей пришли к зданию на тихой улице

Антониас-ела проститься с Нетте. Во время траурной процессии можно было увидеть и друзей, и врагов. Безмолвно шли старые рабочие рижских предприятий. Тревожными, злобными взглядами провожали гроб рижские буржуа, владельцы ресторанов и баров, модных магазинов и кинотеатров. В толпе шныряли шпики, записывавшие тех, кто участвовал в процессии. Цепью стояли айсарги (полувоенная, полуфашистская организация латышской буржуазии и кулаков)...

Рабочая Рига проводила в последний путь своих братьев по классу.

В приказе НКВД от 8 февраля 1926 года говорилось: «Коллегия Народного комиссариата по иностранным делам, отмечая исключительное сознание своего революционного долга и героическое поведение товарищей Нетте и Махмастала, постановила возбудить перед Президиумом Центрального Исполнительного Комитета СССР ходатайство о награждении товарищей Нетте и Махмастала орденами Красного Знамени...

Коллегия выражает твердую уверенность, что героизм и высшее сознание революционного долга, проявленные на служебном посту товарищами Нетте и Махмастала, будут всегда примером для всех работников Народного комиссариата по иностранным делам».

УБИЙЦЫ ПО НАИМУ И ИХ ПОКРОВИТЕЛИ

Произошло редкое в практике международных отношений преступление (а именно таковым и явилось нападение на советских дипкурьеров) — преступление, носившее явно политический характер, но это осталось как бы «не замеченным» латвийским буржуазным правительством.

В своем донесении в НКВД поверенный в делах сообщал, что за все время его пребывания на вокзале он не видел никого из представителей министерства иностранных дел или других правительственных органов Латвии, в том числе и прокуратуры¹. Лишь спустя несколько часов в советское полпредство явился генеральный секретарь министерства, чтобы выразить «соболезнование и

¹ См. «Документы внешней политики СССР», т. IX, стр. 84.

сожаление» своего правительства по поводу случившегося.

С. И. Боркусевич напомнил представителю министерства, что это не первый случай, о котором сожалеет латвийское правительство. И ранее были факты провокационных антисоветских выступлений: случай со срывом государственного флага с автомашины полпредства, подстрекательская кампания белогвардейской газеты «Слово», которая, несмотря на обещание латвийских властей, до сих пор не закрыта, и другие. Представитель МИДа заверил, что латвийское правительство «примет все меры» по расследованию нападения и наказанию виновных.

Несмотря на эти заверения, со следствием явно не торопились.

В самые важные для расследования первые часы после совершения преступления, когда, идя по горячим следам, можно надежнее всего добиться успеха, полиция дает возможность всем, а следовательно и преступникам, свободно покинуть поезд. Уходили проводники, уходили свидетели, уходили убийцы...

Подозрительным было поведение младшего проводника вагона Бризе. Об этом говорил в своих показаниях Махмасталь, об этом же говорил и Зелинский. Но вместо того чтобы немедленно задержать Бризе еще в вагоне, полиция словно забывает о его существовании. И только по настоятельному требованию полпредства Бризе вызывается на допрос. В прокуратуре он дает заведомо ложные показания, отрицая, например, что знал о том, что в вагоне едут советские дипкурьеры. В действительности он еще при отправке поезда из Москвы знал об этом.

(Как позже выяснилось, Нетте обратил внимание на подозрительное любопытство проводника и высказал это Махмасталью.

— Какая-то жульническая морда,— сказал Нетте.— Не нравится он мне. По-моему, непрерывно за нами наблюдает...)

Очевидцы нападения, в том числе Печерский и итальянский дипкурьер, утверждали, что нападавших было не менее чем трое. Это — только непосредственных исполнителей. Двое были убиты. Можно предположить, что третий бандит после нападения ехал до Риги в том

же поезде. Разумеется, нужно было прежде всего попытаться его найти или хотя бы опросить о нем проводников других вагонов. Но полиция не делает этого.

Об очень важном факте рассказал Печерский. Встретившись нос с носом с бандитами, он сразу же бросился в соседний вагон и, увидев там среди пассажиров нескольких полицейских, заявил им о нападении. Один полицейский, выхватив револьвер, хотел бежать на помощь. Но другой, видимо старший, остановил его, буркнув: «А ну их, пусть грабят». И все остались сидеть на месте. Нужно и можно было найти этих полицейских, но и этого сделано не было.

Вместо этого полиция задержала и отправила для допроса в полицию советского гражданина — корреспондента «Известий» Зелинского.

Долго не могли опознать убитых бандитов. Их трупы были перевезены в морг и выставлены для опознания. За опознание обещали даже награду. Через некоторое время их опознал вокзальный носильщик Козлов, который, оказывается, переносил их трупы из вагона в автомобиль, но тогда «не узнал».

Оказывается, он прекрасно знал обоих.

Преступниками оказались братья Антон и Бронислав Габриловичи, поляки по национальности и литовцы по подданству. Они проживали в местечке Сакуны близ города Янишек в Литве. Старший брат Габриловичей Леопольд жил в Варшаве, был майором польской армии; поддерживал постоянную связь с Антоном и Брониславом, которые занимались контрабандой и спекуляцией. Тайком развозили через границу кокаин, папиросы, табак, чулки. Часто бывали в Риге.

Выяснилось, что последнее время братья жаловались на плохие дела (появилось много конкурентов по перевозке контрабанды) и подумывали совсем перебраться в Польшу, где Леопольд имел связи и обещал устроиться. Но он дал понять: сначала надо заслужить доверие. Через некоторое время Габриловичей ознакомили с планом предстоящей «операции». И обещали деньги, много денег...

Габриловичи отдавали себе отчет в том, на какое смертельно-опасное дело их толкали. В Сакунах литовской полицией было найдено письмо, написанное одним из нападавших своему приятелю, Козлову:

«...Я уезжаю на гибель, оставляя тебе обещанное письмо у хорошего знакомого, чтобы через назначенное время, если я не вернусь, чтобы отослали по этому адресу.

Теперь ты, наверное, знаешь, на какую границу мы уехали, нам было неприятно идти на такую операцию, но что же поделать, что другого выхода нам не было. Со спекуляцией почти ничего нельзя заработать, а денег неоткуда взять.

Вы думаете, мы из хорошего пошли таким путем, но верьте мне, если бы было как-нибудь иначе, то ни за что не пошел бы на это дело. Ведь ты знаешь, что службу получить очень трудно, а быть без денег и сойти с ума — это хуже смерти, если человек понимает жизнь и не может жить, что очень трудно перенести, и тогда становится хуже зверя».

Такое письмо написал, конечно, человек, понимавший, что начинает игру со смертью. Организаторы нападения, разумеется, не предполагали, что советские дикжурьеры отдадут почту без борьбы. Весь расчет был на абсолютную внезапность нападения на сонных людей. (В момент налета бандиты увидели, что Махмасталь уже проснулся и стоит в коридоре, но отступать у них уже не было возможности.)

...Проходили дни, прокуратура занималась второстепенными свидетелями и мелочами, всячески обходя коренной вопрос о том, кто же и с какой целью организовал бандитское нападение.

11 февраля С. И. Боржусевич по поручению Советского правительства снова обратил серьезное внимание правительства Латвии на то, что ничего не предпринято для того, чтобы непрерывно и исчерпывающе держать полпредство СССР «в курсе производимого латвийскими властями следствия» и передаче полпредству всех материалов следствия. В ноте указывалось, что Советское правительство в случае неудовлетворения своих справедливых требований «будет вынуждено рассматривать все это поведение Латвийского Правительства как соучастие в сокрытии следов»¹.

¹ «Документы внешней политики СССР», т. IX, стр. 95.

Не было никакого сомнения, что, организуя вооруженное нападение на советских дипкурьеров, его вдохновители понимали, что это может привести к конфликту между государствами. Не случайно были приняты все меры к тому, чтобы, во-первых, не допустить возможности обнаружения организаторов нападения и, во-вторых, скрыть его действительные цели.

Особенно опасались разоблачения диверсии самими Габриловичами в случае, если бы они попали в руки следствия. Это, видимо, и привело к тому, что Габриловичи, раненные дипкурьерами и, следовательно, не имевшие сил скрыться, были пристрелены третьим нападавшим, которого видели и Махмасталь, и Зелинский.

Несмотря на очевидность преднамеренного убийства братьев Габриловичей своим сообщником, латвийская полиция объявила фальшивое медицинское заключение об их «самоубийстве».

Поскольку угроза разоблачения со стороны Габриловичей отпала, явные и тайные покровители организаторов нападения развернули версию о якобы уголовном характере нападения.

Начало «уголовной» версии положило само министерство иностранных дел Латвии, опубликовавшее еще в день нападения (когда следствие, по существу, и не начиналось) сообщение, что нападение совершено с целью грабежа. В уже упоминавшейся ноте правительства СССР от 11 февраля 1926 года прямо говорилось:

«Оставляя Союзное Правительство в неведении о ходе и результатах следствия, Латвийское Правительство в то же время публикует официальные сообщения, в которых по неизвестным Союзному Правительству причинам еще в самом начале следствия стремится вразрез с общеизвестными уже фактами представить нападение на дипломатических курьеров СССР как простое уголовное преступление»¹.

Многое указывало, что «уголовная» версия предусматривалась еще до начала налета. Разве не в целях камуфляжа была задумана вся эта мишура с черными

¹ «Документы внешней политики СССР», т. IX, стр. 95.

маскарадными масками, возгласами бандитов «Деньги!» и прочее.

В действительности бандитов ни деньги, ни ценности в данном случае не интересовали. Их не интересовали и другие пассажиры, среди которых были иностранцы-бизнесмены. Их интересовали только советские дипломатические курьеры и их почта.

Версию об уголовном характере нападения твердили на все лады все буржуазные газеты. Была пущена «утка» о том, что-де «расследование в Латвии подтверждает уголовные цели нападения». В других сообщениях утверждалось, что «литовские власти также подтверждают, что Габриловичи совершили ранее целый ряд грабежей». Однако эти сообщения были опровергнуты.

В номере официоза «Летува» («Литва») от 20 февраля 1926 года было сообщено следующее:

«Расследование показало, что Габриловичи — поляки по национальности, которые занимались темными делами и имели в Польше брата офицера. Также установлено, что они часто встречались со своим братом и виделись с ним перед самым нападением на курьеров. Таким образом, это нападение было политическое, а не просто нападение разбойников. Но нити его надо искать в Вильно (захваченном тогда поляками.— Авт.) или Варшаве».

Таким образом, литовский официоз не только отвергал уголовный характер нападения, но и прямо указывал, где искать его организаторов.

Убедившись, что никто не верит в версию о нападении с целью грабежа, в ход пустили новую, так называемую «литовскую» версию, согласно которой нападение совершено литовцами в отместку якобы за смерть дипкурьера Плющаускаса, умершего в поезде около Москвы в октябре 1925 года. Вдохновителей новой фальсификации не смущало, что вскрытие трупа литовского дипкурьера, произведенное в присутствии литовского официального представителя, установило, что смерть наступила в результате кровоизлияния в мозг и не связана с какими-либо насильственными действиями. Вещи и почта умершего были переданы представителям Литвы в полной неприкосновенности.

Абсурдность и этой версии была очевидной, но и к ней заранее готовились прибегнуть организаторы нападения. Иначе для чего бы понадобились литовское граж-

данство нападавших, их выброшенные из поезда на снег литовские паспорта и литовские деньги, найденные в карманах Габриловичей! Все это должно было свидетельствовать о желании бандитов скрыть свое гражданство и тем подтвердить причастность к нападению именно литовских органов. А приписать им нападение было бы кое-кому очень выгодно. Улучшавшиеся отношения между Литвой и СССР были бельмом на глазу у английских и особенно у польских правящих кругов. Империалисты хотели во что бы то ни стало сорвать советско-литовские переговоры о заключении договора о развитии дружественных отношений, уважении суверенитета и территориальной целостности. Предполагалось, что, подбросив «литовскую» версию, можно будет обострить отношения между обоими государствами. Однако эта грубая и глупая затея провалилась. В сентябре того же года советско-литовский договор о взаимном ненападении и нейтралитете был подписан.

* *
*

Проходил месяц за месяцем, а расследование бандитского нападения фактически не продвинулось ни на шаг.

Были написаны три толстых тома следственных материалов, допрошены 75 человек в качестве свидетелей (не имевших часто никакого отношения к делу) — в общем следствие шло вроде бы полным ходом, но было ясно, что и прокурор Ринке, и следователь по особо важным делам Эванс сознательно топчутся на одном месте. Махмасталь допрашивали пять раз. Допрос отличался грубостью и угрозами. Махмасталь вспоминал, что прокурор Ринке кричал ему: «Я заставлю вас говорить, комиссар Махмасталь!»

С ним на допросе обращались так, будто не на него напали, а он сам на себя напал. Судебные власти теряли самообладание, и это понятно. Провалилась их версия, что нападение было предпринято с целью ограбления; еще меньший срок прожила версия о нападении как мести литовцев.

Следствие тянулось свыше полутора лет, и наконец, когда его устроители решили, что подлинные организаторы диверсии остались, по крайней мере для широкой

публики, в тени, было принято поистине удивительное решение о... прекращении дела и сдаче его в архив.

Таково было решение следователя по особо важным делам г-на Эванса от 1 октября 1927 года. Бросалась в глаза прямая фальсификация, с помощью которой Эванс «аргументировал» прекращение дальнейшего расследования.

В решении, например, было записано: «После получения ранений от советских дипкурьеров Габриловичи зашли в служебное отделение того же вагона и совершили самоубийство, выстрелив себе в висок...» Но несколько человек видели убитых Габриловичей. Смертельная рана у одного из них была нанесена не в висок, а в затылок. Это мог сделать лишь кто-то третий. Далее Эванс писал, что «пострадавший Махмасталь на предварительном следствии показал, что нападавших было трое, но личность этого третьего нападавшего не только не выяснена, но даже не установлено, была ли эта третья личность вообще: прямые свидетели Казимир Бризе и другие утверждают, что нападавших было только двое...» (А что другое мог утверждать соучастник банды — проводник?)

Далее в решении описывались безуспешные поиски следов третьих лиц на снегу около полотна железной дороги. Но этих следов на снегу, конечно, не было и быть не могло, так как соучастник или соучастники доехали в том же поезде до самой Риги и, сойдя на вокзале, исчезли, никем не задержанные!

Правда, и в этом фальсифицированном решении его авторы не посмели сказать ни одного слова об уголовном характере нападения. Они попросту обошли молчанием цели нападения и вопрос о его организаторах.

Заключительные строки решения гласили: «Названное дело через прокуратуру передать Рижскому областному суду для прекращения вследствие смерти обвиняемых».

Так было «закрыто» дело о нападении на товарищей Нетте и Махмасталья.

Итак, круг как будто бы замкнулся... Игра сделана, ставок больше нет, как говорят крупье в игорных домах Запада.

Да, игра была сделана. Но кто и какие делал ставки в этой грязной антисоветской игре?

КОМУ ЭТО БЫЛО ВЫГОДНО?

Выступая на похоронах Теодора Нетте, М. М. Литвинов говорил:

«Товарищ Нетте — не первая жертва. В целях дискредитирования Советского правительства буржуазия использует все средства, вплоть до изготовления и распространения фальшивых документов.

Нападение на диппочту, которую ценой своей жизни защитил товарищ Нетте, несомненно, преследовало те же цели. Никаких компрометирующих нас документов в этой почте, конечно, не было, но захват ее дал бы возможность нашим врагам изготовленные ими фальшивые документы выдавать за подлинные, захваченные в почте!» (Курсив мой.— Авт.)

В антисоветской деятельности капиталистических разведок фальшивкам различного назначения всегда отводилась большая роль. Особенно широко фабрикуемые империалистами фальшивки применялись во время яростных антисоветских кампаний 20-х годов. В тот период «работа» фальсификаторов по изготовлению антисоветских фальшивок развернулась в невиданных масштабах. Этим позорным делом занимались белогвардейские подонки и отпрыски знатных фамилий, агенты разведок и уголовники.

Дипломаты ряда держав не гнушались использовать в своих целях самую низкосортную антисоветскую стряпню¹, будь то фальшивки, доказывавшие существование «всемирного коммунистического заговора», или «сведения» о советском экономическом демпинге, или о «восстаниях» на фабриках и заводах Советской России...

Наряду с массовыми «утками», предназначенными для дешевых политических сенсаций, изготавливались и более зловещие «документы».

Из истории известно, например, какую истерическую антисоветскую кампанию раздули английские твердолобые вокруг так называемого «письма Зиновьева». Они использовали его и в целях борьбы с прогрессивными силами внутри страны, и, надо сказать, безуспешно. Организаторов провокационной кампании нимало не сму-

¹ См. Альберт Норден. Фальсификаторы. К истории германосоветских отношений. М., 1959.

тило, что уже в скором времени авторы-изготовители подложного «письма Зиновьева» были выявлены и названы. Ими оказалась группа русских белогвардейцев во главе с бывшим следователем царской охраны Владимиром Орловым. Правда, тогдашнему премьер-министру Англии пришлось сокрушенно заявить, что «письмо было предметом, как теперь всеми (1) признано, политического обмана...»

Слабым местом упомянутого и других подлогов была полная невозможность как-то объяснить пути, по которым эти «документы» попали в руки тех, кто пытался использовать их и при этом хоть чем-то создать видимость их подлинности. Другое дело, если бы, скажем, хоть раз в руки фальсификаторов попала советская дипломатическая почта. Не играло никакой роли (с их точки зрения), что в почте не могло быть никакого политически сомнительного документа. Всякий документ можно, так сказать, «препарировать» — скомпоновать с другим, убрать «ненужное», печатать потребный текст и т. п. Важен был повод. Его-то и стремились «добыть» те, кто планировал злодейское нападение в экспрессе Москва — Рига.

Операция по захвату почты благодаря героическому поведению дипкурьеров Нетте и Махмастала провалилась, а вместе с ней провалилась и одна из возможностей создать международную ситуацию, подобную той, когда в бочку с порохом подбрасывают горящую спичку.

Кому же было выгодно обострение обстановки? Попробуем разобраться в этом.

К 1924—1925 годам с полной очевидностью выяснилось, что возникшие было в связи с нэпом надежды капиталистического мира на возврат России к капитализму и отход от завоеваний революции не оправдались. Битой оказалась ставка и на противоречия внутри советского общества, на действия внутренней контрреволюции и разжигание национальной розни. Многим было ясно: время работает на Советскую власть, она крепнет с каждым днем, набирает новые силы.

Антисоветские заговоры результатов не давали. И наиболее агрессивные круги капиталистического мира сделали вывод, что только новая вооруженная интервенция, война против СССР может привести к свержению Советской власти и восстановлению власти буржуазии.

Но, считали они, надо спешить. И в середине 20-х годов в реакционных кругах Англии, Франции, Германии, США зреет мысль о необходимости нового крестового похода против большевиков, похода, который объединит все антисоветские силы — от белогвардейщины до прибалтийских государств и великих держав. Особенно активную роль берет на себя английское правительство.

Подготавливались большие события. За месяц до нападения на советских дипкурьеров, в начале 1926 года, один из крупнейших монополистов западного мира, король нефти, ярый антисоветчик, Генри Детердинг писал: «С большевизмом в России будет покончено еще в текущем году...»

Французский правый журналист Жан Бенвид следующим образом комментировал это высказывание Детердинга: «Если председатель «Ройял датч-шелл» указал сроки свержения советского режима, значит, он имел основания для этого».

В те дни в качестве прелюдии к новой интервенции усиливается тайная война против СССР. В нашу страну засылаются десятки и сотни шпионов, диверсантов, провокаторов. Они совершают террористические акты, сеют панические слухи, вредят, ищут и подкупают людей, способных на измену и предательство.

В целях создания единого антисоветского фронта и изоляции СССР между основными капиталистическими странами заключаются так называемые Локарнские соглашения.

Влиятельная английская газета «Фортнайтли ревью» достаточно откровенно признавала: «Дух сотрудничества, верность которому должны соблюдать государства, подписавшие Локарнский договор, может найти применение в борьбе против общего врага — большевизма».

В истории СССР с момента окончания гражданской войны и разгрома интервенции еще не было периода более опасного и чреватого новой войной.

Анализируя создавшуюся международную обстановку, ЦК ВКП(б) определял ее следующим образом: «Опасность контрреволюционной войны против СССР есть самая острая проблема текущего периода... Готовя войну против СССР и против рабочего класса своей страны, английское консервативное правительство ведет повсеместную дипломатическую борьбу против

СССР, организует кредитно-экономическую блокаду СССР, заговоры и террористические акты на территории Союза, поддерживает контрреволюционные группировки на Кавказе, особенно в Грузии, на Украине и т. д. и т. п.»¹

Непосредственно граничили с СССР на западе Польша, Литва, Латвия, Эстония и на севере Финляндия. Поэтому организаторы новой интервенции придавали особое значение объединению этих стран на антисоветской основе.

Роль ведущего в этом блоке возлагалась на панскую Польшу, правящие круги которой были известны своими антисоветскими настроениями. Польша уже имела известный, хотя и печальный для нее, опыт борьбы с Красной Армией и располагала наибольшими и специально подготовленными с помощью иностранных инструкторов вооруженными силами. Попавшая в кабальную экономическую и политическую зависимость от Запада, Польша была пешкой, орудием в руках империалистических поджигателей войны.

Для совместной выработки планов в условиях секретности с 31 марта по 2 апреля 1925 года в Риге проводится совещание представителей генеральных штабов Польши, Эстонии, Латвии и Румынии. Представитель Финляндии присутствовал в качестве наблюдателя. Обсуждались координация деятельности генеральных штабов, выработка общего плана развития вооруженных сил, координация разведок и т. д.

Помимо военной развернулась и дипломатическая подготовка нового антисоветского блока. Ведется обработка послов прибалтийских государств, аккредитованных в Варшаве, в целях получения согласия этих стран на созыв конференции, которая должна была создать нечто вроде Восточного Локарно.

Но, развернув лихорадочную деятельность по сколачиванию Балтийского союза, его лондонские вдохновители не учли интересы отдельных стран. А эти интересы далеко не совпадали с замыслами организаторов агрессии.

Революция в России не только принесла независи-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1924—1930. Госполитиздат, 1954, стр. 359, 362.

мость малым странам; миролюбивая внешняя политика СССР снискала огромное уважение народов, и этого не могли не учитывать правительства, в которых играли определенную роль трезвомыслящие буржуазные деятели. С отказом от участия в планируемом блоке прибалтийских стран выступила Финляндия. Официальное заявление финляндского правительства гласило, что Финляндия, будучи в данный момент спокойной за себя, не желает вмешиваться в чужие споры¹.

Иначе относилось к созданию блока эстонское правительство. Пренебрегая настроениями народных масс, оно целиком солидаризировалось с антисоветскими планами. Эстония дала разрешение на пребывание в ее портах английского военного флота; более того, начал обсуждаться даже вопрос о сдаче в аренду Англии островов Эзель и Даго. В протесте Советского правительства, разоблачавшего эти опасные действия, говорилось, что правительство СССР имеет доказательства того, что эстонский посланник в Лондоне Каллас обращался к английскому правительству «с явно враждебными по отношению к СССР предложениями, исполнение которых было бы равносильно английскому протекторату над Эстонией и передаче Англии руководства внешней политикой Эстонии, по крайней мере в отношении СССР»².

Более сложной для империалистов была ситуация с Литвой. Они всемерно добивались участия Литвы в антисоветском фронте. Но на пути к этому стояла длительная вражда между правящими группировками Литвы и Польши. Она особенно обострилась после захвата Вильно польскими войсками. Дипломатические отношения между этими странами были разорваны.

Обстановка в Латвии характеризовалась крупными внутренними противоречиями. Реакционная политика правящих кругов не могла покончить с революционными настроениями, глубоко проникшими в массы. Загнанная в подполье, Коммунистическая партия Латвии продолжала пользоваться большим авторитетом. У десятков тысяч рабочих промышленных предприятий Риги, Либавы, Митавы в памяти была еще свежа совместная борьба против царизма, буржуазии и белогвардейщины; не слу-

¹ См. «Документы внешней политики СССР», т. VIII, стр. 32.

² Там же, стр. 778.

чайно латышские стрелки, вышедшие из среды рабочих и крестьян, с первых дней революции стали на сторону ленинской партии и были ее активными бойцами.

После поражения революции 1919 года власть в Латвии захватила кулацко-помещичья клика. В страну хлынуло огромное количество белоэмигрантов, авантюристов, разведчиков и другого сброда. Остатки царской аристократии, заводчики, кастовое офицерство, жандармы, оставшиеся не у дел, журналисты реакционных газет, судейские работники, запятнавшие себя расправами над революционерами,— вся эта пестрая компания, возглавлявшаяся ярым монархистом князем Ливеном, повела активную антисоветскую деятельность. Белоэмиграция имела свои газеты — «Слово», «Сегодня», «Сегодня вечером», журналы, книжное издательство, кафе, магазины.

В Ригу понаехали и корреспонденты крупнейших мировых информационных агентств и газет буржуазного мира. Именно отсюда, из Риги, вылетали многочисленные «утки», представлявшие собой самые гнусные выдумки о Советской России и жизни ее народа.

Но не только белая эмиграция и продажные перья нагнетали атмосферу враждебности к Советской России. В обстановке попустительства и содействия со стороны властей Рига в те годы стала осиным гнездом международного шпионажа против СССР. Посольства и консульства, различные торгово-промышленные «предприятия», редакции газет были нафаршированы разведчиками и провокаторами из капиталистических стран. Все они чувствовали себя в латвийской столице как дома.

И все же, несмотря на столь благоприятную для подготовки интервенции обстановку, позиция правительства Латвии в деле вступления ее в Балтийский союз доставляла организаторам блока немало хлопот.

Под всякими предложениями оно оттягивало свое согласие на присоединение к блоку. Большую роль здесь играли настроения трудящихся страны, нежелание иметь подчиненное положение по отношению к Польше (тем более что между Латвией и Польшей были расхождения по ряду вопросов) и некоторые другие причины. В Риге отдавали себе отчет, что вступление в блок было бы прямым переходом на позиции войны против Советского Союза.

В январе 1925 года полномочный представитель СССР в Финляндии А. С. Черных после посещения Хельсинки министром иностранных дел Латвии Мееровицем сообщил в НКВД: «Мееровиц... говорил, что Латвия не заинтересована в этом (Балтийском.— Авт.) союзе, который был бы явной провокацией в отношении СССР»¹.

Но без Латвии вся затея с Восточным Локарно была обречена на провал, и это прекрасно понимали его устроители.

Английская дипломатия усиливает шантажистскую кампанию против Риги. В ход пускается все, и прежде всего угроза: если-де Латвия не присоединится к блоку, то в случае «нападения» на нее Красной Армии она окажется беззащитной и без друзей. Английское правительство пытается соблазнить латвийское правительство займами и финансовой помощью. Но последнее продолжает колебаться.

В Лондоне и Варшаве вели поиски любых путей, чтобы все же принудить Латвию к вступлению в Балтийский союз. Там склонялись к мысли, что наибольший результат могло принести испытанное средство — попытаться поссорить Латвию с Советским Союзом, с тем чтобы латвийское правительство вынуждено было искать «защиты» у западных держав.

Вот в этой обстановке и принималось решение о нападении на советских дипломатических курьеров.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАПАДЕНИЯ

Особую роль играла английская разведка. Самая опытная разведка мира пустила в буржуазной Латвии свои щупальца в правительственный аппарат, армию, полицию. Ее люди были во многих иностранных миссиях, аккредитованных в Латвии.

Разведывательная работа Интеллидженс сервис тесно переплелась с аналогичной деятельностью польских органов. Во главе польской разведки в Латвии стоял военный атташе полковник-лейтенант Бронислав Яровицкий — особо доверенное лицо начальника 2-го отдела польского генерального штаба полковника Байера.

¹ «Документы внешней политики СССР», т. VIII, стр. 81.

Убежденный враг Советского государства, Яровицкий окружил себя матерыми антисоветчиками из числа бежавших из России белогвардейцев, бывших служащих царской контрразведки, полиции и охранки. Он создал широкую шпионскую сеть, плетя козни не только против нашей страны, но и против Эстонии, Литвы. Яровицкий не пренебрегал никакими грязными приемами — недаром он в свое время был тесно связан с авантюристом такого класса, как Борис Савинков. Философов, представитель Савинкова в Варшаве, работал с ним рука об руку. И когда решался вопрос об организации нападения на советских дипкурьеров, Яровицкий оказался наиболее подходящей фигурой для проведения этого плана в жизнь. К организации нападения он привлекает опытного разведчика И. Д. Покровского, бывшего полковника царской армии В. И. Седых и других. О плане нападения информировали и латвийскую политическую полицию, с которой Яровицкий и Покровский были связаны.

Что касается непосредственных исполнителей, то, как уже говорилось, выбор пал на братьев Габриловичей, которые как нельзя более подходили для задуманного дела. Неудачливые контрабандисты, проходимцы, оставшиеся без средств к существованию, они были готовы на все ради вождеденной «красивой» жизни.

Решившись по совету старшего брата Леопольда уехать в Польшу в поисках удачи, они, чтобы получить визу, пришли в польское консульство. Подали заявление, заполнили анкеты. В консульстве обещали, что Варшава будет запрошена и о решении их известят.

Неожиданно Габриловичей вызвали в главное управление политической полиции на Альберт-ела. Обошлись с ними очень любезно. Оказалось, в полиции их хорошо знают, знают и о кое-каких контрабандных делишках, за которые вообще-то им угрожает тюрьма. Впрочем, если господа могут чем-то помочь полиции, пусть они не беспокоятся. Их даже вырчат деньгами...

Немного спустя Габриловичей вызвали в польское консульство. Долго расспрашивали, всем интересовались, сказали, что наводили соответствующие справки.

Одобрили их «жизненные планы», обещали выдать визы, но намекнули: если господа хотят хорошей жизни в Польше, то им надо доказать свое усердие. Однажды с

ними говорил сам шеф политической полиции Фридрихсон, специализировавшийся на борьбе с революционно настроенными рабочими. Он даже повел их ужинать в фешенебельный ресторан Шварца, о котором братья знали только понаслышке.

Несколько раз бывали Габриловичи в польском консульстве. Здесь они познакомились с двумя русскими. Встреча с новыми знакомыми состоялась в ресторане Верманского парка. Их усердно угощали русской водкой и «московскими расстегаями». Потом было еще несколько встреч.

Наконец напрямик объяснили задачу: надо захватить советскую дипломатическую почту. Награда — деньги и польские визы.

Габриловичи приуныли. Их заверили, однако, что все сойдет гладко. Не беспокойтесь-де, господа, все продумано, ничто вам не грозит. А если откажетесь, то пеняйте на себя. Кстати, придется отвечать за прошлые грешки... И Габриловичи согласились.

План нападения был разработан во всех деталях. Была изготовлена схема железнодорожного участка, по которому пройдет скорый поезд Москва — Рига и где должно быть совершено нападение. Схема нужна была Габриловичам, так как окрестности Риги они знали плохо; между тем не исключалась необходимость прыгнуть с поезда после совершения нападения.

Вопреки обычной в подобных делах практике, когда перед «операцией» участники не берут с собой никаких документов, могущих в дальнейшем помочь следствию, Габриловичи получили литовские паспорта. Их вооружили револьверами, запасными обоймами, литовскими (именно литовскими!) деньгами.

По указанию из политической полиции железнодорожное начальство включило в рейс под видом проводника вагона № 2, в котором обычно ездили дипкурьеры, ее агента — поляка Казимира Бризе, в задачу которого входило, в частности, непрерывное наблюдение за дипкурьерами.

Основной инструктаж провел Покровский. Он сказал, что, после того как советская почта попадет в руки Габриловичей, она должна быть немедленно — либо самими нападавшими, либо через Бризе — передана ему или Седых.

Всего в операции участвовало не менее пяти человек. Об этом говорит вся организация нападения.

Любопытно, что антисоветская газета «Сегодня» через несколько дней после нападения на советских дипкурьеров поместила следующее сообщение: «Возникло предположение, имеющее серьезные основания (1), что совершивших нападение на московско-рижский поезд было по меньшей мере пятеро... Надо думать, что грабители (все-таки грабители!) ехали от станции Рембат несколько перегонов в вагоне 3-го класса, после чего часть их пересела в вагон 2-го класса, часть осталась на страже...»

Вот какие важные для следствия подробности знала даже газетенка «Сегодня», но чиновники, проводившие расследование, «не знали» об этом буквально ничего!

Налетчики и по внешнему виду производили впечатление вполне приличных людей. На полученный аванс Габриловичи приоделись. Для шика купили бывшие тогда в моде серые гетры и велюровые шляпы. Оружие и купленные перед тем черные маски надежно спрятали.

Последним поездом выехали из Риги на пригородную станцию Рембат. Не спеша поужинали в станционном буфете, в ожидании московского поезда долго гуляли по платформе, изредка поглядывая на часы. Наконец поезд подошел.

Все сели в вагон 3-го класса, рядом с вагоном № 2, в котором ехали советские дипкурьеры. Покровский переглянулся с Бризе, который тоже зашел в этот вагон. На площадке они о чем-то пошептались. Затем Покровский обошел весь поезд, раза два прошел по вагону мимо купе наших дипкурьеров. Все было спокойно. Пассажиры еще спали.

Поезд быстро приближался к Риге. Налет было намечено совершить как можно ближе к городу, чтобы после нападения осталось возможно меньше времени для поднятия тревоги. Сразу же по остановке поезда в Риге надлежало скрыться в вокзальной суете.

Как только поезд тронулся со станции Икшкиле (Икскуль) и до Риги оставалось 28 километров, то есть около получаса езды, бандиты вошли в вагон № 2 и быстро направились в сторону купе, занятого советскими дипкурьерами...

Предполагалось, что вся операция займет 5—10 ми-

нут. Так оно и случилось; но с результатом, которого налетчики никак не ожидали. Нападение провалилось. Провокация с далеко идущими политическими целями не удалась.

Провокация эта дала осечку не потому, что была плохо рассчитана. Все было подготовлено очень тщательно. Но одна из фатальных ошибок английских и польских организаторов налета состояла в том, что они мерили внешнюю политику Советского Союза по своей мерке. А по этой буржуазной мерке выходило, что Советское правительство должно было поступить так, как поступило бы, скажем, английское правительство: то есть, как минимум, либо потребовало бы за нападение и убийство огромную компенсацию, либо поставило неприемлемые, унижительные для Латвии требования, начало бряцать оружием, накаля обстановку, может быть, даже разорвало дипломатические отношения, в результате чего мог вспыхнуть вооруженный конфликт. Этого как раз и домогались мастера международных провокаций.

Прямо с вокзала Покровский и Седых поспешили к Яровицкому. Едва успели доложить о провале, полковник-лейтенант спросил: что с Габриловичами? Узнав, что они мертвы, военный атташе немного успокоился.

Тут же составили шифрованное донесение в Варшаву, в соответствующее управление генштаба полковнику Байеру. Обсудили возможность разоблачения. Срочно связались с Фридрихсоном, а тот в свою очередь — с прокуратурой. Договорились, что следствие будет поручено следователю Эвансу, известному своими связями с белоэмигрантскими кругами; его задача была ясна: организаторы не должны быть названы, следствие затягивать всячески.

...И НОВЫЙ ПРОВАЛ

Потерпев провал, поджигатели войны не успокоились. Предпринимается еще одна попытка добиться своей цели. 1 марта 1926 года полпредство СССР в Латвии получило следующее письмо (сохранен стиль подлинника): «Я плохо владею русским языком, надеюсь нижеследующее вы поймете.

Несколько лет назад, когда нынешний министр президент К. Ульманис был, также вокруг него вербовалось изысканное офицерство.

В этом кругу упомянутых офицеров разного оружия, которые своим смертельным врагом считали социал-демократов и коммунистов. Потом, когда социал-демократы все более усиливали свои шансы на завладение правительственным рулем в Латвии, общество офицеров, которых числилось около 30 человек, начиная с лейтенанта и кончая двумя генералами во главе с Карлом Ульманисом, хотели совершить милитаристский переворот в Латвии и провозгласить Ульманиса Карлом Первым».

Далее в письме говорилось: «...должен сказать, что офицеров, которых подозревали в заговоре, судили не как заговорщиков, но им привязывали разные, совсем к заговору не относящиеся дела.

...Вообще цель нынешних заговорщиков вокруг Ульманиса — готовить переворот в Латвии. Я это знаю потому, что состою с ними в близкой связи...

А братья Габриловичи не криминальные разбойники. Оба брата давно знакомы с политической авантюрой и даже состояли в политотделе Латвии как тайные агенты. Во время их курсов (шоферских) в Риге они состояли там. Так же как их брат, офицер, который был сподвижником Ульманиса, были известны как смелые и надежные лица в кругу заговорщиков.

Мне точно известно, что вместе с ними в поезде находились еще два офицера в гражданском, которые следовали от станции Штокмайсгоф на ст. Икскюль и сообщили Габриловичам о курьере СССР.

Эти мои строчки кажутся вам может быть неясными, но уверяю, через месяца три вы мне поверите. Я абсолютно беспартийный чернорабочий, который зарабатывает 2—3 лата в день и для политики интереса не имеет. Сообщаю вам все же потому, чтобы вы могли раскрыть эту тайну убийства, что наше правительство хочет маскировать грабежом.

...Ребячество латвийского правительства доказывает, что оно слабо в своей силе и поэтому негодно для управления людьми. Это меня злит, и поэтому я сообщаю, что есть в действительности. В случае если бы хотели какие-нибудь словесные пояснения и, быть может, документальные, тогда публикуйте в газете «Яунакас зинас» в анонсе следующее: «Вальденроде № 5, приходите». Я каждый день эту газету читаю...»

С первого взгляда был виден провокационный харак-

тер письма этого «чернорабочего», якобы не имевшего никакого отношения к политике. Все это напоминало дешёвый детектив и, видимо, было направлено на новую попытку запутать следы преступления.

Однако объявление в «Яунакас зинас» было дано, и 15 марта в полпредство явился этот «Вальденроде № 5», оказавшийся молодым, лет 25—26, человеком, одетым под рабочего и игравшим роль «искреннего нашего друга», заинтересованного в раскрытии заговора.

В полпредстве он называл себя уже Гарри Янковасом и повторил содержание письма. В беседе с сотрудниками полпредства путался, но добавил, что помимо того, что Габриловичи были агентами полиции, они были также членами тайной офицерской организации, по заданию которой и произвели нападение.

Он сообщил также, что тайная офицерская организация обещала Габриловичам выдать вознаграждение в размере 50 тысяч рублей. Аванс в размере 25 тысяч был выдан. Далее Янковас заверил, что, несмотря на то что он является членом тайной организации, в полпредство пришел без ее ведома. В заключение «чернорабочий» заявил, что резкое выступление Советского правительства в связи с нападением внесло бы смятение в ряды как латвийского правительства, так и латышского общества. Этим воспользовалась бы тайная офицерская организация для свержения нынешнего правительства Ульманиса.

По словам Вальденроде-Янковаса, на стороне заговорщиков находились 1-й Либавский и 3-й Митавский полки. Во главе заговора стояли генерал Баллодис и полковник Тютес.

О показаниях Янковаса полпредство немедленно довело до сведения латвийского правительства. Хотя провокационный характер их был очевиден, требовалось выявить цель, которую ставили организаторы этой новой затеи. Организуя посылку письма, якобы разоблачавшего организаторов нападения на дипкурьеров, видимо, имелось в виду в действительности другое, а именно: внушить советским властям мысль, что в Латвии существует большая антиправительственная организация, в которую вовлечены руководители армии и даже большая часть вооруженных сил, что подготавливается государственный переворот. Предполагалось, что после сообщения о заговоре, подкрепленного для большей достоверности по-

сылкой в полпредство подставного лица, советское правительство пересмотрит сделанное им тогда предложение о гарантировании неприкосновенности границ прибалтийских государств.

Сам факт нападения на дипкурьеров должен был, по мысли организаторов диверсии, крайне отрицательным образом отразиться на позиции СССР в отношении латвийского правительства. А латвийским правительством это будет расценено как уже реальное изменение позиции СССР, как намерение его перейти к самым решительным действиям, что в свою очередь вынудит Латвию искать защиты в Балтийском союзе.

Таков был в общих чертах смысл мифа об «антиправительственном заговоре» в Латвии и о его якобы разоблачении «простым рабочим» Янковасом.

Конечно, эта провокация была менее грубой, чем лобовой бандитский удар в скором поезде Москва — Рига, но, возможно, еще более опасной.

Янковас — он же Вальденроде, он же Кондратенко — этот агент был вместе с его «разоблачениями» передан латвийскому министерству иностранных дел. И несмотря на сердечные чувства, которые премьер Ульманис и значительная часть его министров питали к польским единомышленникам, пройти мимо провалившейся провокации было невозможно, это скомпрометировало бы уже самого премьер-министра и его кабинет. Прокуратура привлекла незадачливого «разоблачителя» к уголовной ответственности. На суде (после «бесед» с Фридрихсоном) Янковас объяснил, что свое заявление в советское полпредство он сделал, надеясь на вознаграждение. Источниками «информации», тем, как подготавливалось покушение, суд, естественно, не заинтересовался (в действительности ни о каком вознаграждении Янковас при разговоре в советском полпредстве не заикался).

И опять виновным оказалась мелкая сошка. Как и в случае с нападением на советских дипкурьеров, подлинные организаторы провокации, стоявшие за спиной Янковаса, остались в тени.

Поджигатели войны продолжали свою провокационную деятельность, усиливали враждебные наскоки на Советский Союз. 12 мая 1927 года лондонская полиция учиняет налет на советскую торговую организацию «Аркос» и советское торговое представительство в Лондоне.

Цель? Она выявилась спустя всего две недели, когда английское правительство разорвало дипломатические и торговые отношения с СССР, а в качестве обоснования этого враждебного акта снова фигурировали фальшивые документы, якобы захваченные при налете в торгпредстве. Это был сигнал другим капиталистическим странам организовать дипломатическую изоляцию СССР. Но и тут британские твердолобые просчитались: ни одно государство не последовало их примеру.

Вскоре — не без подсказки со стороны Лондона — чжанцзолиновские головорезы совершают бандитский набег на советское полпредство в Пекине. А спустя некоторое время в Варшаве белогвардейцы убивают крупного советского дипломата, полпреда СССР П. Л. Войкова.

* *
*

Подвиг двух дипкурьеров, верных сынов Коммунистической партии товарищей Теодора Нетте и Иогана Махмастала не забыт и никогда не будет забыт советским народом.

На мраморе памятника Нетте на Ваганьковском кладбище в Москве выбиты слова, написанные Демьяном Бедным:

Сраженный вражеским свинцом,
Я не последним был бойцом
Среди бойцов, погибших с честью.
Но смерть героям не страшна,
Смерть наша будет отмщена
Грядущей пролетарской мезтью.

Подвигу Нетте посвятил одно из своих замечательных стихотворений В. В. Маяковский. Это написанное летом 1926 года знаменитое «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» было непосредственно навеяно увиденным в Ялте пароходом, носившим имя героя-дипкурьера. В наши дни этот пароход стал «по старости» на прикол, но вместо него гордое имя Нетте носит другой, современный океанский лесовоз.

В. В. Маяковский и Т. Нетте не только с большим уважением, но и любовью относились друг к другу. Выезжая за границу, поэт старался попасть на тот поезд и в тот вагон, в котором в очередной рейс с дипломатической почтой ехал Нетте.

В купе дипломатических курьеров они много говорили о близких им лицах, обсуждали дела литературные, международные вопросы.

Маяковский был глубоко потрясен смертью Нетте. Автора этих строк летом 1926 года Владимир Владимирович вновь и вновь расспрашивал о подробностях нападения.

— Настоящий был человек, его нельзя забыть...— задумчиво басил Маяковский, сжимая в больших руках свою толстую трость.

Когда мы говорили о том, что Нетте под дулами револьверов бандитов все же сумел первым открыть огонь и сразу вывел из строя одного из нападавших, Владимир Владимирович взволнованно сказал:

— Да, это Нетте... Такой, как он, не мог дрогнуть перед смертью...

И как понятны были в устах Маяковского, который тоже был бойцом, строки стихотворения, посвященного Нетте:

„Мне бы жить и жить,
сквозь годы мчась.
Но в конце хочу —
других желаний нету —
встретить я хочу
мой смертный час
так,
как встретил смерть
товарищ Нетте.

ВСТРЕЧА В ГОНОЛУЛУ (О дипкурьере Е. М. Климеке)

•
М. М. ЦЕБОВ

Нижний Новгород. Мужская гимназия. За одной из парт два приятеля — Яша и Женя. Они большие друзья. Зимой мальчики вместе решали задачи, готовились к экзаменам, а летом целыми днями пропадали на Волге.

...Прошло много лет. Оба сверстника, делившие и радость, и горе, увлекавшиеся одними и теми же книгами и героями, пошли по одному пути — боевому пути борьбы с самодержавием, с властью капитала.

Яков Свердлов стал одним из виднейших деятелей нашей партии, первым советским президентом.

Евгений Климека получил боевое крещение на баррикадах Пресни.

Вспоминал Е. М. Климека далекие годы своего детства, величавую Волгу, прозрачное голубое небо, горячий песок, бесконечные дали Заволжья.

— Часто сидели мы с Яшей на берегу с удочками, — рассказывал он. — Помню такой случай. Возвращались мы как-то с рыбалки. Я шел грустный, ни одной рыбешки не поймал. А у друга почти полное ведерко. Возле дома Яша взял мое ведерко и переложил в него часть своей добычи. «Несправедлива Волга. А ты ведь тоже трудился наравне со мной. Забирай рыбу», — сказал он и убежал. Несправедливости Яков Михайлович не терпел ни в чем.

Жизнь разбросала приятелей по разным местам. Но шли они к одной цели.

1905 год. Первая русская революция. Е. М. Климека — ее активный участник, частый «гость» полицейских участков и одиночных камер царских тюрем. А после баррикад Пресни над молодым человеком нависла угроза

каторги. Спасаясь от царской охранки, Климак бежит за границу. Сначала Франция, потом Соединенные Штаты Америки. Много пришлось повидать в эмиграции. На себе испытать всю «прелесть» капитализма.

Февральская революция застала Климека в США. И он сразу же решил — немедленно, любыми путями возвратиться на родину! В августе 1917 года Климак приезжает в Петроград и вступает в большевистскую партию.

ТРУДНЫЙ РЕИД

После Октябрьской революции партия посылает Е. М. Климека на чекистскую работу. Он был в числе организаторов операции по ликвидации одного из наиболее злобных врагов Советской власти — атамана Дутова.

Это произошло в феврале 1921 года, когда Климак работал в особом отделе Туркестанского фронта. Потерпевшая поражение в решающих боях контрреволюция не унималась. То там, то здесь вспыхивали белогвардейские мятежи. Немалую опасность для Советской власти представляли банды атамана оренбургского казачьего войска Дутова.

На «счету» дутовцев были тысячи и тысячи загубленных жизней рабочих, крестьян и казаков. Жестокость атамана поистине не знала предела. Все это постепенно вызывало ропот у части казаков, служивших у Дутова. Участились случаи перехода обманутых на нашу сторону.

Части Красной Армии непрерывно теснили белобандитов. Под угрозой полного разгрома Дутов с небольшим отрядом верных ему казаков сбежал в Синьцзян. Атаман обосновался в городе Чугучаке, недалеко от нашей границы. И, согласно полученным сведениям, развернул оттуда бурную деятельность по втягиванию наиболее реакционной части семиреченских казаков в вооруженные антисоветские банды. Для баев, кулаков, контрреволюционного офицерства и всякого темного сброда Дутов был притягательной силой. Без его ликвидации нечего было и думать о нормальной жизни и работе в приграничных районах.

Вместе с председателем Семиреченского облчека Эймансом, вспоминал Е. М. Климак, мы ломали голову над

тем, как пресечь действия атамана и его бандитов, совершавших разбойничьи налеты через границу на советскую территорию.

Однажды мы просидели с Эйхмансом до поздней ночи. И в конце концов приняли такое решение: послать к Дутову людей, якобы направленных его сообщниками, и просить приехать инспектировать части, готовые вступить в его отряд. Весь вопрос заключался в том — кого направить?

И вдруг мне вспомнилась картина, которую я наблюдал сегодня утром. Арестованный белоказак вполголоса втолковывал охранявшему его красноармейцу:

— ...Не враг я народу, пойми, не враг! Ошибся я, поверил атаману. А правда-то за бедняками шла прямой дорогой.

— Это ты здесь так поёшь, а попробуй отпусти тебя, опять к Дутову своему махнешь. Знаем мы вас,— отвечал ему конвоир.

Упоминание о Дутове вызвало у казака такой припадок злобы, что он даже задохнулся:

— Что?! К Дутову?! Да его растерзать на куски, и того мало, проклятого ирода. Лютой смертью бы ему, псу, подохнуть!

И он стал рассказывать о зверствах атамана, самолично расстреливавшего женщин и детей, о том, как занимались дутовцы грабежом, отбирая у людей последнее имущество.

Угнали куда-то его брата, осиротили детей...

— Понял я этого атамана, его волчью суть,— возбужденно воскликнул казак.— Да и не только я. Многие натерпелись от него. Пощады ему теперь не видать. Я и сам, дай мне оружие, покончил бы с ним разом. Всадил бы пулю в его поганую рожу!

Я рассказал об этой сцене Эйхмансу.

— Не использовать ли этого казака? — предложил я.

— А вы уверены, что он выполнит задание? Не обманет?

— Да ведь человек сам дошел до сознания, что Дутов — злейший его враг. Поэтому, считаю, есть основание верить ему.

Эйхманс, подумав, согласился.

— Решено,— заключил он. Вызвав к себе пленного казака, он долго беседовал с ним. Рассказал, за что бо-

рется Советская власть, кому служит и чего добивается Дутов.

Казака освободили. Подобрали ему спутника — нашего надежного человека. Заготовили письмо Дутову. И через несколько дней двое хорошо вооруженных смельчаков, снабженные подложным письмом к Дутову, уже мчались на быстрых конях к логову атамана.

...Сменяли друг друга дни и ночи. Казаки все не возвращались. У некоторых стала закрадываться тревога: не поймали ли их? Как в воду канули казаки.

Однажды ночью меня разбудил ординарец.

— К вам тут двое врутся! Не могут, говорят, утра ждать!

Не сразу узнал я их, наших посланцев. Усталые, бледные, заросшие щетиной. Вот что они рассказали.

Преодолев нелегкую дорогу, они очутились в штаб-квартире Дутова в городе Чугучаке.

Вечерело.

Адъютант атамана помог привязать коней во дворе и, не подозревая ни о чем, побежал докладывать.

— Гонцы от семиреченских! — донесся из открытого окна голос адъютанта.

Их немедленно пригласили к атаману.

Казаки вошли в кабинет Дутова и протянули ему пакет. Адъютант остался в комнате.

— Ваше превосходительство, у нас секретный разговор, — сказал казак, указывая глазами на адъютанта. — Так нам приказано: без свидетелей...

По знаку Дутова адъютант вышел, тщательно закрыв за собой дверь.

Атаман был рад прибытию посланцев; итак, вновь налаживаются связи с Семиречьем! Значит, не все потеряно. Есть надежда на возвращение, на поддержку со стороны казачества. Не ведал атаман, что жить ему осталось считанные минуты.

Едва, вскрыв опечатанный конверт, Дутов углубился в чтение, как один из казаков быстро выхватил из-за пазухи наган и, не целясь, дважды выстрелил Дутову в голову.

Сраженный пулями, атаман рухнул на пол. Вбежавший на шум адъютант был тоже убит наповал. Но из-за дверей доносился топот ног. Оставалось одно спасение — прыгать в окно. Не мешкая, казаки выпрыгнули во двор

и вскочили на коней. Бешено залаяла овчарка. Из окна раздались беспорядочные выстрелы. Но смелые всадники уже умчались в наступающую темноту.

Только возвращаться им пришлось, чтобы запутать погоню, кружным путем и границу переходить в другом месте. Вот почему они так задержались с возвращением в Верный (Алма-Ату).

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

— Оглядываясь в прошлое,— вспоминал Евгений Михайлович,— невольно удивляешься, как удавалось выходить невредимым из разных переплетов...

Я ехал с дипломатической почтой в Пекин. Прекрасный железнодорожный путь, комфортабельные вагоны, мощные паровозы создали этой дороге добрую славу. Но только не у нас, дипкурьеров. КВЖД все время находилась в зоне военных действий грызшихся между собой китайских генеральских клик. Среди служащих дороги масса бежавших из России белых. На этой дороге, больше, чем где-либо, можно было ожидать какой-нибудь неприятности.

Стемнело. Ночь предстояла тревожная.

Я стоял у опущенного окна вагона. Лицо обдавало иногда едкой гарью. Белое пятно луны медленно выползло из-за леса. Глаз с трудом мог различить мелькавшие за окном телеграфные столбы; один за другим они убегали во мрак.

...Столбы... столбы... Столбы и ночь... Какое-то очень знакомое сочетание... Давно это было... 1905 год. Москва. Союз фармацевтов на Садово-Кудринской. Здесь печатались прокламации, призывающие к забастовке, располагался один из центров вооруженного восстания... Дважды арестовывала меня тогда царская охранка.

Столбы и ночь... Вот такими же темными ночами выходил я с дружинниками на улицы Москвы. Пилили телеграфные столбы. Сооружали баррикады. Готовились к уличным боям. Беспокойные были ночи. Обучались стрельбе. При благоприятном случае отбирали револьверы у «фараонов». По ночам дружинники в лабораториях Строгановского училища делали бомбы. Полиция обыскивала и арестовывала всех подозрительных, поэтому прибегали к хитрости. Заворачивали бомбы в спе-

циальную масляную бумагу и опускали в бидоны из-под молока. В бидонах был раствор мела, похожий на молоко.

Столбы и ночь... Много воспоминаний навеяли они мне тогда, по дороге в Пекин. Вспомнилось и темное московское небо, озаряемое огненными вспышками артиллерийских выстрелов. Это каратели расстреливали штаб героев революционной Пресни — последний бастион восстания — фабрику Шмидта, или «чертово гнездо», как ее прозвали полицейские. До последнего отстреливались тогда дружинники от наседавших семеновцев...

Неожиданно раздался тревожный гудок паровоза. Резкий толчок. Поезд резко затормозил. Совсем рядом звучали выстрелы. Послышался женский визг, крики испуганных людей.

Я выглянул в окно. В темноте было смутно видно, как по путям бежали вооруженные солдаты.

Нужно спасти почту, документы! Захлопнув дверь купе, я выхватил наган. При необходимости буду отстреливаться до последнего... Через минуту в вагоне загомонили вооруженные китайцы. Как я понял по их крикам, они искали чжанцзолиновцев. Я несколько успокоился. Это были солдаты генерала У Пэй-фу. Между Чжан Цзо-лином и У Пэй-фу шла ожесточенная борьба за власть.

Началась проверка документов.

Вскоре постучали и в мое купе. Я открыл. Перед дверью стояли трое солдат во главе с офицером.

— Да-ку-мента, пасса-парта,— на ломаном русском языке произнес офицер.

Я протянул ему красную книжицу — советский дипломатический паспорт.

Офицер долго его разглядывал. Наконец сказал:

— Велики Китая непонятна ваша строя.

Я посмотрел в глаза военного. В них сквозило высокомерие.

— Есть люди,— ответил я,— которым, действительно, никогда не понять нашего строя. Но для угнетенного народа Китая он послужит когда-нибудь примером.

Офицер ядовито усмехнулся, но продолжать спор не стал.

Проверка кончилась. Положив под подушку наган, я улегся в постель. Но догло ехать не пришлось. На станции Чанчунь поезд остановился. Сообщение с Пекином

было нарушено. Хорошо, что в Чанчуне находилось наше консульство, и меня там приютили. Но почту нужно было доставить в Пекин, и как можно скорее. Только через сутки представители консульства с большими трудностями добились у местных властей, чтобы те предоставили мне возможность продолжить путь.

Грязные вагоны, изрешеченные пулями, были битком набиты солдатами. Ни одного целого стекла... До Пекина добрался только на третий день.

ЭРНСТ ТЕЛЬМАН ВСПОМИНАЕТ О ЛЕНИНЕ

Много стран исколесил за время работы дипкурьером Е. М. Климек. Трудно ему воссоздать в памяти все ситуации, в которые он попадал. Но одна короткая встреча запомнилась навсегда. Это встреча с вождем немецкого пролетариата Эрнстом Тельманом.

— Во время одной из поездок в Германию,— вспоминал Климек,— мне поручили сопровождать возвращавшихся из Москвы на родину товарища Тельмана и Брандлера. Оба они были делегатами V конгресса Коминтерна.

Было видно сразу, что у Брандлера плохое настроение — он был обозлен тем, что конгресс решительно осудил деятельность его группы как оппортунистическую. Позицию же большинства членов КППГ, шедших за Э. Тельманом, конгресс единодушно поддержал.

Сидя в купе, они почти всю дорогу спорили между собой. Брандлер нервничал, часто выходил из себя. Тельман был совершенно спокоен, тактичен и не проявлял ни малейшего признака озлобленности. Иногда шутил над Брандлером, но как-то мягко, с хорошей улыбкой.

Я с большим интересом наблюдал за Эрнстом Тельманом — общительным человеком, с добрыми и ясными глазами, крепкой шеей и характерными жестами рабочего-портовика.

Тельман очень любил рассказывать о своей встрече с Владимиром Ильичем. Ленин был дорог и близок Тельману, дорог как никто. Он безгранично верил Ленину, видя в нем величайший пример человека, революционера, борца.

— Летом 1921 года в Москве я впервые встретился с Лениным,— говорил Эрнст Тельман,— я приехал на

III конгресс Коммунистического Интернационала. На нем обсуждался и вопрос о мартовских событиях в Германии, то есть о вооруженном выступлении немецких рабочих в марте 1921 года. Оно потерпело поражение из-за предательства правых оппортунистов. Ленин клеймил их в своем выступлении. Говорил, что они капитулировали перед буржуазией.

Я тоже выступил на конгрессе, рассказав подробно о героической борьбе германских рабочих.

В перерыве между заседаниями мы с группой товарищей беседовали в вестибюле. Вдруг из зала вышел в сопровождении Клары Цеткин, Вильгельма Пика и других делегатов Ленин.

Увидев нас, Ленин извинился перед К. Цеткин и В. Пиком и направился в нашу сторону. «На пару слов, товарищ Тельман!» — обратился он ко мне. Я подошел к Ленину. Мы медленно пошли с ним по вестибюлю. «Ваш доклад, — сказал Ильич с радостным возбуждением, — был весьма интересным, товарищ Тельман!» Затем, взяв меня под руку, внимательно глядя в лицо, он стал подробно расспрашивать меня о положении рабочих в Германии, о политической забастовке 10 тысяч рабочих Гамбурга. Спрашивал о том, как удалось организовать такую огромную массу людей.

Необходимо, посоветовал Ленин в конце нашей беседы, последовательно и решительно бороться со всякими уклонами в партии, соблюдать строгую дисциплину и объединять все партийные силы для общей борьбы с буржуазией...

* *
*

Со многими людьми приходилось встречаться за рубежом. Были откровенные, злобные враги, но были искренние, преданные друзья.

Не раз довелось побывать в итальянской столице.

В те времена Рим не был так переполнен автомобилями, как сейчас. На его улицах (впрочем, это можно еще видеть и в наши дни) мы встречали и извозчицью пролетку, и запряженную осликом двухколесную повозку, на которой под большим грязным зонтом стояли бочонки с вином или корзины с овощами и фруктами.

Однажды забрели мы в винный погребок недалеко от площади Кампо деи Фьори, той самой площади, где в 1600 году инквизиторы сожгли великого ученого Джордано Бруно. На площади высились горы цветной капусты, артишоков, персиков и винограда. Эдешний рынок овощей, фруктов и цветов — один из крупнейших в городе. Итак, мы с приятелем из полпредства сидели в винном погребе и беседовали. Хозяин, невысокого роста полный итальянец, часто появлялся возле нас, прислушиваясь к нашей речи.

Узнав, что мы русские, из Советской России, он обрадовался, присел к нам, и мы разговорились. С тех пор как только мы появлялись в погребе, хозяин радушно встречал нас. Расспрашивал о России, оживленно рассказывал о прочитанных им русских книгах (он увлекался русской литературой). Как-то раз он повел нас на Испанскую площадь.

— Здесь любил гулять ваш Николай Гоголь.

Площадь действительно очень живописна. От площади к церкви поднимается широкая лестница, на которой продают цветы, много цветов. Там же художники пишут пейзажи, толпятся туристы.

Хозяин винного погреба повел нас затем на улицу Систина, очень узкую и грязную. Мы остановились около мрачного старого здания.

— А здесь Гоголь писал свои «Мертвые души», — продолжал наш чичероне.

Лишь много позже мы узнали, что наш итальянец интересовался не только русской литературой; в его погребе тайком собирались коммунисты, бывали, говорят, Антонио Грамши и Пальмиро Тольятти. Сын же хозяина был связным у коммунистов...

Когда мы уезжали из Рима, хозяин принес на прощание бережно завернутую и перевязанную ленточкой бутылку старого вина и сказал:

— Это отвезите в Советский Союз, в знак симпатии итальянских людей к русским.

Этот подарок был нам очень дорог тем, что преподнесен он был от души простым итальянцем и говорил об отношении таких, как он, простых людей к Советской стране.

ВСТРЕЧА В ГОНОЛУЛУ

Дипкурьер встречает за рубежом многих своих соотечественников. Революция и война раскидали их по всем частям света. Разные у них были судьбы. Кто-то стал копеечным бизнесменом, завел себе лавочку или пивную, кто устроился на завод, кто стал официантом или швейцаром, а многие мыкались в поисках куска хлеба.

— Вспоминаю,— говорил Е. М. Климек,— одну встречу на Гавайских островах, в городе Гонолулу.

Далеко от нашей страны находятся эти экзотические тихоокеанские острова. Но куда только не занесет дипкурьера его бродячая жизнь! Говорят, сейчас Гонолулу очень шумный город, ведь рядом знаменитая военно-морская база американцев Пирл-Харбор. Но и в то время, когда я со своим сопровождающим попал на Гавайи, Гонолулский порт принимал суда чуть ли не со всего мира.

Как-то утром пошли осматривать город. Красивый город. Белые здания утопают в тропической зелени. Широкие улицы, мощенные окаменевшей лавой или коралловым известняком. Манговые деревья, пальмы, еще какие-то диковинные растения. И конечно, масса кабаков, как и в любом портовом городе.

На окраине города бросались в глаза тысячи хижин, нет, их даже нельзя назвать хижинами — скорее какие-то шалаши из листьев, рогож и лохмотьев. Удивительно было видеть массу изможденных и голодных людей на острове, где круглый год стоит лето и где, кажется, такое изобилие бананов, ананасов, апельсинов. Впрочем, объяснялось все просто — всем владели здесь американские колонизаторы, которые давно обосновались на Гавайях.

...После обеда решили совершить прогулку на катере. Катер шел вдоль берега, окаймленного коралловыми рифами. Вдалеке виднелись горы. На остановках выходили и входили пассажиры. На борту было человек 100—150 самых различных национальностей — много китайцев, японцев, встречались и европейцы. С любопытством разглядывали мы местных невиданных, невероятно яркой раскраски птиц, опускавшихся на палубу за крошками хлеба, которые бросали им пассажиры.

Разговорились с владельцем катера — пожилым, хорошо одетым японцем, который немного говорил по-русски (раньше он жил где-то на Дальнем Востоке). Пого-

ворив с нами, он отошел, а затем вернулся снова. На этот раз с ним были трое довольно бедно одетых людей.

— Познакомьтесь,— улыбнулся японец,— ваши соотечественники.

Радостные улыбки появились на лицах подошедших.

Мы переглянулись с моим товарищем. Многих соотечественников приходилось встречать за границей, и далеко не всегда эти встречи оказывались приятными. Столько в те годы было антисоветски настроенных белых эмигрантов, белых офицеров, бывших торговцев и всяких прочих «бывших» людей...

Пожилой бородатый мужчина нерешительно приблизился к нам, и мы услышали взволнованные слова:

— Здравия желаем господам нашим, соотечественникам, здесь в океане, вдали от родимой матушки России. Здра...

Он не договорил и принялся нас обнимать. На глазах у него появились слезы.

— Мы из Рязанской губернии, из Егорьевска,— немало придя в себя, стал объяснять старик.— Работали на салотопенном заводе, свечи выдывали. А теперь... я вот заехал аж на край земли. За заработком погнались, и свет стал не мил. В Россию душа рвется...

— А вот эти совсем извелись в тоске,— уроженец Егорьевска указал на двух черноусых молодых мужчин.— Жаль ребят. С гор они кавказских.

Заметив мой вопросительный взгляд, один из мужчин сказал с мягким южным акцентом, обращаясь ко мне:

— Осетины мы, из Дигорского ущелья. Батрачили у проклятого князя Абисалова, чтобы смерть его увидеть, шакала! Это он угнал нас в «дикую дивизию», а потом за границу, когда отступать от большевиков уже было некуда. Пугал нас. А теперь нет нам жизни без Кавказа! Помоги, дорогой, вернуться на родину!

Постепенно они рассказали о своих скитаниях. Старик еще до революции с несколькими односельчанами подался в Америку, добывать деньги. Жил где-то в Парагвае, батрача в имении, а убедившись, что помещики все одинаковы, что капитала не наживешь, поехал в другие места. Гнул спину на кофейной плантации, затем нанялся сопровождать какой-то груз, а теперь вот обосновался в Гонолулу сторожем на складе. А осетины повстречались ему недавно. Они, видать, уходили с бе-

лыми после разгрома Деникина и нанялись в Гонолулу на консервный завод. Специальности не имели, английского языка не знали. Пользуясь их беспомощным положением, выжимали из них по семь потов, а платили гроши.

О том, что происходит в России, все они знали плохо. Верили антисоветским измышлениям в местной прессе. Поначалу боялись и думать о возвращении. Но с годами мысль о России все более и более крепла.

— Бог знает, когда еще встретим своих. Помогите нам вернуться, господа милые!

Мы объяснили им, что мы не господа, что господ в России уже нет и никогда не будет. Что власть теперь в руках рабочих и крестьян и тем, у кого нет неискупимой вины перед Советской властью, прямой путь на родину.

Пока мы беседовали, катер подошел к причалу, и трое ушли, взяв наш адрес и попросив разрешения прийти к нам в гостиницу.

И действительно, пока мы ждали нашего парохода, они бывали у нас не раз. Перед отъездом наши новые знакомые вручили нам свои «прошения» о разрешении вернуться в Россию и о выдаче въездных виз. По возвращении в Москву мы постарались, как могли, помочь им.

И вот — немногим более года прошло — трое счастливых людей вернулись на родину.

Да, многих соотечественников приходилось дипкурьерам повидать во время поездок. Разные причины привели людей за рубеж.

Были злые, убежденные антисоветчики с руками, залитыми кровью своего народа, предавшие и продавшие этот народ. Среди этого отребья вербовались диверсанты, шпионы и провокаторы, готовые на любое преступление.

Были и люди, запутавшиеся в антисоветских делах, попавшие на удочку вражеской пропаганды. Но они чувствовали свою вину перед родиной и думали о том, как заслужить прощение.

Были, наконец, и, так сказать, эмигранты, волею жестоких жизненных обстоятельств оказавшиеся за рубежом. Эти люди давно внутренне подготовлены к возвращению на родину, мечта о которой никогда не покидала их.

ОТ ТОКИО ДО БИЛЬБАО

И. Х. БАУМАН

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

Бедная латышская семья. Отец — сапожник, часто без работы. Нужда, постоянная нужда... Это мое детство.

Летом нередко приходилось наниматься вместе с братом Вальдемаром подпасками в деревню. Платили гроши, но хоть кормили, а зимой снова — в Ригу — учиться в городской школе. Меня и Вальдемара, который был на два года старше и с которым мы были очень дружны, тянуло к учебе, к книгам. Но где было взять денег на продолжение учения? И на учебники, и на питание...

Когда началась первая империалистическая война, город вскоре оказался под угрозой. Заводы и фабрики Риги начали эвакуировать в глубь страны. В конце 1915 года мы с братом попали в Петроград. Я устроился на военный завод, ранее принадлежавший немецкой фирме «Сименс-Шуккерт» (во время войны реквизированный государством), а Вальдемар поступил на Донецко-Юрьевский гвоздильный завод.

Много написано о горькой рабочей жизни того времени. Работа по двенадцати часов в сутки, в две, а то и в три смены. Все время недоедали. За малейшую провинность наказание, а то и на фронт. Дисциплина как в штрафной роте. А рядом, на Невском, рестораны, битком набитые спекулянтами и поставщиками, «роскошная жизнь». Кровопролитная война за чуждые народу интересы казалась бесконечной. В массах зрели революционные настроения, стремление покончить с ненавистным строем.

На заводе постепенно создавалась крепкая группа социал-демократов, главным образом большевистски настроенных рабочих. Помню среди них Енукидзе (брата

А. Енукидзе), Круминьша из латышской секции. Интересно, что директором-распорядителем завода был Л. Б. Красин, старый большевик, впоследствии один из видных советских дипломатов.

Большевистская организация на заводе непрерывно росла. Во многом этому помогали и агитаторы-подпольщики, и рабочая газета «Правда». Я жадно читал ее в то время, и многое начинал понимать.

Февральская революция сбросила царя, но многое осталось по-прежнему. Все сознавали: страна на пороге великих событий. Большевики звали народ на борьбу.

Сколько бы ни прошло времени с того дня (вернее, ночи), когда в Россию возвратился Владимир Ильич, никто из нас этого дня не забудет. Все наши рабочие были тогда на Финляндском вокзале и, затаив дыхание, слушали страстную речь вождя.

После расстрела июльской демонстрации петроградских трудящихся стал быстро расти красногвардейский отряд завода. Вступил в него и я. Теперь, когда Временное правительство сбросило маску, стало ясно: без борьбы, вооруженной борьбы дело не обойдется.

Скоро пришлось принять и боевое крещение. Генерал Корнилов начал наступление на революционный Петроград.

В темную августовскую ночь тревожно загудели гудки питерских заводов. По тревоге красногвардейцы собрались на заводском дворе. На грузовиках нас спешно перебросили под Гатчину, где мы заняли боевые позиции. Среди корниловцев было много революционно настроенных солдат. Они понимали, что их место не с генералами, а с рабочими Питера. Большевики вели во вражеском расположении огромную разъяснительную работу, встречавшую широкий отклик. Это было одной из важнейших причин провала генеральского мятежа.

Приближался октябрь. Положение было тревожное. Юнкера Керенского громили большевистские партийные организации, шли аресты, обыски. С 23 октября наш отряд уже не расходился по домам. По всему чувствовалось: наступает решительный час. Красногвардейские отряды и воинские части, верные революции, начали занимать правительственные здания. К концу дня 25 октября нас направили к Зимнему дворцу, где нашло свой последний приют Временное правительство. Подойдя к Мор-

скому проезду, мы увидели, что он плотно забит красногвардейцами, матросами и солдатами. Мы получили задание захватить здание министерства иностранных дел, это гнездо тайной дипломатии царского и Временного правительств. Приказ был выполнен. Оставив часть отряда для охраны министерства, мы присоединились к частям, ждавшим сигнала к атаке. Прозвучал выстрел «Авроры», и мы пошли на штурм последнего оплота буржуазно-помещичьей России. Ворвались в Зимний. Трудно описать тот радостный подъем, безграничное ликование, что захлестнули всех тогда.

Кто бы мог подумать (меньше всего я сам), что бывший бесправный рабочий Иван Бауман, сама жизнь которого при старом режиме не стоила и ломаного гроша, хозяином войдет в царский дворец!

После ареста Временного правительства наш отряд был поставлен на охрану Зимнего и министерства иностранных дел, и эту службу мы несли вплоть до дня переезда Советского правительства в Москву. Так судьба связала меня с аппаратом внешних сношений Советского государства.

Уже 26 октября 1917 года Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов направляет для работы в Наркоминделе М. С. Урицкого. Его хорошо знали рабочие нашего завода, где он часто выступал на митингах и собраниях.

Секретарем народного комиссариата был назначен Николай Григорьевич Маркин, матрос, подпольщик, большевик. Это был человек огромной революционной закалки, большого ума, быстро ориентировавшийся в самой сложной обстановке. Неся караульную службу, я часто встречался с Николаем Григорьевичем.

В декабре меня назначают в числе других пяти красногвардейцев на охрану советской делегации, направлявшейся за границу для переговоров. А в марте 1918 года, когда Советское правительство во главе с В. И. Лениным переезжало из Петрограда в Москву, в отряд охраны правительственного поезда был назначен и я. Красногвардейцы нашего отряда еще долго несли караульную службу в Кремле. До сих пор, как живого, вижу Владимира Ильича, проходящего по коридору здания Совета Народных Комиссаров. А немного позднее меня прикомандировали к Г. В. Чичерину для охраны и выполне-

ния его заданий. Собственно, в те дни и началась моя дипкурьерская работа, продолжавшаяся затем много лет.

В тот период начал создаваться постоянный дипкурьерский аппарат. Ядром первой группы дипкурьеров были те самые красногвардейцы из отряда завода «Сименс-Шуккерт», который после штурма Зимнего нес охрану министерства иностранных дел.

Однажды меня вызвали к Г. В. Чичерину, который поручил отвезти личное письмо В. И. Ленина В. С. Мицкевичу-Капсукасу, председателю первого советского литовского правительства. Надо сказать, что в то время в захваченных сопредельных с Польшей районах Литвы хозяйничала польская военщина. Интервенты зверствовали, восстанавливали буржуазно-помещичьи порядки. Польские войска подтягивались к самой столице Литвы городу Вильно (Вильнюсу).

В полученном мною мандате, составленном по правилам того революционного времени, все власти призывались оказывать мне всяческое содействие, принимать от меня правительственные телеграммы и т. д. Вместе с мандатом мне дали паек хлеба на пять суток и немного сахара. Когда мне вручили пакет с письмом Ленина, снова предупредили о трудностях, которые могут встретиться на пути. Пакет нужно было вручить лично В. С. Мицкевичу и никому другому. Расписка на конверте. Конверт привезти обратно.

Кое-как добрался до Вильно. Город на военном положении. Везде военные — литовцы и наши красноармейцы. Поляки подходили все ближе.

Явился в Совет обороны, расположившийся в каком-то особняке. У дверей часовые. Придирчивая проверка документов. Только после того как я сказал, что имею письмо Ленина, пропустили в кабинет.

В небольшой комнате за столом сидел среднего роста человек с бородкой, усами, очень усталым лицом и живыми, юношескими глазами. Крепкое рукопожатие и первый вопрос.

— Как это вы прорвались, — спрашивает, — ведь железнодорожная связь с Москвой прервана!

Я рассказал и подал ему конверт. В. С. Мицкевич-Капсукас долго читал ленинское послание. Перечитал. Потом задумчиво подошел к окну. Обернувшись, неожиданно спросил: «А сколько вам лет?» В ту пору мне

исполнилось всего восемнадцать. Мицкевич расспросил об обстановке в Москве, дал несколько советов и напутствий на дорогу.

В тот же день я отправился в обратный путь. Дорога на Москву оказалась окончательно перекрытой. Круглым путем, через Молодечно и Полоцк, вернулся в Москву, гордый тем, что выполнил задание.

А через два дня меня снова направили в путь — с письмом В. И. Ленина в Ригу, к П. И. Стучке, председателю Совнаркома Латвии. П. И. Стучку я хорошо знал, так как он был ранее членом коллегии НКВД, жил в «Метрополе» и мне доводилось с ним беседовать.

Добраться до моего родного города Риги оказалось еще труднее, чем до Вильно. Часть Латвии была оккупирована немецкими войсками, которые вместе с белогвардейцами рвались к Риге. Но все-таки прибыл. В Риге я прямо с вокзала направился в знаменитый «Дом Черноголовых» (этот уникальный памятник прошлого был уничтожен гитлеровскими оккупантами в период второй мировой войны). Рига представляла собой вооруженный лагерь. Даже женщины вошли в отряды латвийской Красной Армии и несли караульную службу.

Как только зашел к П. И. Стучке, он меня сразу узнал. Внимательно ознакомившись с письмом В. И. Ленина, он сказал, что необходимо будет срочно вернуться в Москву с его письмами В. И. Ленину и Г. В. Чичерину.

Ночью я выехал из Риги. В дороге поезд неоднократно обстреливали, среди пассажиров было много раненых. Все же письма П. И. Стучки в полной сохранности были переданы по назначению.

* *
*

Постепенно расширялись наши международные связи. В 1919 году начались переговоры об установлении дипломатических отношений с Афганистаном, только что сбросившим иго английского империализма и добившимся независимости. В Кабул отправлялась советская делегация во главе с Я. Э. Сурицем. Меня назначили в охрану делегации. С большим трудом перешли через линию фронта (шли ожесточенные бои с Колчаком) и добрались до Оренбурга. Дальше ехать было невозможно.

Лишь спустя некоторое время удалось продолжить путь в афганскую столицу.

Постоянным дипкурьером я стал с 1920 года. Дипкурьером был и мой старший брат.

Вальдемар, как я уже говорил, работал в Петрограде на гвоздильном заводе, а затем был призван в армию и служил в запасном Волинском полку, где примкнул к большевикам. Ищейки Керенского взяли его на заметку, и ему грозил военно-полевой суд. Пришлось скрываться. Партийная организация Волинского полка снабдила его паспортом на фамилию Зимин и отправила в Архангельск. Когда началась английская интервенция на севере, группе товарищей, в том числе и Зимину, поручается чрезвычайно ответственное задание: вывезти из Архангельска и доставить в Москву огромные ценности, хранившиеся в городе. Это задание они выполнили, все ценности были сданы Госбанку в целости.

В 1918 году Вальдемар назначается одним из первых дипкурьеров Наркоминдела. Много опасных и ответственных заданий довелось ему выполнять. Повидал много стран, попадал часто в очень тяжелые переплеты. И он, и я ездили в поездах и на лошадях, плавали на подводных лодках и ходили пешком, доставляя дипломатическую почту.

Из многих приключений дипкурьера я для своих воспоминаний выбрал лишь некоторые, и об этих необычных для теперешнего времени поездках я и хочу рассказать.

КАРАВАННОЙ ТРОПОЙ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВАЛЫ ГИНДУКУША

Не так давно я прочитал в газете «Известия» корреспонденцию под заголовком «Магистраль дружбы». В ней говорилось о том, что афганские строители и советские специалисты проложили автомобильную дорогу через перевалы Гиндукуша, превратив глухие караванные тропы в современную трассу. В статье сообщалось, что в районе перевала Саланг, на высоте 3500 метров, пройдет транспортный туннель. И мне вспомнилось...

Весной 1920 года я получил задание отправиться в Кабул с дипломатической почтой. Связь со столицей Афганистана была тогда чрезвычайно трудной. Не суще-

ствовало не только железных, но и простых шоссеиных дорог (не говоря уже о воздушном сообщении). В этих условиях предстояло преодолеть, следуя караванными тропами, высокогорные перевалы Гиндукуша, которые, кстати говоря, были доступны для вьючного и колесного движения всего лишь месяца три в году.

Поэтому, прежде чем отправиться в дорогу, долго обсуждали маршрут. В конце концов выбрали путь через Кушку — Герат протяженностью свыше тысячи километров. Лошадей должны были дать наши пограничники в Кушке — последнем советском пункте на границе с Афганистаном.

По указанию местных властей нам, то есть мне и трем помощникам, сопровождавшим меня до Кабула, выделили старенький пассажирский железнодорожный вагон бывшего 3-го класса. До Кушки ехали медленно, со многими остановками; вагон скрипел, кряхтел и чуть не разваливался на ходу. Поезда ходили редко, тысячи людей скапливались на станциях.

В Кушке явился к коменданту крепости, объяснил наше задание. Комендант был, видимо, из старых офицеров, пожилой, очень внимательный. Хорошо знал Среднюю Азию, и я, не знакомый с местными условиями, получил от него много добрых и полезных советов. С его помощью подобрали лошадей. У него же узнали, что в районе время от времени появлялись шайки вооруженных верховых — не то басмачей, не то еще каких-то бандитов, и поэтому в целях безопасности нам выделили еще двух красноармейцев.

До границы добрались без приключений и, подъехав к первому афганскому пограничному посту, распрощались с сопровождавшими красноармейцами, передали с ними приветы и письма к родным, так как знали — такая возможность представится вновь очень не скоро.

Закончив все эти дела, двинулись в глубь Афганистана. Первая остановка была у крепости Челдухтаран. Встретили нас здесь очень дружелюбно. Видимо, сюда уже дошли вести об установлении добрых отношений между нашими странами, о том, что Советская Россия первой признала Афганистан и протянула ему руку добрососедства и дружбы.

Купили несколько крепких верховых лошадей и мулов, почту погрузили на мулов и караваном вы-

ехали в Герат. Отсюда начиналась длинная и опасная дорога.

Солнце палило немилосердно. Узкая тропка, петляющая по краю гор над пропастями, грохот падающих камней, редкая, скудная растительность... Лошади, привычные к горным дорогам, деловито шагали по тропке. Сзади, опустив головы, тянулись мулы, нагруженные нашими вещами, дипломатической почтой, мешками с газетами, продовольствием. Впереди ехал проводник. На всякий случай не выпускали из рук винтовок.

Только через много часов, предельно усталые, добрались мы до первого караван-сарая. Короткий отдых, и снова — горы, солнце, камни...

Готовясь к пути через горные перевалы, в одном из караван-сараяев приобрели, по совету афганцев, огромные меховые шубы, которые потом не только спасали от холода, но и служили хорошей постелью, защищали от скорпионов и других насекомых.

Путешествие было беспокойным. Как-то, спускаясь с небольшого перевала к горной реке, мы заметили группу вооруженных верховых, которые при нашем приближении рассыпались в цепь и начали нас окружать.

— Бандиты... — шепнул один из сопровождавших нас военных.

Верховых было человек десять — двенадцать. Наши аскеры взяли винтовки наизготовку. Я распорядился прикрыть мулов и верховых лошадей с почтой. Поставили их в середину, а сами с винтовками наизготовку решили опередить нападавших. Аскеры с гиком, стреляя на ходу, рысью бросились на основную группу, а мы открыли стрельбу по тем, которые обходили нас сзади. Увидев, что перед ними не караван торговцев, а вооруженный отряд, банда начала отходить и скрылась в горах. Много в ту пору по дорогам Афганистана бродило вооруженных шаек. Были это и обычный уголовный сброд, и английские наемники, и остатки басмаческих отрядов.

День за днем продвигался наш караван по афганской земле. Во всех селениях жители, узнав, что мы из Советской России, встречали нас с большим радушием, как друзей. Отдыхали ночами, когда было прохладно. Закутываясь с головой в шубу, спали сном смертельно уставших людей. Дипломатическую почту на ночлеге клали в

середины, а сами располагались кругом. Если была возможность, разжигали костер. Один всегда бодрствовал в карауле.

Наконец впереди показался Герат. Чудесен был вид с горы на долину, где среди зеленых чинар и цветущих абрикосовых садов расположился этот древний город, через который с незапамятных времен пролегли караванные пути на Иран, Индию, Китай. Усталые, много дней не видевшие почти ничего, кроме камня и голой земли, мы были поражены красотой города с его мечетями, высокими минаретами, мозаикой красивых построек.

В Герате было советское консульство. Радостно встретили нас товарищи. На другой день вместе с генеральным консулом нанесли визит генерал-губернатору провинции Мухаммеду Сервархану. Губернатор принял нас очень гостеприимно. Долго беседовали, говорили о дружбе советского и афганского народов, о будущем обеих стран. Сервархан интересовался нашим дальнейшим путешествием. На следующий день нам по его распоряжению привели несколько сильных и выносливых лошадей.

После отдыха в Герате снова в путь, но уже на свежих и сильных лошадях, достаточно снабженные всем необходимым.

Те же узенькие тропки над бездной, каменистые русла высохших рек, палящее солнце и ни малейшей тени. Мы так тяжело переносили изнуряющий зной, что решили ехать по ночам, а днем где-нибудь скрываться в тени и отдыхать. Но из этого ничего не вышло. В ночной тьме,— а ночи здесь такие, что не видно собственной руки,— было легко свалиться в пропасть, и никто не узнал бы, где погибли дипкурьер Иван Бауман и его товарищи.

Почти весь путь — на огромной высоте, среди раскаленных камней. Тропинкой через очередной перевал, а затем спуск, который тяжелее, чем подъем. Тяжелые тюки с почтой сползают на шею лошади, тянут ее вниз; приходится часто останавливаться и поправлять поклажу.

Неподалеку от Кандагара случилось происшествие, которое могло кончиться плохо. При переходе какой-то бурной горной реки одна из вьючных лошадей поскользнулась и скатилась в реку. Ее вместе с тюками понесло быстрым течением. Раздумывать не было времени. Каж-

дая секунда промедления грозила гибелью лошади и почты. Соскочив с седла, я бросился в реку, быстро достиг лошадь. С огромным трудом помог ей выбраться на берег. Перепуганное животное дрожало мелкой дрожью. С помощью товарищей снял с нее тюки. Пришлось вынуть из тюков всю почту и сушить мокрые пакеты на горячих камнях.

В Кандагаре советского консульства не было, но, видимо, предупрежденные генерал-губернатором Гератской провинции местные власти встретили нас очень заботливо. С удовольствием помылись, привели себя в порядок и немного отдохнули. Отдохнули и хорошо накормленные лошади. На дорогу снабдили всем, что было нужно, вплоть до фруктов и сладостей.

Далее путь лежал в Кабул.

...Снова начался подъем. Лошади, до сих пор спокойно ступавшие по каменистой тропе, вдруг заволновались. Вставали на дыбы, ржали, пытались выбросить нас из седла. Мы никак не могли понять, в чем дело, пока неожиданно, немного выше, на горном «серпантине», не показались идущие навстречу огромные слоны с проводниками и большими тюками на спинах. Шли они спокойно, медленно, с покачивающимися хоботами. Их-то и испугались наши лошади.

Как избежать встречи со слонами? Свернуть некуда, тропинка узкая. Пришлось остановить отряд. Проводник торопливо ушел искать обход и, к счастью, нашел в скале довольно широкий выступ. Загнав туда лошадей и крепко держа их под уздцы, мы кое-как разминулись со слонами (они не обратили на нас ровно никакого внимания).

За свою долгую дипкурьерскую службу я бывал в разных положениях. Летал на самолетах, плавал на подводных лодках, но встречаться со слонами на узкой горной тропке больше не доводилось!

Наконец взят последний перевал и начался спуск в Кабульскую долину. Лошади спотыкались от усталости. Эти прекрасные, сильные кони, которых нам дали в Герате, превратились в замороженных, еле передвигавших ноги кляч. Тысяча километров трудной горной дороги под палящим солнцем, 43 дня пути измотали и нас.

Наконец въехали в Кабул. В полпредстве нас ждали с нетерпением. Ведь мы привезли не только дипломати-

ческую почту, но и письма родных и друзей, приветы и новости из Советской России. Месяц прожили мы в афганской столице, знакомились с городом и его жителями, обычаями и нравами народа.

В то время Кабул насчитывал немногим более 100 тысяч жителей. Здесь было несколько небольших заводов, много мечетей, богатые особняки и дворцы. Но облик города определялся множеством низких глинобитных домиков на узких улочках, базарами, лавчонками мелких торговцев, всевозможными закусочными и чайханами.

Перед отъездом долго обдумывали обратный маршрут. В почте были срочные пакеты, которые нужно было доставить возможно быстрее, и поэтому прежний маршрут, по которому мы ехали в Кабул, был отвергнут как слишком продолжительный. Остановились на труднейшем «восточном» варианте — через Ташкурган, Мазари-Шариф, Термез. Маршрут этот значительно короче, чем через Герат, но более опасный и, главное, неизвестный для нас. Но выбора не было. Получили почту, навьючили вещами и продовольствием мулов, оседлали лошадей, которые за месяц отдохнули и откормились и, сопровождаемые добрыми пожеланиями, двинулись на родину.

Гиндукуш... Наиболее доступные перевалы этого гигантского горного хребта находились на высоте трех, а то и пяти тысяч метров. Тропки были так узки, повороты столь часты, что иной раз, не зная, как направить лошадь, мы бросали поводья, предоставив умным животным самим отыскивать дорогу, всецело на них полагаясь. И, нужно сказать, инстинкт животных ни разу не подвел. Лошади, не ошибаясь, с невероятной осторожностью пробирались по кручам, и ни один камешек не скатывался вниз под их копытами.

Добрались до селения Чарикар, где дорога разветвлялась. Один путь, так называемый Батиановский, шел мимо какого-то древнего пещерного города; им пользовались торговые караваны. Другой — через высокогорный перевал Саланг и местечко Доши, по уверениям проводников, был гораздо более короткий. Но надо было преодолеть перевал Саланг на высоте 3500 метров. Как говорили местные жители, по этой дороге никогда не ступала нога европейца. И все же, понимая всю тяжесть предстоящего пути, пришлось выбрать именно его. Почта в

Москву была срочной, и этим определялось все остальное.

На перевал вела совсем узкая тропка. Миновали последнее горное селение. Впереди Саланг. Начался трудный подъем. Едва отошли от селений на несколько сот метров, закрутила метель. Снег заносил тропку, залеплял глаза. Ветер все более крепчал, лошади по брюхо проваливались в снег. Промаявшись так несколько часов, вконец выбившись из сил и боясь свалиться в пропасть, добрались до какой-то пещеры и забрались в нее, чтобы переждать непогоду.

Трое суток не утихала метель, и только наутро четвертого дня мы смогли продолжить путь к перевалу. Солнце и потрясающей яркости снег слепили глаза — конечно, никаких светозащитных очков у нас не было. Появились головные боли и слабость: сказывалась высота.

Наконец дотащились до перевала. Впереди, с боков и сзади высились покрытые снегом горы. Прошли высшую точку и начали спуск, который занял почти сутки. Далеко внизу показались клочки зеленой земли. Стало теплее. Это означало — самое трудное позади! Мазари-Шариф был уже близко. Дорога стала шире. Начали встречаться караваны, одиночные всадники, пешеходы.

Отдохнув в Мазари-Шарифе (как было радостно побыть среди своих, советских людей, поспать в тепле, в чистой постели, выпить горячего чая), двинулись к советской границе. Дружески распрощавшись с афганскими проводниками, подъехали к Аму-Дарье. Переправились. И вот Термез. Далее мы рассчитывали ехать вполне цивилизованно — поездом. Но нашим приключениям не суждено было окончиться. Оказалось, что железная дорога до самого Чарджоу разрушена и сообщение прервано.

Решили плыть по Аму-Дарье. Пришлось снова искать транспорт, да такой, которым мне еще ни разу в своей дипкурьерской работе не приходилось пользоваться — обычную лодку! С помощью товарищей из местного Совета наняли несколько лодок с гребцами, погрузили почту, и начался новый этап нашего путешествия.

Перед отъездом нас предупредили, что по обоим берегам реки бродят остатки разгромленных банд басмачей и всякого иного сброда. Пришлось проверить оружие и ради предосторожности плыть по середине, не прибли-

жаясь к берегам. Течение Аму-Дарьи, как известно, очень быстрое, и мы надеялись свое речное путешествие закончить в короткий срок.

Как-то под вечер, на третий день плавания, услышали крики с берега. Какие-то люди требовали, чтобы мы подплыли. Предчувствуя недоброе, решили плыть молча, не отвечая. С берега слышались выстрелы. Стреляли из винтовок. Мы легли на дно, прикрывшись мешками с продовольствием и почтой, и открыли ответный огонь. К счастью, темнело быстро. Мы дружно налегли на весла, и вскоре были далеко. В лодках мы обнаружили несколько пробоин, четыре или пять пуль попали в мешки с диппочтой. Отметим на память!

В Чарджоу пересели наконец в поезд и благополучно прибыли в Москву. Это был, пожалуй, самый тяжелый и напряженный рейс за все время моей дипкурьерской службы.

НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ В ТУРЦИЮ

1922 год. Турецкий народ, руководимый Мустафой Кемалем — Ататюрком, вел напряженную борьбу с англо-греческими интервентами, вторгшимися в страну. Советское правительство, первым признавшее правительство Кемала и установившее с ним дипломатические отношения, с огромным сочувствием относилось к героической борьбе турецкого народа за свою независимость и оказывало ему большую помощь.

В разгар этой борьбы, когда английские и греческие военно-морские силы, блокировавшие порты Турции, пиратствовали в Черном море, я получил задание доставить почту нашему посольству в Анкаре. Мне также поручено было сопровождать в дороге возвращавшегося из Москвы в Анкару уполномоченного турецкого правительства, если не ошибаюсь, доктора Ризу Нур-бея, депутата Великого национального собрания Турции. (В Москве он вел переговоры с Советским правительством.) В качестве сопровождающего мне дали питерского рабочего, красногвардейца товарища Желтикова.

Из Москвы до Севастополя ехали в одном вагоне с турецким дипломатом. Он прекрасно владел немецким языком, который немного знал и я, и в дороге мы долго

беседовали. Естественно, разговор шел об освободительной борьбе, которую ведет турецкий народ, о победе революции в России. Риза Нур-бей делился впечатлениями о встречах в Москве, об оказанном ему гостеприимстве; весьма высоко отзывался о наших государственных деятелях, с которыми ему пришлось встречаться. Говорил о будущем своей страны, находя много общего между Советской Россией и Турцией, о Кемале, о Ленине. Впрочем, о многих вещах Риза Нур-бей судил наивно, не понимая корней нашей рабоче-крестьянской революции и пути к социализму.

В Севастополе турецкого дипломата тепло встретили представители местных властей и сотрудники агентства НКВД. Вскоре нас на катере перевезли на подводную лодку, стоявшую недалеко от пристани.

Я впервые видел подводную лодку. Теперь к другим видам транспорта, которыми тогда пользовались дипкурьеры, прибавлялся еще и подводный!

Подводная лодка была выбрана из-за опасности «встречи» с английскими или греческими военными судами, шнырявшими в Черном море. Надводным кораблем, видимо, нельзя было почему-либо воспользоваться, хотя дипкурьеры в тот период совершали переход через Черное море и на других судах, в том числе и на миноносцах.

С опаской ступили мы на скользкое железо лодки и опустились вниз. Узенькие проходы, бесконечное количество всевозможных приборов, труб, проводов, каждый сантиметр занят механизмами.

В отсеке для команды моряки отдыхали и принимали пищу. Подвесные койки и небольшой стол составляли всю обстановку. В этом же отсеке устроили и турецкого дипломата и нас, его сопровождавших. Сначала шли в надводном положении. Сильно штормило, и лодку отчаянно качало. К горлу подступала тошнота. Так продолжалось, пока лодка не ушла на глубину.

Под водой качки не чувствовалось, но легче не стало. Напротив. Было мало воздуха, остро чувствовался недостаток кислорода. Часы, проведенные под водой, были тяжелы даже для нас, выносливых и крепких молодых людей. А нашему гостю стало совсем плохо. Он лежал не шевелясь, бледный, не произнося ни одного слова. Была очень трогательна забота со стороны команды лодки. Все

старались как-то облегчить состояние нашего гостя. Тот понимал искренние чувства моряков и горячо их благодарил.

Наконец лодка начала всплывать. Были открыты люки, и свежий морской воздух ворвался в душное помещение. Оказывается, мы были уже вблизи турецкого города Синопа. Опасность встречи с англо-греческими кораблями осталась позади.

В порту Риза Нур-бея торжественно встречали городские власти Синопа, от которого он был депутатом Великого национального собрания. Советских моряков турки горячо поблагодарили и даже устроили в их честь банкет.

Наутро я с Желтиковым выехал в Анкару. Нам предоставили высокую, на двух больших колесах арбу, запряженную парой сильных лошадей. Для охраны в пути местные власти выделили шесть вооруженных кавалеристов. Было очень жарко. Августовское горячее солнце пекло всюду; ветер носил тучи горячего песка, который забивался в рот, нос, глаза.

Я был предупрежден, что в дипломатической почте было срочное письмо Г. В. Чичерина нашему полпреду в Турции С. И. Аралову. Поэтому ехали почти без остановок, быстро меняли уставших лошадей, не теряя даром ни минуты.

Несколько дней продолжался наш путь по пескам и камням Центральной Анатолии. Наконец въехали в Анкару. Немедленно по приезду вручил С. И. Аралову письмо Г. В. Чичерина. Полпред расспрашивал нас о дороге, о Москве и в свою очередь рассказал о положении в Турции. Сейчас, сказал он, создалось очень напряженное положение. Войска интервентов находятся на подступах к Анкаре, пытаются окружить ее. Нужно было незамедлительно выезжать в Кайсери, куда уже эвакуированы сотрудники полпредства.

Не отдохнув, мы выехали в Кайсери. В канцелярии полпредства забрали почту, запаковали ее и сразу же двинулись в обратный путь, но теперь уже не на Синоп, а в Самсун; нам сказали, что в этом порту мы скорее найдем какое-либо нейтральное судно, которое идет в один из советских портов.

В Самсуне через несколько дней ожидания мы договорились с капитаном одного из кораблей итальянской

пароходной компании «Ллойд Триестино», и он согласился доставить нас до Батума.

Так — на подводной лодке, арбе и пароходе я совершил путешествие в Турцию.

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО...

В наше время основным видом транспорта для дипломатов служит авиация, а в 20-х годах гражданская авиация была еще в младенческом возрасте; самолеты презрительно называли «этажерками», летающими гробами или другими подобными терминами. И все они были не столь уж далеки от истины.

Уж очень несолидно выглядел тогдашний транспортный самолет. Любая непогода, любой ветер были ему опасны. Вспоминаю, как-то на заре авиации в одном из журналов появился такой рисунок. Летчик в шлеме склонился над приборами в своей открытой всем ветрам кабине, а сзади него стоит ухмыляющийся скелет с косою; надпись гласила: «Постоянный спутник авиатора».

Да, полет в те годы был сопряжен с немалым риском. Но скорость все же была большим выигрышем. Хотя и далеко не всегда. Нередко из-за различных неполадок либо в моторе, либо в других частях аэроплана «воздушная почта» шла медленнее, чем на арбе, которой приходилось пользоваться в поездках по странам Востока.

Большинство полетов были удачными, но некоторые чуть не стоили мне жизни. Они мне, конечно, особенно запомнились.

По договоренности с немецким авиационным обществом «Дерулюфт» самолеты типа «фоккер» обслуживали авиационную линию, связывавшую Москву с Германией (своих гражданских транспортных организаций мы еще не имели). Непрочным сооружением были «фоккеры», которые хоть и славилась по тем временам. Металлические трубки, брезент и деревянные планки были основными материалами, из которых изготовлялись эти машины. О мощности мотора и грузоподъемности их можно было судить по тому, с какой тщательностью взвешивался груз, прежде чем поднимать его в самолет; при трех пассажирах (больше не разрешалось, да и места не было) груз взвешивался особенно тщательно. Нередко возникал такой разговор.

— Самолет не поднимется из-за перегрузки,— заявлял пилот и требовал уменьшить вес багажа.

— Но чемоданы весят не больше установленной нормы,— доказывали мы.

— Зато пассажиры тяжелее обычных,— парировал пилот и бросал на нас красноречивые взгляды. (Действительно, на свое здоровье дипкурьеры не жаловались.) Наконец приходили к соглашению. С трудом «фоккеры» отрывались от земли и со скоростью, немного превышавшей скорость хорошего автомобиля, летели.

Первая авиакатастрофа, в которую я попал, произошла близ Смоленска, где предполагалась небольшая остановка. Внезапно мотор заглох, и самолет начал падать. Сначала он как бы планировал, а затем земля начала приближаться с огромной быстротой.

«Конец!» — мелькнула мысль. Потом страшный удар и тьма... Не знаю, сколько времени пролежал, прежде чем пришел в себя. С трудом повернул голову. Страшная боль во всем теле, кругом какая-то жидкая грязь. Одежда уже промокла насквозь, видимо, это и помогло быстрее очнуться.

Самолет перевернулся вверх колесами. Летчики и мои два товарища лежат, наполовину погрузившись в жидкую грязь болота. Никто не подает признаков жизни.

Пытался закричать, встать на ноги. Ничего не получается, тело налито какой-то тупой и острой болью. Особенно болела правая рука.

«Надо спасти почту», — мелькнула мысль. Откуда-то появились силы. С великим трудом, ползком, погружаясь в мутную жижу, тащу за собой чемоданы с почтой. Прополз несколько шагов. И снова потерял сознание.

...Послышались чьи-то голоса. Открыл глаза, увидел нескольких деревенских ребятишек.

— Помогите,— прошептал я.— Бегите в деревню, пусть придут взрослые.

Ребятишки убежали, видимо, поняли, что от них требовали. Послышались стоны. Это понемногу начали приходиться в себя мои спутники. Им было еще хуже, чем мне. У некоторых лица и одежда в крови. Видимо, я упал более удачно.

Прошло несколько часов. Я лежал у чемоданов, когда прибыла санитарная машина с врачом и сестрой. В нее начали укладывать пострадавших; хотели тащить и меня,

но я решительно отказался. Врач возмущался, но, видя, что меня не переубедить, оставил в покое, устроив меня на сухом месте, на одеяле и перевязав руку.

— Вызывайте самолет, — твердил я, — звоните в Москву, немедленно самолет! У меня важная почта.

Я знал, что «Дерулюфт» по договору в случае аварии обязан был предоставить другой самолет.

И действительно, к вечеру на лугу приземлился самолет. С трудом, в еще сырой одежде я втиснулся со своими чемоданами в узкую кабину. Попрыгав по кочкам, самолет оторвался от земли и взял курс на Берлин. Через некоторое время на берлинском аэродроме меня встречали сотрудники нашего полпредства. Они уже знали об аварии; приняли чемоданы и портфели с секретными документами и тотчас же отвезли в больницу. В больнице я пролежал недели три; лечили руку, да и весь я был изрядно помят. Только через месяц я смог отправиться в очередной рейс.

Несколько полетов после этой аварии прошли благополучно. Но в том же году произошла еще одна неприятность.

Получив почту и багаж в нашем берлинском полпредстве, я выехал в Кенигсберг, где должен был пересест в самолет (некоторые воздушные рейсы в СССР начинались не из Берлина, а из Кенигсберга). На аэродроме начали грузить багаж, и опять начались споры с летчиками по поводу веса багажа. Наконец взлет. Ясное безоблачное небо, безветренная погода обещали спокойный перелет. Я уже мечтал о том, как отдохну дома, как вдруг раздался какой-то треск, в моторе что-то рвануло, и он мгновенно остановился. Самолет пошел вниз. Под нами расстилался лес. Пилот, силясь предотвратить катастрофу, стал планировать прямо на верхушки деревьев, используя их как амортизаторы. Сильный удар по верхушкам сосен, и машина начала сползать боком на землю, ломая пропеллером и крыльями ветки. Уже совсем близко от земли я вывалился из кабины. Сначала даже не почувствовал боли, лишь на секунду потерял сознание, но быстро очнулся. Летчик и механик получили тяжелые ранения, два сотрудника нашего полпредства, летевшие со мной, почти не пострадали.

Уложили летчиков на брезент, кое-как перевязали; механик был тяжело ранен в голову, и, видимо, у него

был поврежден глаз. Посоветовавшись, решили отправить одного из наших сотрудников, хорошо знавшего немецкий язык, искать помощи.

Положение было трудным. Находились мы в Восточной Пруссии, упали, видимо, никем не замеченные.

Что делать? Как обеспечить сохранность диппочты и ее доставку?

Надо было ждать какого-нибудь транспорта. Сложив в кучу баулы и чемоданы, вдвоем в лесу напряженно ждали возвращения нашего посланца. Как могли, помогали раненым летчикам.

Через два дня приехал грузовик, и на нем несколько человек, в том числе и полицейский. Один из прибывших произвел отвратительное впечатление. И хотя наш посланный, конечно, никому не сказал, что в самолете был дипкурьер с почтой, этот тип ни на минуту не отходил от меня, ощупывая глазами мои баулы и мешки с сургучными печатями. Прибывшие долго выпрашивали, кто мы. Пришлось показать дипломатические паспорта, а заодно и демонстративно держать руку в кармане, где лежал пистолет.

Наконец погрузили летчиков, багаж и двинулись в Кенигсберг. Раненых оставили в ближайшей больнице. Извещенные нашей телеграммой об аварии в лесу, нас встретили на вокзале и помогли уже поездом отправиться в Москву.

СКВОЗЬ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЕ КОЛЬЦО

В конце 1931 года я получил назначение на работу в наше харбинское консульство. Туда же получила назначение и моя жена, поэтому ехали вместе. Перед самым отъездом мне передали распоряжение: по пути отвезти почту во Владивосток, после чего получить там материал для советского полпредства в Токио и доставить ее в японский порт Цуруга, где ждать дальнейших распоряжений.

В тот период атмосфера на Дальнем Востоке все более накалялась: началась японская интервенция в Маньчжурии и японские войска вплотную подошли к нашей границе с Китаем.

Сдав во Владивостоке почту и получив важный пакет, о котором меня еще предупреждали в Москве,

я вместе с женой отплыл на японском пароходе в Японию.

Наконец Цуруга. Вручили почту по назначению. Нам предложили направиться в Кобе, где мы должны были подождать двух других дипкурьеров.

Почти две недели прожили мы в городе Кобе. О Японии написаны тысячи книг, и не мне еще раз рассказывать об этой стране. Пестрые кимоно, необычная деревянная обувь, циновки на полу для сидения — даже в самых фешенебельных отелях, очень мелодичная и очень своеобразная музыка, рисовая водка саке, которую подают теплой, экзотические кушанья, даже сам способ принятия пищи — все было для нас ново и непривычно. И тут же мы видели автомобили самых современных марок, огромные пароходы, мощные паровозы.

Скоро в Кобе прибыли два дипкурьера — Силин и Андерсон, с которыми мы выехали в Дальний (Дайрен), — оттуда я с женой должны были отправиться поездом до Харбина. Любопытно, что в Дальний мы плыли на крупнейшем японском пароходе того времени, носившем название «Уссури Мару». Нам сказали, что второй такой же пароход называется «Байкал Мару». Видимо, с дальним прицелом давались эти названия японским кораблям!

Мы были рады попутчикам-дипкурьерам — это были наши друзья. Ян Силин, член партии с 1917 года, бывший латышский стрелок. Это был необыкновенно аккуратный и точный, редкой доброты человек. Очень смелый, он отличался огромной выдержкой и находчивостью. Под стать ему был и коммунист Андерсон. После революции 1905 года, разыскиваемый царскими жандармами, он эмигрировал из Латвии в Америку, где работал портовым грузчиком, а после Февральской революции возвратился в Россию. Некоторое время работал в Коминтерне. Андерсона все знали как человека железной воли и необычайной физической силы. Высокого роста, широкоплечий, он играючи, одной рукой бросал на верхнюю полку вагона тяжелые чемоданы и тюки с почтой.

Когда «Уссури Мару» вошел в Желтое море, попали в сильнейший шторм. Целые сутки качались на волнах бушевавшего моря, пока наконец вдали не показался Дальний. Управившись с делами, зашли победать в

какую-то столовую. Сидим, разговариваем между собой по-латышски в полной уверенности, что нас никто не понимает. Каково же было наше изумление, когда хозяин столовой с радостным видом приветствовал нас на латышском языке! Оказалось, что его родители были высланы в Сибирь, оттуда уехали в Маньчжурию, а затем обосновались в Дальнем. Хозяин рассказал многое о положении в Маньчжурии, на Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорогах. По его словам, бои с японцами шли вдоль дорог, поезда если и ходят, то очень нерегулярно и надо готовиться к трудной поездке.

Утром сели в поезд Южно-Маньчжурской железной дороги — отрезке КВЖД, захваченном японцами у царского правительства после русско-японской войны. Конечным пунктом ЮМЖД была станция Чаньчунь, далее на север шла Китайско-Восточная железная дорога.

В Мукдене в советском консульстве оставили часть почты и получили изрядное количество новой для Харбина и Москвы. Рано утром были в Чаньчуне. Пошли узнавать о поездах на Харбин. Ничего утешительного нет и не предвиделось. Ни одного поезда не было уже в течение многих дней.

Наконец начальник станции под большим секретом сообщил нам, что скоро до Харбина будет отправлен специальный поезд в составе трех вагонов и бронированного паровоза. Поезд пойдет под охраной большого воинского отряда и будет следовать только днем, а ночью стоять на станциях. Это было необходимо ввиду частых нападений вооруженных бандитов.

Посадка на поезд ожидалась тяжелая. На станции скопились тысячи голодных китайцев с детьми, мешками, домашним скарбом. Снова отправились к начальнику станции. «Сработала» взятка, и нас отвели к еще не поданному составу и усадили в служебное купе. (В другом купе ехали какие-то чиновники.) Не успели подать вагоны к платформе, как их начали брать приступом. Забили все коридоры, уборные, заполнили крыши и тамбуры. Все это с криком, плачем детей, руганью и драками.

Еле-еле, за двое суток, проехали сравнительно небольшое расстояние от Чаньчуня до Харбина. Часто

останавливались, чтобы поездная прислуга могла проверить путь (не разобраны ли рельсы). На второй день под вечер поезд остановился и началась стрельба. Мы видели, как охрана поезда рассыпалась в цепь, залегла в придорожном кювете и стреляла по кому-то. Мы тоже приготовили револьверы, прильнув к окнам. Пассажиры вели себя довольно спокойно. Паники не было — видимо, к стрельбе в то время привыкли. Скоро выстрелы замолкли, и поезд медленно потащился дальше.

В конце концов добрались до Харбина. Как уже было сказано, я ехал в Харбин на постоянную работу и предполагал, что распрощаюсь с беспокойной работой дилкурьера. Судьба решила иначе...

В тот период японской интервенции и полного развала китайской администрации в Маньчжурии жизнь советских людей в Харбине была чрезвычайно тревожной.

По городу рыскали японские солдаты, на улицах часто раздавалась стрельба, наших людей останавливали на улицах, обыскивали, оскорбляли. Генеральному консулу М. М. Славуцкому пришлось отдать распоряжение, запрещающее сотрудникам консульства выходить в город в одиночку, а также пользоваться такси для поездок в Старый город (Харбин делился на две части — новый, с европейскими постройками, и старый, типично китайский).

Белогвардейское охвостье, осевшее в Северном Китае и подкармливаемое интервентами, наглоело с каждым днем. Не было такой мерзости, на которую они не были бы способны, начиная от погромов до подделки документов.

Белые служили у японцев полицейскими и мелкими шпиками, служащими пограничной охраны, таможен, содержали подозрительные гостиницы, харчевни, лавчонки, издавали свои грязные газетенки, напоминавшие фашистские листки.

Они нередко организовывали бандитские нападения на советских граждан. Так, в 1926 году на станции Цзинань белогвардейцами из отряда Нечаева, находившегося на службе у милитариста Чжан Цзун-чана, были сняты с поезда и арестованы советские граждане профессор Позднеев и Маракуев, причем им угрожали расстрелом.

Только после решительного протеста Г. В. Чичерина Позднеев и Маракуев были освобождены.

Другой случай произошел с сотрудником советского торгпредства в Китае Новиковым. Новиков ехал в служебную командировку в Цицикар. В пути поезд был остановлен, и в вагон ворвалась какая-то шайка. Угрожая оружием, налетчики вывели из вагона советского дипломата и скрылись, уведя его с собой.

Узнали об этом совершенно случайно от обслуживающего персонала поезда. Заявили протест. Обратились к японскому командованию, к местным властям, в Токио. Тщетно! О Новикове не было ни слуху ни духу. Только через две недели в Цицикаре было получено анонимное письмо с требованием большого выкупа за «пленного». Пришлось пойти на это. Когда спустя почти месяц Новиков вернулся, он рассказал, что похитившая его шайка состояла из русских белогвардейцев, действовавших явно по заданиям японской разведки.

Вот в такой обстановке жили и работали в Харбине наши товарищи.

Почти все поезда, шедшие к нашей границе, обстреливались. Движение часто прерывалось. По этой причине три недели ожидали возможности выехать из Харбина дипкурьеры Силин и Руднев, хотя была крайняя необходимость возможно скорее доставить почту в Москву. А когда поездка стала возможной, неожиданно заболел Руднев, и генеральный консул, учитывая мой опыт в такого рода поездках, предложил мне вместе с Яном Силиным выехать в Москву. Пришлось вновь собираться в дорогу.

Войдя в вагон и разместившись в купе, я и Силин увидели группу белых офицеров. Они сразу заметили нас. Послышались грязная ругань, угрозы. Да и наши паспорта рассматривали с особым пристрастием, придираясь к любой мелочи — то виза не так поставлена, то еще что-нибудь.

Мы с Яном взяли себя в руки, отвечали спокойно, не поддаваясь на провокацию, но понимали, что дело может кончиться плохо. Белогвардейцы, ясное дело, поедут в этом же поезде, и от них можно ожидать всякое. Как только поезд тронулся, мы заперли двери нашего купе, забаррикадировали ее корзинами, в которые была упакована почта. Сидели с маузерами наготове.

Начало вечереть. Вдруг стук в дверь и требование на русском языке:

— Открыть двери, будет проверка паспортов!

Мы переглянулись.

— Двери не откроем,— говорим,— паспорта наши проверены, если будете ломиться, предупреждаем: будем стрелять.

В ответ ругань и угрозы. И слышим — не отходят. Наконец поезд подошел к Цицикару. В вагон вошли наш консул и несколько его сотрудников. Тревожно спрашивают: все ли благополучно? Поняв, что по линии пошло предупреждение о нашей поездке, офицеры быстро ретировались.

Зная, однако, что они могут вернуться, мы, как только отъехали от станции, снова закрылись в купе.

Действительно, вскоре снова раздался стук, требование открыть дверь, брань. Мы дослали патрон в ствол пистолета, да так, чтобы этот звук был слышен в коридоре, и объявили: если не будут прекращены угрозы, откроем огонь. В коридоре стали совещаться... Бандиты явно не решались начинать нападение, хотя нас было всего двое, а их человек шесть-семь. Они боялись. Слышали, наверное, кое-что о советских дипкурьерах, понимали, что у нас не дрогнет рука для отпора тем, кто силой захочет ворваться в наше купе.

Беяки долго топтались в коридоре, пока поезд не пошел по стрелкам очередной станции. Там «осада» нашего купе была снята.

Скоро поезд подошел к нашей границе, и мы облегченно вздохнули. Нервов такое путешествие стоило немало.

* *
*

Получив в нашем полпредстве в Пекине почту, я должен был срочно выехать в Москву. Маршрут и способ поездки предстояло выбрать самому, смотря по обстоятельствам, ибо никакого твердого плана составить заранее было невозможно.

По всему Северному Китаю шли бои между кликами милитаристов: мукденской и чжилийской. Каждая из них насчитывала по 150—200 тысяч штыков, держала под своим контролем обширные территории и хозяйни-

чала на транспорте. Пассажирское движение на многих линиях было прервано. Одичавшие шайки белогвардейцев грабили всех и вся.

Почта состояла из двух небольших чемоданов, а в день отъезда мне вручили несколько секретных пакетов, которые я запрятал под одежду. Учитывая обстановку, мне выделили сопровождающего — сотрудника полпредства. У нас, конечно, были пистолеты, хотя это имело в обстановке дикого разгула вооруженных до зубов банд почти что символическое значение.

Погрузились на поезд и медленно двинулись в сторону Харбина.

Не доезжая до Тяньцзиня, поезд остановился. Проводник, пожилой китаец, относившийся к нам с большим вниманием и заботой, побежал узнавать, в чем дело. Вернулся опечаленный:

— Нет дальше дороги. Недавно взорвали мост...

Что делать? Поразумав, проводник посоветовал либо вернуться в Пекин, либо попытаться как-нибудь переправиться на другой берег реки на лодке, а дальше видно будет, может быть, по ту сторону поезда ходят.

Выбрали последнее, ибо время торопило.

С помощью рикш доехали до пристани. Уже темно. Река довольно широкая, и противоположного берега почти не было видно. На берегу у костра сидело несколько рыбаков.

Мы подошли. Люди смотрели на нас с опаской, все они были запуганы до предела. Сначала никто не соглашался перевезти нас на тот берег. Китайцы пугливо озирались по сторонам. Наконец один подошел и молча потянул за собой.

У берега увидели небольшую джонку. В ней был какой-то хлам и сети. Медленно отплыли. Китаец греб, чуть опуская весла в воду. Видимо, боялся шума. По дороге кое-как разговорились. Мы сказали, что нам очень нужно в Москву, в Россию, и, когда он это услышал, как-то подобрел, удовлетворенно закивал головой.

Неожиданно с берега, откуда мы только отчалили, раздался выстрел, потом другой. Над головой засвистели пули. Видимо, нас заметили и, увидев свет фонаря на носу лодки, открыли стрельбу.

Китаец упал на дно лодки и велел сделать это и нам. Затем дал понять — если джонка станет тонуть, нужно

броситься в воду и как можно быстрее плыть на противоположный берег. Иначе плохо, совсем плохо будет.

В полной тьме мы тихо плыли по середине реки. Скоро почувствовали: в лодке прибывает вода. Наверное, в борт попала пуля. Нашупали, заткнули дыру и начали осторожно вычерпывать воду. Старались не шуметь. Чемоданы держали на весу, чтобы не подмочить почту.

Стало совсем темно. Кое-где на берегу светились огоньки. Одни в чужой стране... Если что случится с нами, никто и не узнает...

Наконец джонка ткнулась в берег. Заскрежетала по камням. Где мы? Было тревожно. Откуда-то доносился собачий лай. Надо было ждать рассвета.

Едва стало светать, расплатились за перевоз. Деньги китаец взял как-то нехотя. Он к этому времени явно повеселел, старался всячески выказать свое доброе отношение к нам. Очевидно, мы ему понравились чем-то. Собираясь уходить, мы спросили его: почему все-таки он повез нас, ведь это могло обернуться для него бедой? Он улыбнулся:

— Вы,— он ткнул в нас пальцем,— Ленин.

— Я,— он ткнул себя в грудь,— Сунь Ят-сен. Мы друзья!

Кто знает, может быть, дошли какими-то путями до бедного рыбака вести о том, что подписан советско-китайский договор. Первый равноправный договор в истории Китая, ограбленного и истерзанного капиталистическими хищниками! Слышал этот китаец и о великом друге всех угнетенных, жившем в Москве...

Растроганные, мы горячо простились, крепко пожалв друг другу руки. Радостно было встретить такого человека! Скоро наш перевозчик поплыл обратно и исчез из виду, а мы направились в поселок, дорогу к которому он указал.

Много было еще всяких передраг, пока не прорвались в Харбин, но теплые слова простого китайца запомнились мне на всю жизнь. Когда мы ночью плыли в джонке вдвоем с товарищем по чужой огромной стране, нам казалось, что мы одиноки, а в действительности и там, как и везде в мире, у нас были и есть друзья, друзья Ленина, Советской России, искренние, бескорыстные друзья.

ИСПАНИЯ, БИЛЬБАО...

1936 год... Гражданская война в Испании, начатая силами реакции против республиканского правительства, разгоралась. Германско-итальянская интервенция при попустительстве правящих кругов других крупнейших капиталистических стран принимала все большие масштабы. Шла борьба не на жизнь, а на смерть между демократией и фашизмом.

Тысячи добровольцев всякими путями устремились в Испанию на помощь испанским трудящимся в их справедливой борьбе. В те дни и я попросил направить меня на работу в Испанию. Со мной согласились.

И вот в сентябре 1936 года вместе с некоторыми сотрудниками Наркоминдела, и в том числе с одним из советников испанского республиканского правительства товарищем Тумановым, я выехал в Испанию. Туманов — активный участник гражданской войны, командовал тогда дивизией, был награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени и золотым оружием.

Труден и сложен был путь в Испанию. Сначала Германия, а затем Париж и Барселона. В Барселоне на каком-то допотопном моноплане, делавшем не более 150—170 километров в час, вылетели в Мадрид, где находилось командование республиканскими войсками и где было в то время наше полпредство.

Летели вдоль побережья Средиземного моря. Пилот зорко следил за небом: германские и итальянские военные самолеты, непрерывно прибывавшие к мятежникам, усиливали воздушную блокаду республики.

Когда уже подлетали к Мадриду, нам неожиданно сообщили, что Мадридский аэродром несколько часов назад разрушен фашистской авиацией. Гитлер наращивал свои силы в Испании. Боевая эскадрилья немцев «Кондор» вместе с военными самолетами Муссолини в тот период господствовала в воздухе. Пришлось добираться в испанскую столицу кружным путем.

Как-то вскоре после нашего приезда в Мадрид в воздухе появились республиканские истребители с нашими летчиками-добровольцами. Наши «ястребки» устремились навстречу вражеским бомбардировщикам. Бой был очень коротким, но убедительным. Несколько итало-немецких стервятников запылали, другие повернули

назад. Надо было видеть радость испанцев, наблюдавших все это!

В Мадриде встретился с чудесным писателем Мате Залкой (одно время работавшим у нас дипкурьером), впрочем, здесь это был не писатель, а воин — знаменитый генерал Лукач, как теперь звали Залку, командира одной из прославленных интернациональных бригад. Но и обремененный многими ратными делами, он оставался таким же внимательным и добрым, как прежде.

В Мадриде мы пробыли недолго. Через несколько дней после встречи с генеральным секретарем Компартии Испании товарищем Хосе Диасом отправились к месту назначения в город Бильбао, столицу Страны Басков на севере Испании.

Замечательный советский журналист Михаил Кольцов так описывает свои впечатления об этом городе: «...странный, непохожий ни на что город. Менее всего похож на испанские города. Здесь нет ни кричащего щегольства американизированных небоскребов Мадрида и Валенсии, ни кричащей бедности их рабочих кварталов. Все краски притушены, все выкрашено в черном и темно-сером цветах».

Город действительно был скорее похож на старый английский портовый город с огромной гаванью, длинными причалами, десятками пароходов, рабочих судов, подъемных кранов и высокими заводскими трубами. Но все это в те дни было мертво.

В Бильбао у нас много дел. Последнее время здесь стали причаливать наши пароходы. Блокада средиземноморских берегов Испании, которую осуществлял фашистский флот, делала все более затруднительным пользование южными портами. Но и здесь, в Бискайском заливе, все чаще и чаще стали появляться фашистские сторожевые суда и летать вражеские самолеты.

...Ожидали прибытия в Бильбао трех наших пароходов — «Жана Жореса», «Смидовича» и «Ижоры», которые везли очень нужные для республиканцев грузы, в том числе продовольствие и вооружение. Решили, несмотря на беспокойное море, на катере выйти им навстречу. Долго болтались на сильной волне, ожидая, что покажутся наши пароходы — посланники Советской страны, но так и не дождались. Вернулись в порт.

Через некоторое время с большим опозданием пока-

залась «Ижора». Бросились к капитану. Он рассказал, что недалеко от входа в порт советские суда были встречены вражескими миноносцами и катерами. Фашисты начали обстрел пароходов, но «Ижоре» с большим трудом все же удалось пробиться в Бильбао. «Жан Жорес» пробиться сквозь огонь не смог, и судно повернуло обратно. Что со «Смидовичем» — неизвестно, но позднее выяснилось, что пароход был захвачен фашистами, команда попала во франкистские застенки, где долго подвергалась побоям и издевательствам.

Как-то в Бильбао неожиданно прилетел Михаил Кольцов. Нужно сказать, что не было в борющейся Испании ни одного уголка, в котором бы он не побывал. Особенно там, где было «горячо». Он часто лез в самое пекло, хотя нельзя сказать, что он легкомысленно относился к опасности. Нет, он опасность ясно видел и не бравировал ею. Но он был журналистом до мозга костей. Предельно ответственный перед газетой и ее читателями, он должен был сам лично видеть все — и хорошее, и плохое. Кольцов знакомился с военной обстановкой, побывал у руководителей баскского правительства и его президента и очень возмущался состоянием снабжения северных районов.

Из Бильбао М. Е. Кольцов должен был лететь в Тулузу. Я сопровождал его до аэродрома, если так можно назвать кусок морского пляжа, откуда только по великой нужде, и то на небольшом самолете, можно взлететь.

В тот день в Тулузу вылетали два самолета. Кольцов собирался лететь вторым, под вечер. А первым, днем, летел один из его коллег, которому Михаил Ефимович передал даже свой чемодан для доставки в город, где оба должны были встретиться. Но с первым самолетом стряслась беда. Не успел он взлететь, как сразу остановились оба мотора, и самолет рухнул в воду. К счастью, в заливе было много рыбаков, с помощью которых мы кое-как перетянули и пассажиров, и сам самолет к берегу, спасли даже чемодан Кольцова. Причиной катастрофы, как выяснилось, была фашистская диверсия. Неизвестные при заправке самолета горючим высыпали в бензин сахар, который спустя некоторое время и закупорил какие-то клапаны в моторе. Вечером Кольцов благополучно улетел на другом самолете.

Приезжал в Бильбао и И. Г. Эренбург, специальный корреспондент газеты «Известия». Он подробно рассказывал о положении на фронтах, о мужестве и героизме советских добровольцев. Так же как и Кольцов, Илья Эренбург хотел быть всегда в самой гуще событий.

...Положение в Бильбао становилось день ото дня все более напряженным. Интервенты решили во что бы то ни стало покончить с сопротивлением на этом участке фронта.

На небольшом клочке земли, окруженном мятежниками, создалась сложная военная и политическая обстановка. Особенно опасно было царившее в тылу и на фронте многовластие. С одной стороны, автономное правительство страны басков, руководимое правыми националистами. Оно находилось в Бильбао. С другой — хунта¹ обороны в Сантандере, руководимая социалистами, и, наконец, органы власти севера Астурии, руководимые блоком социалистов и коммунистов.

В каждом из этих районов выпускались даже свои собственные деньги, а в приморском городе Хихоне, решив, что деньги — это зло, их совсем изъяли, и все расчёты производились бонами через банк. Дело дошло до того, что между всеми этими районами были установлены пограничные линии со своими таможенными. Народная милиция комплектовалась по партийной принадлежности. Каждая партия имела свои боевые части (батальоны), которые выполняли приказы только своей партии, и даже после создания единого штаба Северного фронта эти батальоны нередко отказывались выполнять его приказы.

В такой обстановке мятежники, получив крупные подкрепления, начали сжимать кольцо окружения. Баски дрались упорно.

Но все тяжелее становилось продовольственное положение; не хватало топлива для заводов, одежды, теплого белья. И самое главное — чувствовался большой недостаток оружия и боеприпасов.

В те тревожные дни я получил задание срочно выехать в Париж и доставить туда почту. Нужно было

¹ Хунта — совет (исп.).

лететь самолетом до Тулузы, а от Тулузы ехать экспрес-сом до Парижа. Поездка имела важное значение.

Для полета был предоставлен оказавшийся в нали-чии спортивный самолет, ничего лучшего за недостат-ком времени не нашли. Пилотом был молодой француз-ский летчик, чудесный парень, сам родом из Тулузы.

В день отлета погода стояла отвратительная. Дул сильный и холодный северный ветер, хлестал дождь. Ви-димости почти никакой.

Взлетели благополучно. Но как только самолет, про-бив облачность, поднялся выше, нас заметил фашист-ский истребитель и пошел навстречу. Боя с истребителем мы, конечно, принять не могли, и мой француз, быстро сориентировавшись, пошел вниз, снова вошел в облака, и фашист потерял нас из виду.

Через пару часов благополучно сели на тулузском аэродроме. В Тулузе пересадка на парижский экспресс. По прибытии сдал почту и подробно информировал о событиях на севере Испании. В те дни республиканские войска ожидали закупленные во Франции самолеты. Их долго не отправляли. Как выяснилось потом, самолеты были задержаны по распоряжению тогдашнего премьера Франции социалиста Леона Блюма. Запрещена была до-ставка не только самолетов, но и другого вооружения и даже автомобилей. Так французские и английские со-циалисты проводили политику «невмешательства», фак-тически помогая Гитлеру и Муссолини душить Испан-скую республику.

Обратный полет в Бильбао был столь же рискован-ным. К счастью, опять было облачно; временами летели в какой-то серой вате. Неподалеку ревели вражеские самолеты. Одному богу ведомо, каким образом летчик долетел до Бильбао и посадил машину на тот же пляж, служивший временно посадочной площадкой. Сели почти в полной темноте, как говорится, на ощупь.

За участие в защите Испанской республики Совет-ское правительство наградило меня орденом Красного Знамени.

ПО ЕВРОПЕ И АЗИИ С ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЧТОЙ

•
О. Х. ГЕРМАН

До революции я довольно долго жил в Англии.

Мои родители выехали из Польши в эту страну еще в начале двадцатого века. Несколько близких родственников отца участвовали в польском революционном движении. Мать моя рассказывала, что в свое время один из двоюродных братьев отца, будучи членом боевой дружины, устранил опасного провокатора, выдавшего царскому правительству нескольких революционеров, и был после этого вынужден эмигрировать за границу. Отцу, сочувствовавшему польскому освободительному движению и ненавидевшему царское самодержавие, также пришлось эмигрировать в Англию.

НЕМНОГО О Г. В. ЧИЧЕРИНЕ

Революционно настроенные, мои родители всегда считали, что царское правительство в такой же мере является врагом русского народа, как и польского, и поэтому, попав в Англию, они стали общаться с русскими революционными эмигрантами и английскими социалистами.

Дома я часто слышал их разговоры о революции, о социализме, о борьбе с царизмом. И не случайно уже семнадцатилетним юношей я сблизился в 1912 году с социалистическим движением и стал членом Британской социалистической партии, выступавшей тогда против войны.

В Англии вообще, а в Лондоне в особенности, в период первой мировой войны русская эмигрантская колония была довольно многочисленной. В ней находились представители самых разнообразных течений и групп.

И вот из ряда эмигрантов, стоявших на интернационалистских позициях, была создана антимилиитаристская группа, собравшая большое количество сочувствующих. Секретарем группы был выбран Георгий Васильевич Чичерин, эмигрировавший в свое время в Германию, а в те годы проживавший в Англии.

Я познакомился с Г. В. Чичериным в 1915 году. Помню, как каждую субботу для членов нашей группы Чичерин делал обзор международных событий. Его часто можно было встретить в клубе, членами которого состояли многие русские эмигранты, жившие в Лондоне.

Собирались обычно в столовой клуба. Нужно сказать, что Чичерин пользовался среди русской колонии большим уважением, он был человеком общительным и дружелюбным; в столовой часто подолгу беседовал с эмигрантами, расспрашивал об их материальном положении, о работе, настроениях. Г. В. Чичерин производил впечатление человека болезненного, и действительно много болел, его часто мучила простуда. Возможно, сырой лондонский климат обострял заболевание. Георгий Васильевич постоянно укутывал шею теплым шарфом, носил зонт, а также маленький, переполненный всевозможными бумагами чемодан. Рукописями, газетами были набиты все его карманы. Говорил он очень тонким, певучим голосом.

Помимо связей с русскими эмигрантами Чичерин был в постоянном контакте и с британскими прогрессивными организациями. Он нередко бывал у англичанки Бриджес-Адамс. Бриджес-Адамс после Февральской революции выступала в печати, на митингах, собраниях с горячей поддержкой революции в России. Она с большой симпатией относилась к жившим в Лондоне русским революционерам, которые широко пользовались гостеприимством этой передовой женщины. Бриджес-Адамс охотно предоставляла свой дом для встреч эмигрантов.

Однажды в мае 1917 года большевикам-эмигрантам необходимо было собраться на совещание. Место встречи было, как обычно, назначено в доме Бриджес-Адамс. Однако Скотленд-ярд (сыскная полиция) узнал об этой встрече, и его агенты устроили засаду.

Устроители собрания предвидели такую возмож-

ность. Решили послать кого-то на разведку. Тот позвонил. Двери открыл человек, который представился как знакомый мисс Бриджес. Но так как было условлено, что дверь должна была открыть сама хозяйка, то посланный понял, что дело пахнет провалом, войти в дом вежливо отказался, пообещав зайти позднее.

Немедленно были приняты все меры к тому, чтобы оповестить тех, кто уже подходил к дому, и отменить совещание. Западня, устроенная английской полицией, не сработала.

После Февральской революции в Лондоне была образована российская делегатская комиссия для содействия возвращению политэмигрантов на родину. Г. В. Чичерин вошел в нее как представитель социал-демократов. Летом 1917 года английская полиция устроила налет на помещение комиссии, арестовала несколько активных ее членов и выслала их из страны. Долго англичане следили и за Чичериным, зная о его связях с большевиками, и в конце концов арестовали.

Предвидя арест, Чичерин пришел как-то утром в группу попрощаться. Он сказал, как мне помнится, следующее:

— Дорогие товарищи! Я выступаю перед вами здесь, вероятно, в последний раз... Многие из вас скоро поедут в Россию, будут принимать непосредственное участие в строительстве свободной страны. Я очень мечтаю и надеюсь, что Ленин и его друзья сумеют взять в свои руки власть в России. Тогда Россия пойдет наконец по правильному пути...

При первых вестях об Октябрьской революции мы стали рваться в Россию. Мне удалось получить необходимые документы, и я вскоре выехал в Россию, где по приезде в ноябре 1917 года вступил в Коммунистическую партию.

В январе 1918 года Г. В. Чичерина по настоятельному требованию Советского правительства освобождают из тюрьмы, и он возвращается на родину. (Г. В. Чичерина обменяли на Бьюкенена, английского посла в царской России.)

Вскоре его назначают заместителем наркома, а затем и наркомом по иностранным делам. Георгий Васильевич великолепно подходил для такого поста. Это был человек большой культуры, энциклопедически образован-

ный, свободно владел многими европейскими и восточными языками.

Свою знаменитую речь на Генуэзской конференции Чичерин произнес на великолепном французском языке, лишь изредка заглядывая в лежащий перед ним печатный текст, а затем повторил речь по-английски.

Чичерин обладал исключительной памятью, он помнил тысячи имен и событий, которые мало кто знал, кроме него. Особенно хорошо Чичерин знал историю, и в частности историю дипломатии. Был большим знатоком Востока. Пожалуй, никто, как он, не знал всех тонкостей протокола и специфических титулов мусульманского духовенства и глав мусульманских государств и всегда сам диктовал обращения к ним в подобающей форме.

Характерны для Г. В. Чичерина были скромность, теплое, дружелюбное отношение к товарищам по работе, независимо от положения, которое они занимали. Нарком мог просто зайти в караульное помещение, чтобы поговорить по душам с красноармейцами, расспросить их о караульной службе, о домашних делах, о родителях.

Его интересовало, как кормят красноармейцев, он пробовал их борщ и кашу. Все, несшие караульную службу, хорошо знали Георгия Васильевича и очень любили его. Часто можно было видеть Чичерина, одетого в почетную красноармейскую форму, беседующим с дипломатами.

В аппарате, возглавляемом Чичериным, я и начал свою работу дипкурьера.

С ДИППОЧТОЙ ПО ЕВРОПЕ И АЗИИ

В течение нескольких лет, работая дипкурьером, я бывал в десятках стран.

Вспоминаю поездку с почтой в Термез, город на границе с Афганистаном, где было представительство НКВД. Сейчас от Ташкента до Термеза, даже если не лететь на самолете, а ехать поездом, всего несколько часов езды. Не то было тогда.

О «быстроте» тогдашнего способа передвижения говорит хотя бы то, что от города Кирки до Термеза мы ехали на арбе, сопровождаемой вооруженными красноармейцами, восемь суток. На дороге бесчинствовали бас-

мачи. Каждый пост передавал соседнему о нашем выезде, и тот, куда мы направлялись, встречал нас по дороге. И несмотря на такие предосторожности, на один из пограничных постов напали басмачи, и в завязавшей перестрелке были убиты два красноармейца. Доставив почту в Термез, мы тем же порядком вернулись в Ташкент.

Подобный способ доставки дипломатической почты сейчас, в век скоростных реактивных лайнеров, выглядит, конечно, анахронизмом. Но многие годы он был единственным для нас, возивших почту в Афганистан, Иран или Турцию (Анкару).

Легче в смысле передвижения как такового, но труднее в смысле возможностей провокаций были поездки по европейским странам.

Вспоминаются разные случаи.

Первый раз я прибыл в Грецию вскоре после установления с этой страной дипломатических отношений. Почту везли вдвоем — со мной был дипкурьер, ныне покойный товарищ Сойфер, старый большевик, долго живший в эмиграции. Доехали благополучно, сдали почту и пошли посмотреть столицу древней Эллады, которую ни я, ни Сойфер прежде не видели. Хотелось побывать в Акрополе, посмотреть Парфенон и другие знаменитые памятники искусства античного мира.

Только вышли из полпредства, как за нами сразу же увязался какой-то тип, очень напоминавший знаменитые «гороховые пальто» царской охраны. (Такой слежки за нами и нашими работниками, как в Греции, не было, пожалуй, ни в одной стране.)

Мы зашли в какой-то магазин, шпик, как и следовало ожидать, остановился у витрины, наблюдая за нами через окно. Надоел он нам страшно. Выходим обратно, и, идя прямо на него, я по-английски спрашиваю, где в Афинах можно хорошо поужинать. Он что-то пробурчал и шарахнулся в сторону. Больше мы его не видели. Как будто бы все на этом и кончилось.

Каково же было наше удивление, когда на следующий день в полпредстве мы прочли в утренних газетах корреспонденцию, в которой описывалось, как некие «советские агенты» ходили по улицам греческой столицы и вели беседы с ее жителями, чуть ли не призывая к свержению королевской власти!

Когда мы рассказали нашему полпреду товарищу Устинову о том, что вчера произошло в действительности, он заявил греческим властям решительный протест против антисоветских инсинуаций в прессе.

Впрочем, любых неприятностей можно было ожидать и в других капиталистических странах.

Вспоминается случай, который произошел году в 1925-м при переезде советско-польской границы. Это было возле польской пограничной станции Здолбуново (рядом с нашей пограничной станцией Негорелое).

Я и дипкурьер товарищ Скурко везли диппочту в Варшаву. В дорогу прихватили кое-какую снедь (чтобы без крайней необходимости не ходить в вагон-ресторан), взяли и небольшую коробочку зернистой икры. Часть ее съели, часть оставили на следующий раз.

Начался досмотр. Таможенный чиновник, прекрасно зная, кто мы, все же задает стереотипный вопрос:

— Что у вас есть в багаже, подлежащее таможенному обложению?

— Нет ничего. Вот разве полбаночки икры,— ответили мы с улыбкой.

Формально таможенному досмотру не подлежит только официальный дипломатический багаж, опечатанный печатями и внесенный в дипкурьерский лист. На личные вещи курьеров это правило не распространяется, но мы не знали случая, чтобы осматривали личные вещи дипкурьеров.

Однако польский таможенник вдруг решительно заявил, что провоз икры подлежит таможенному обложению.

— Ну, это ваше дело,— сказал я.— Вам виднее, но едва ли это можно считать дружественным актом. Ведь и ваши дипкурьеры приезжают в нашу страну.

Таможенник замаялся и исчез. Видимо, мои слова подействовали. Но, разумеется, такое «внимание» к нам со стороны чиновников и полицейских было делом постоянным и порой порядком отравляло нашу жизнь.

Правда, иногда случались вещи неожиданные не только для нас. Возвращаясь как-то из поездки в Лондон, нам рассказали, что на днях на станции Негорелое произошла такая история. При пересадке из вагона западноевропейской колеи в наш вагон носильщик, несший личный багаж польских дипкурьеров в таможенный зал,

случайно уронил на бетонный пол деревянный аккуратный ящик. Ящик разбился, и из него посыпались... дамские чулки, тубики губной помады, пудра и прочая парфюмерия.

В этот момент в зале находился начальник пограничной охраны. Он видел все это, и ему ничего не оставалось, как сказать польскому дипкурьеру:

— Ай-ай-ай, как все это неприятно... Поверьте, я бы хотел избежать гласности, но служба есть служба. Придется составить акт...

Акт был составлен с перечислением всего, что было в разбитом ящике.

Да, здесь уже речь шла совсем не о таможенном сборе за полкоробочки зернистой икры...

НАЛЕТ НА СОВЕТСКОЕ ПОЛПРЕДСТВО В ПЕКИНЕ

В апреле 1927 года я со своим напарником дипкурьером Шкуриным прибыл из Москвы в Пекин.

Шкурин, член партии с 1908 года, был человеком необычайной смелости, в гражданскую войну он командовал полком и был удостоен редкой тогда награды — ордена Боевого Красного Знамени.

Когда мы выезжали в Пекин, нас предупреждали об очень тревожной обстановке, которая к тому времени складывалась в Китае вообще и в Пекине в частности.

Подготовка империалистических держав к новому наступлению на Советский Союз проводилась не только на европейских границах нашей страны, но и со стороны Китая и Японии.

Чжан Цзо-лин, Чжан Цзун-чан и другие милитаристы устраивали одну антисоветскую провокацию за другой. В феврале 1927 года, то есть за два месяца до нашего приезда в Пекин, на реке Янцзы китайскими властями был захвачен наш торговый пароход «Память Ленина», на котором находились советские дипкурьеры товарищи Крилл и Грейбус. Они были сняты с парохода и брошены в тюрьму. А затем была арестована и вся команда парохода. Этот пиратский налет был совершен бандитами Чжан Цзо-лина по прямой указке империалистов. В самом Пекине шла непрерывная охота за коммунистами и всеми, кто сочувствовал Советскому Союзу.

Наше консульство в Харбине вновь предупредило нас о возможных эксцессах и даже прикомандировало к нам своего сотрудника, чтобы сопровождать до Пекина.

Положение действительно было тревожным, и мы это почувствовали в нашем полпредстве. Многие служащие-китайцы подслушивали телефонные разговоры, рылись в бумагах, подсматривали за всем персоналом. Видя всю эту подозрительную возню, наши товарищи установили круглосуточное дежурство у ворот полпредства, в помещении канцелярии и т. д.

— Как видите, готовится что-то нехорошее, — сказали нам сотрудники, — будьте начеку.

А 6 апреля полпредство подверглось налету — пожалуй, беспрецедентной по своей наглости провокации.

Утром у главных ворот послышались шум, крики и во двор ворвался отряд вооруженных винтовками полицейских и солдат в количестве примерно ста человек и сразу же захватил все входы и выходы. Большая группа военных окружила территорию, занимаемую полпредством.

Находящееся на территории так называемого посольского квартала советское полпредство состоит из нескольких помещений. Это главное здание, находящееся в глубине небольшого парка, канцелярии полпредства, канцелярии военного атташе и другие. Тут же расположены здания, в которых ранее находились казармы отряда казаков.

Недалеко от советской, в том же посольском квартале, находятся миссии: японская, английская, американская и другие. Все они, кроме нашего полпредства, охранялись своими вооруженными отрядами. Советское правительство, как известно, отказалось от права иметь при полпредстве свой вооруженный отряд, считая это несовместимым с принципами равноправия и национального суверенитета Китая.

...Как только налетчики ворвались на территорию советского полпредства, часть солдат и полицейских бросились в помещение, занимаемое военным атташе, другие — в казармы, где размещались некоторые хозяйственные отделы. Главное здание полпредства оставалось незанятым.

Ворвавшись в дома, где жили сотрудники полпредства и других советских учреждений, солдаты и поли-

цейские стали «арестовывать» советских людей. Подталкивая прикладами, их загоняли в закрытые автомобили и куда-то увозили. Несмотря на решительные протесты работников полпредства, почти по всем помещениям были учинены обыски. Особенно бесчинствовали в здании, где размещались библиотека и клуб сотрудников полпредства. Эти помещения были совершенно разгромлены.

Налетчики не ограничились погромом, грабежом и арестами. Дело дошло до того, что некоторые помещения, в том числе и то, где разместился аппарат военного атташе, были подожжены. Причем, как все видели, делалось это по единому, продуманному плану, под руководством специально выделенных людей. Не было никакого сомнения: налет был тщательно подготовлен. И это преступление совершалось по отношению к тому государству, которое по-братски протянуло Китаю руку дружбы и помощи!

Поверенный в делах СССР в Пекине А. С. Черных пытался немедленно соединиться с министерством иностранных дел Китая, чтобы потребовать прекращения беззакония, но связи с внешним миром не было. Невозможно было послать и телеграмму в Москву.

Впоследствии оказалось, что о налете знали голландский, американский, английский и другие послы, но они пальцем о палец не ударили, чтобы удержать распоясавшихся налетчиков.

Солдатня и полицейские не покидали территории полпредства в течение нескольких дней, продолжая чинить насилия и погром.

Мы готовились в случае, если бандиты ворвутся в главное здание полпредства, дать им бой, но они не посмели этого сделать. Через несколько дней с огромными трудностями мы выехали обратно в Москву.

МАТЕ ЗАЛКА — ДИПКУРЬЕР

В. С. БАУМАН

В 1923—1924 годах начался период значительного расширения внешних связей молодого Советского государства. Правительства многих стран, в том числе таких, как Германия, Англия, Франция, одно за другим стали признавать наше правительство де-юре. Увеличивалось число советских дипломатических и торговых представительств в капиталистическом мире, росло и число дипломатических курьеров, необходимых для поддержания постоянных связей с заграничным аппаратом НКВД.

В те годы я работала в отделе дипкурьеров и виз Наркоминдела. Знала многих курьеров лично, не раз слышала рассказы об их приключениях, о попытках империалистической агентуры силой или хитростью завладеть дипломатической почтой, скомпрометировать наших людей.

Как-то в один из зимних дней 1923 года к нам в отдел дипкурьеров и виз вошел молодой черноволосый человек. Он был прилично одет, подтянут, вежливо поздоровался со всеми. Говорил с сильным иностранным акцентом, и все сначала решили, что ему нужна какая-нибудь виза. Поискав глазами, он подошел ко мне (я сидела за единственным более или менее порядочным письменным столом) и сказал:

— Я назначен дипкурьером. Мне сказали, что нужно заполнить анкету для паспорта. Это у вас?

— Садитесь. Заведующего отделом сейчас нет, придется подождать...

Вошедший кивнул головой, но не сел, а стал внимательно разглядывать нашу скудно обставленную комнату с обшарпанными столами, за которыми дипкурьеры,

возвращаясь из очередного рейса, писали свои отчеты и между делом оставляли на ободранной бумаге столов свои автографы и рисунки. Тут же оформлялись поездки, упаковывалась почта.

Молодой человек долго смотрел в окно на оживленный Кузнецкий мост, на витрины и вывески вновь открытых магазинов, извозчиков и вечно куда-то спешащих москвичей, на стоявшую напротив здания НКВД церковку (тогда она еще не была снесена).

Много интересных людей, получавших заграничные паспорта, перебивало в этой комнате. Бывали здесь и Сергей Есенин, и Владимир Маяковский, и жена Горького Е. Пешкова, работавшая представителем нашего Красного Креста, и многие другие.

Заполняя анкету, незнакомец написал в первой графе свое имя — Мате Залка. Решив, что это имя может ввести в заблуждение наших пограничников и дать повод для ненужных разговоров при получении виз, я спросила нового дипкурьера:

— Вы не возражаете, если мы выпишем вам паспорт на Матвея Залку и на это имя будем запрашивать визы?

— О, пожалуйста. Это даже и для меня будет лучше, — улыбнулся он.

Так и сделали — выписали паспорт на имя Матвея Залка.

А он понемногу разговорился, рассказал кое-что о себе.

В первую мировую войну Мате Залка был офицером австро-венгерской армии. В 1916 году, будучи раненным на русском фронте, попал в лагерь для военнопленных под Хабаровском. Внимательно приглядывался к жизни доселе неведомой ему страны. Немного выучил русский язык. Позже узнал о русской революции, о большевиках, о декретах о земле и мире. О том, что народ России решил навсегда покончить с беспорядком и произволом. Это заставляло сравнивать, размышлять... Постепенно Залка увлекся великим учением Ленина и начал знакомить с этими идеями своих товарищей.

В 1918 году Мате Залка присоединился к первым формируемым отрядам Красной Армии. Здесь началась его вторая жизнь — жизнь бойца революции. В боях с белыми под Омском Мате Залка попадает в плен к врагу. Ему удастся бежать и перейти к партизанам, действовав-

шим в тылу у Колчака. После разгрома Колчака Мате Залка сражается на юге страны против врангелевских войск. В тяжелых боях под Перекопом он, тогда уже командир полка, был награжден орденом Боевого Красного Знамени и почетным оружием. После нападения на нашу страну белополяков Залка снова на фронте, на этот раз на Западном, воюет против панской Польши...

Все это мы узнали от него самого. Говорил он спокойно, с легкой иронией. (Лишь много времени спустя я познакомилась с его волнующими рассказами, такими, как «Ходя», «Кавалерийский рейд», «Бессмертие», темы которых были навеяны службой в Красной Армии.) И вот теперь этот молодой венгр, красный командир и коммунист, получил назначение на дипкурьерскую работу.

К службе в Наркоминделе Мате Залка относился чрезвычайно серьезно. Он попросил снабдить его всеми служебными инструкциями и положениями о работе дипкурьеров. Очень внимательно все перечитал, затем подробно расспрашивал более опытных коллег об особенностях поездок в ту или иную страну, порядке переезда через границу, поведении курьера в том или ином случае и прочем. В общем по-настоящему старался освоить новое для него дело.

А через некоторое время М. Залка поехал в свой первый рейс — в Эстонию, а затем — в Финляндию.

В те годы империалистические державы пытались создать вокруг Советской России так называемый «санитарный кордон» (уж очень они боялись, что к ним перекинется коммунистическая «зараза») и густо нашпиговали этот «кордон», состоявший из прибалтийских государств, Румынии и Польши, самым отвязанным антисоветским сбродом. Это делало работу курьеров особенно сложной и опасной.

Мате Залка, по рассказам дипкурьеров, ездивших с ним, был чрезвычайно хладнокровен, умел держать себя в руках при любых обстоятельствах, складывавшихся иной раз в поездках и переездах через границу. А по возвращении он с какой-то особенной, ясной улыбкой рассказывал о своих приключениях. Было любо слушать этого скромного и отважного человека.

После нескольких поездок в соседние страны, когда он хорошо освоил дипкурьерскую службу, маршруты

М. Залки удлинились. Вскоре он отправился в Стамбул. Уезжая в Турцию, Залка знал, что, несмотря на недавнее окончание греко-турецкой войны, рейс мог оказаться тяжелым, чреватым всякими случайностями, и просил помочь его жене, если она обратится с какой-нибудь просьбой. Но, к счастью, все обошлось благополучно.

После возвращения из рейса Мате Залка сдавал отчеты и докладные, в которых описывал свои поездки и впечатления от них. Я невольно заметила, что его отчеты чрезвычайно интересно написаны и являются, по существу, талантливыми литературными очерками. Когда ему об этом сказали, он несколько смущенно признался, что пробует свои силы на литературном поприще.

Как-то раз я спросила его о близких.

— У меня есть родные в Венгрии, но туда мне дверь закрыта... — с грустью сказал Мате.

В те годы родина Мате Залки была залита кровью лучших сынов венгерского народа. После поражения Венгерской Советской Республики, просуществовавшей 133 дня, там торжествовала самая злобная реакция. И венгерская полиция, конечно, была прекрасно осведомлена о деятельности Залки в революционной России, его партийной и боевой работе, борьбе с контрреволюцией.

После нескольких поездок в Турцию Мате Залка назначается на маршрут Варшава — Прага — Вена — Рим. Возвратясь из первой такой поездки, он с радостью сообщил, что в Вене у него состоялось свидание с родными, которым туда удалось приехать.

Мате Залка был очень добрым человеком и с удовольствием старался помочь, чем можно, сотрудникам, если те в чем-нибудь особо нуждались. Охотно привозил товарищам медикаменты, которых у нас в то время остро не хватало. Вспоминается, как один наш рабочий, упаковщик Демьянов, начал слепнуть. Ему нужны были какие-то особые очки, которых в Москве достать тогда было невозможно. Едва услышав об этом, Залка вскоре привез из-за границы нужные очки и какое-то лекарство, вручив их растроганному старику.

Проработал у нас Мате Залка года два (1923—1925), а затем целиком перешел на литературную работу. В 1936 году он уехал в охваченную пламенем гражданской войны Испанию, где вскоре стал известен как

генерал Лукач — командир 12-й Интернациональной бригады. Все мы, знавшие Залку, с огромным интересом слушали рассказы прибывавших из Испании товарищей о легендарном генерале Лукаче.

Мате Залка героически погиб в боях с испанским фашизмом под Уэской. На его могиле в Валенсии на белокаменной плите были высечены слова Михаила Светлова:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать...

НАПАДЕНИЕ НА РЕКЕ ЯНЦЗЫ

В. Л. КРЫМСКИЙ

Медленно уходил на восток огромный Шанхай, с его небоскребами и высокими заводскими трубами, банками и трущобами, полицейскими участками и опиокурльнями.

Пароход Совторгфлота «Память Ленина», отошедший от одного из причалов Шанхайского порта, полным ходом поднимался вверх по Янцзы, направляясь из Владивостока в Ханькоу за грузом чая.

Стоял прохладный февральский день. После сутолоки и суеты Шанхая спокойно было на родном советском судне, приближавшемся к Нанкину. Берегов почти не было видно; так широка здесь Янцзы — Голубая река, как называют ее китайцы.

Янцзы — одна из наиболее оживленных рек Китая. Множество маленьких и больших лодок бороздили по всем направлениям необъятную водную гладь. Лодки здесь не только транспортные средства, они и жилье, и даже огороды. В маленьких, наполненных землей ящиках беднота выращивает овощи. На носу лодок обязательно изображение двух вытаращенных рыбьих глаз. Это «спасает» от неприятностей.

Особенно красива река ночью. Бумажные лодочки с маленькими зажженными свечками тысячами плывут по реке. Плывут и сгорают. Глядя на эту мирную картину, не верилось, что кровь лилась по всей огромной стране, что гибли за чуждые им интересы тысячи и тысячи людей, что нет конца горю и страданиям угнетенного китайского народа, что всюду полно бедняков, сирот и обездоленных.

Советский пароход обгонял сотни лодок «речных людей». Так здесь называют тех, кто всю жизнь блуждает по рекам и каналам страны, в поисках куска чумизы или горсти риса.

«Речные люди» рождаются, живут и умирают на воде в своих «шампуньках», которые служат жильем для 8—10 человек. А в голодные годы река и кормит «речных людей», и не только рыбой, но и всем, что можно найти в воде: водорослями, арбузными корками, огрызками бананов — в общем, отбросами городов. Все, что можно есть, шло в пищу.

Китайский народ переживал тяжелое время. Вместе с враждовавшими между собой китайскими милитаристскими бандами страну терзали и иностранные империалисты. В портах Китая дымили военные корабли Англии, США, Японии, охранявшие банки, фабрики, заводы — «собственность» захватчиков.

В Китае все шире развертывалась национально-освободительная революционная борьба. На Север с боями продвигались армии рабочих и крестьян. Всюду в городах развертывалось рабочее движение, вспыхивали массовые забастовки. Большая революционная работа велась среди обездоленного, разоренного крестьянства. В районах, освобожденных от империалистических наемников, крестьяне захватывали помещичью землю, отменяли арендную плату за пользование землей, создавали крестьянские союзы и вооруженные отряды самообороны.

Вдохновляющая сила революционной борьбы — коммунистическая партия росла с каждым днем. Ее влияние чувствовалось повсюду.

Революционный накал особой силы достиг в Шанхае, где было сосредоточено до 60 процентов крупной промышленности страны, а пролетариев насчитывалось 800 тысяч. Когда в феврале 1921 года к городу подошли части национально-освободительной армии, трудящиеся Шанхая в знак солидарности с ней объявили всеобщую забастовку, которая переросла затем в вооруженное восстание. Во многих городах рабочие захватывали иностранные концессии. Пламя борьбы начало перекидываться и на другие районы.

Встревоженные всем этим, силы внутренней и внешней реакции усиливали репрессии, заливали страну кровью борцов за свободу. В борьбе с национально-освободительным движением особенно зловещую роль играл на севере и северо-востоке Китая ставленник и прямой

агент Японии Чжан Цзо-лин. Его влияние распространилось на многие районы страны.

Сколотивший огромные вооруженные силы, этот милитарист захватил в 1920 году Пекин и объявил себя диктатором. Наряду с Чжан Цзо-лином многотысячные армии сколотили и другие такие же авантюристы — генералы, все усилия которых были обращены на разгром революционного движения.

О размере вооруженных сил милитаристских клик говорят такие цифры: в 1926 году насчитывалось 150 тысяч солдат в армии Чжан Цзо-лина, 120 тысяч в армии Чжан Цзун-чана, 130 тысяч — У Пэй-фу. А всего — до 500 тысяч солдат¹.

Чжан Цзо-лин являлся главным врагом не только освободительного движения, но и всего, что с ним связано и что его поддерживало, и в первую очередь, конечно, Советского Союза. Этот бандит окружил себя оголтелым белогвардейским отребьем, бежавшим из России после разгрома Колчака, офицерами-карателями, полицейскими, жандармами. На территории, занятой войсками Чжан Цзо-лина, шла охота за коммунистами и всеми сочувствовавшими им. Тюрьмы Пекина, Харбина, Мукдена и других городов Северо-Востока были переполнены.

Под стать Чжан Цзо-лину был и его подручный — генерал Чжан Цзун-чан, военный губернатор провинции Шаньдун. В войсках Чжан Цзун-чана было полно всякого сброда, и особенно русских белогвардейцев, среди которых своей жестокостью «прославился» отряд Нецаева.

И вот в этот период пароход «Память Ленина» получил задание идти в Ханькоу за грузом чая. Пароход уже бывал в этих местах. И при довольно своеобразных обстоятельствах. Ранее уже говорилось, что в Китае разгоралась борьба за отмену неравноправных договоров, навязанных стране иностранными капиталистами. Такую борьбу начало и национальное правительство Нанкина, повысив прежде всего ввозные пошлины на горячее, поставлявшееся городу иностранными торговцами, которые наживали на этом огромные прибыли. В ответ на совершенно законную меру властей Нанкина иностранные ка-

¹ См. В. М. Примаков. Записки волонтера. М., «Наука», 1967, стр. 175.

питалисты объявили бойкот и перестали снабжать огромный город нефтью и керосином.

Нанкин и его жители оказались под угрозой топливного голода. И тогда на помощь пришла Советская Россия, послав на пароходе «Память Ленина» необходимое горючее. Топливная блокада капиталистов была сорвана, и благодарные жители Нанкина устроили советскому пароходу торжественную встречу.

Сейчас на пароходе жила и работала та же самая дружная семья советских моряков.

На мостике седой капитан парохода Герман Мартынович Гроссберг о чем-то беседовал с вахтенным начальником.

Обстоятельства складывались так, что, погрузив в Ханькоу чай, необходимо было быстрее возвратиться во Владивосток. Пароходов не хватало, и Совторгфлот всячески торопил Гроссберга.

Еще до революции, в 1914 году, Гроссберг был назначен командиром парохода «Кишинев», переименованного в 1924 году в «Память Ленина». И все эти годы пароход и его капитан были неразлучны.

Когда грянула революция, капитан встретил ее с радостью. И служил народу верно. В 1920 году из японского порта Хакодате он без судовых документов увел пароход во Владивосток, спасая судно от захвата его бывшими владельцами.

...На мостик поднялся секретарь партийной ячейки судна, чтобы согласовать с капитаном день партийного собрания. Надо было обсудить, как быстрее погрузиться в Ханькоу, да и рассмотреть заявление о принятии в партию одного «хорошего хлопца», как говорил секретарь.

Пароход «Память Ленина», как правило, пассажиров на борт не брал. Но в этот рейс шанхайское агентство Совторгфлота просило доставить до Ханькоу четырех советских граждан — трех дипломатических курьеров и жену советника при национальном правительстве Ф. С. Бородину.

Дипкурьеры Крилл и Грейбус недавно прибыли с почтой из Москвы, а третий дипкурьер, комсомолец Карл Сярэ, ехал в Ханькоу на постоянную работу в советское

консульство; до этого он был сотрудником консульства в Шанхае.

Крилл и Грейбус были опытными курьерами, не один год путешествовали они с дипломатической почтой по странам Скандинавии, Западной Европы и прибалтийским государствам.

Ивану Яковлевичу Крилли было в ту пору 42 года. Родился он в Риге. С ранних лет начал принимать участие в революционном движении, а в 1905 году уже вступил в большевистскую партию. А затем эмиграция в США. Долгие годы служил матросом на разных судах.

Был он человек с открытой душой и добрым сердцем. В Москве у него остались жена и маленькая дочка. Мечтал и надеялся вскоре привезти им из Китая какие-нибудь редкостные подарки.

Михаил Алонзович Грейбус был моложе Крилла, ему было немногим более тридцати, но и он уже много повидал на белом свете. В прошлом рабочий, участник гражданской войны, человек огромной выносливости, он не терял самообладания ни при каких обстоятельствах.

Крилл и Грейбус должны были в Ханькоу сдать диппочту и оттуда выехать поездом в Пекин, а затем в Москву.

Сейчас все трое сидели у себя в каюте и рассказывали собравшимся морякам, с которыми уже успели подружиться, московские новости. Ф. С. Бородина, уставшая от Шанхая, дремала в своей каюте.

Впереди уже показались здания и башни Нанкина, одного из больших и древних городов Южного Китая, в прошлом неоднократно бывшего столицей страны.

Неожиданно вахтенный увидел впереди небольшое вытянутое судно серо-стального цвета, которое на полном ходу шло на сближение с пароходом «Память Ленина».

— Видимо, военная канонерка, — сказал Гроссберг и привычно вскинул к глазам бинокль.

— Да, канонерка, — подтвердил вахтенный.

Немного не доходя до парохода, канонерка развернулась и легла на параллельный курс. На ее мачте замелькали сигнальные флажки.

— Предлагает остановиться, — недоуменно промолвил вахтенный, — что будем делать?

— Застопорьте машину, — приказал капитан...

А сам подумал — не к добру это.

Так на территории, где хозяйничали бандиты Чжан Цзун-чана, и был остановлен на реке Янцзы, в нескольких километрах от города Нанкина, советский пароход «Память Ленина».

Как только пароход замедлил ход, китайская канонерка также встала невдалеке, наведя на него кормовое орудие.

Через минуту с китайского судна спустили несколько шлюпок, наполненных вооруженными матросами. Они пристали к советскому пароходу, вскочили на палубу и, щелкая на ходу затворами винтовок, рассыпались по всем помещениям, заняли трапы, машинное отделение, каюты команды.

Старший офицер с несколькими матросами поднялись на мостик.

— В чем дело, господа? — спросил по-английски Гроссберг.

— Есть приказ обыскать ваше судно, — послышался ответ. — Мы имеем сведения, что на судне перевозится оружие для красных.

— Какое оружие? У нас его нет. В трюме только балласт, идем за чаем в Ханькоу. Вот у меня да и у моего помощника по револьверу. Но нам положено оружие, — заявил Гроссберг.

— Не разговаривать! Оружие сдать сейчас же! — Офицер в сопровождении солдат быстро спустился вниз и направился к каютам, занимаемым Ф. С. Бородиной и курьерами. Убедившись, что перед ним Бородина, офицер приказал ее обыскать.

В каюту дипкурьеров налетчики вломились еще раньше. Но дипкурьеры уже заметили опасность. И когда каюту заполнили вооруженные китайцы, все трое были совершенно спокойны. Они приготовились к нападению. Но что они могли сделать? На троих, по существу, невооруженных людей (у них было всего два револьвера) напал целый вооруженный отряд.

— Кто такие?

— Советские дипломатические курьеры, — спокойно ответил Крилл, показывая дипломатические паспорта, курьерские листы и «хаджоу» (охранные грамоты, выданные китайскими властями). Все паспорта были снабжены китайскими визами.

— Где почта?

— Почта здесь, но вам ее не дадим. Не имеем права. Она опечатана печатями Народного комиссариата по иностранным делам и не подлежит досмотру по международным законам. Вот «хаджоу», выданные китайскими властями.

— Взять! — послышалась визгливая команда.

Крилл схватил баулы с почтой. Грейбус бросился ему на помощь.

— Не дадим! Не имеете права! — закричали оба.

— Взять их! — бесновался офицер.

Десяток матросов схватили дипкурьеров и стали крутить им руки. Надели наручники, а Крилла, кроме того, веревкой привязали к какому-то крюку. Начали вскрывать почту.

Из мешков посыпались книги, журналы, газеты — все на русском языке, и ни одного письма. Переводчик с жадностью набросился на книги и журналы. Постепенно его лицо вытягивалось.

— А где документы, письма?

— Здесь все. У нас больше ничего нет!

Сярэ невольно улыбнулся. Он вспомнил, что за несколько минут до того, как в каюту явились непрощенные гости, Крилл и Грейбус с какими-то пакетами спустились куда-то в машинное отделение парохода.

Разочарованные налетчики снова запихали в мешки бесполезные для них газеты и книги. Курьеры стояли скованные перед наведенными на них дулами винтовок.

Ни одного документа не было найдено в дипломатической почте. Для Чжан Цзун-чана это был провал всей затейной операции. Необходимо было найти хоть что-то компрометирующее, чтобы оправдать пиратский налет, а главное, выслужиться перед начальством.

Обыск шел по всему пароходу. Искали даже в угольных бункерах, в водяных цистернах, в помещении команды. Разворошили все личные вещи. Красный угол был разгромлен. Портреты Ленина и Сунь Ят-сена порваны. Перетряхнули багаж и личные вещи матросов.

— Швартуйтесь к причалу на стороне Пукоу! — приказал офицер Гроссбергу.

Не успело судно пришвартоваться, как на него вошла новая группа военных. Одного в штатское пожилого

китайца в золотых очках назвали — «главный советник генерала господин Сунг».

Начался новый обыск.

— Где секретные бумаги? — в десятый раз спрашивал переводчик.

— Все здесь, больше у нас ничего нет, — спокойно отвечали Крилл и Грейбус.

И новый обыск ничего не дал.

— Составим акт о результатах обыска, — предложил капитан парохода, — так полагается.

— Зачем? Не нужно, — сквозь зубы процедил руководитель налета.

— Как не нужно? Ведь есть же правила...

Но китайский офицер отказался составить акт. Также отказались выдать расписку в том, что они изъяли у дипкурьеров.

Уже начало смеркаться, когда на палубе появилась третья группа военных. По всему было видно, что это уже другие птицы. Одетые в китайскую военную форму, они свободно разговаривали по-русски.

К Бородиной подошел один из этой группы и коротко бросил:

— Я Меркулов.

Это был тот самый Меркулов, авантюрист и мародер, который вместе со своим братом бесчинствовал во Владивостоке в период японской интервенции. После освобождения города Красной Армией братья, захватив награбленное, бежали в Японию.

Было известно, что Меркулов состоит в отряде Нечаева, одного из главарей русских белогвардейцев, который попеременно служил у Чжан Цзо-лина, У Пэй-фу, а теперь — у Чжан Цзун-чана. Как выяснилось позднее, именно Нечаев разработал и осуществил план захвата советского парохода. А теперь его сообщник Меркулов был послан добыть хоть какие-нибудь «доказательства», оправдывавшие этот пиратский налет. После того как и этот обыск ничего не дал, было решено: найти улики во что бы то ни стало! Не может быть, чтобы у дипкурьеров не было каких-либо секретных писем, инструкций или, на худой конец, революционных прокламаций, конечно на китайском языке.

— Если улики нет, их надо сделать, — приказали главарию белогвардейцев-налетчиков.

После этого бандиты вновь явились на советский корабль.

Обыск был долгим. Наконец один из белогвардейцев подбежал к Меркулову: в руках он держал какие-то листки с китайскими иероглифами.

— Нашел, ваше превосходительство, вот прокламации! Они были в почте!

— Наконец-то,— обрадовался Меркулов, схватил листовку и бросился к Сунгу.

Снова начали допрашивать дипкурьеров. Те недоуменно пожимали плечами.

— Провокаторы...— сказал Грейбус.— Так ведь делала только царская охранка, и то умнее.

Теперь было понятно, почему китайские офицеры отказались подписать акт о результатах обыска.

Работа с подброшенными листовками была сделана топорно-грубо. Всем был ясен этот дешевый прием. Даже китайские матросы как-то смутились. Вскоре Бородиной и дипкурьерам было объявлено: они будут отправлены в город Цзинань.

Их доставили на вокзал. Посадили в вагон. Дипкурьеры оставались закованными в наручники, а Крилл связан веревкой. Но с дороги их вернули опять в Нанкин. И началось хождение советских людей по мукам. Арестованных вскоре снова отправили в Цзинань, где их держали в маленьком домике на окраине города под сильной охраной, изолированными от всего мира.

Свидание с представителями советского полпредства или консульства им не разрешали. В Цзинань, как только стало известно о местопребывании советских людей, выехал заведующий консульской частью посольства с переводчиком. Советский дипломат долго добивался разрешения на посещение арестованных, но добиться свидания так и не удалось. Им даже не разрешили написать письмо кому-либо. Как выяснилось потом, все это делалось по личному приказу «главнокомандующего» Чжан Цзо-лина.

Скоро о пиратском нападении узнал весь мир. Советское правительство категорически потребовало немедленного освобождения арестованных и парохода.

В ноте полпредства СССР китайскому МИД от 10 марта 1927 года говорилось: «Посольство настоящим еще раз заявляет, что китайское правительство несет

полную ответственность за безопасность дипломатических курьеров, так же как и всех других задержанных лиц. Посольство предупреждает министерство иностранных дел, что любое нарушение их безопасности может, безусловно, привести к самым серьезным последствиям и вынудить Советское Правительство прибегнуть к чрезвычайным мерам»¹.

Чжан Цзун-чан понимал, что фальшивых листовок, якобы найденных у советских дипкурьеров, явно недостаточно для оправдания ареста людей с дипломатическими паспортами и захвата парохода. Нужно было что-то более весомое и сенсационное. И Чжан Цзо-лин потребовал — найти эти доказательства.

В ответ Чжан Цзун-чан посылает из Пекина своему начальству следующее донесение²:

«Маршалу Чжан Цзо-лину.

Ваша шифрованная телеграмма получена. Среди документов и печатных материалов многие могут быть использованы для следствия и обвинения.

Вследствие срочности, с которой была произведена работа, мы еще не успели произвести расследование. Кроме того, я не имею эксперта по дипломатическим делам, опытного в своем деле. Поэтому прошу дать соответствующую инструкцию Министерству иностранных дел о посылке сюда эксперта для производства расследования, собирания, фотографирования, копирования всех документов, которые будут затем направлены в качестве следственных материалов.

Прошу Ваших инструкций по поводу моих действий, дабы я мог поступить согласно им.

По показанию Бородиной, она отвозила на родину 70 миллионов мексиканских долларов³, после чего возвратилась в Китай. Хотя она не заявила ясно, что имела на то правительственный приказ, но совершенно очевидно, что она подтвердила своим умолчанием, по поводу этого у меня нет никаких сомнений. Все вышеизложенное имею честь донести Вам,

Чжан Цзун-чан».

¹ «Документы внешней политики СССР», т. X, стр. 629.

² Цит. по кн.: Ф. С. Бородина. В застенках китайских сатрапов. М.— Л., 1928.

³ Наименование китайской валюты того времени.

Таким образом, было видно, что милитаристы охотились за любым материалом, действительным или выдуманным, чтобы раздуть антисоветскую провокацию.

* *

*

Сразу же после того, как с парохода были уведены дипкурьеры и Ф. С. Бородина, китайцы вместе с русскими белогвардейцами начали превращать незаконно захваченный ими советский торговый пароход в военное судно, чтобы использовать его для борьбы с частями национально-освободительной армии. На борт парохода втащили специальные, заранее подготовленные установки, два артиллерийских полевых орудия и несколько пулеметов.

Капитану Гроссбергу было приказано загрузить бункера углем и подготовить судно к отплытию. Но команда вместе со своим капитаном категорически отказалась подчиниться этим приказам. Ни угрозы, ни уговоры не помогли. Тогда налетчики сняли с парохода всех 47 человек команды и заключили их в тюрьму.

Между тем дипкурьеры и Бородина продолжали томиться в цзинаньском заточении, которому, казалось, не будет конца.

Дни в тюрьме тянулись медленно. Дипкурьеры ежедневно вызывали начальство, будь то караульный начальник, комендант или кто-то из начальства повыше, и требовали немедленного освобождения или предъявления обвинения. Китайцы отмалчивались.

Наконец, Крилл предложил объявить голодовку. Это будет известно в Москве и в Пекине! Ведь в Цзинани много рабочих, наших верных друзей, от которых чжанцзунчановские жандармы скрыть голодовку не смогут.

Предложение было сразу же одобрено, и наутро, когда стража принесла скудный завтрак, дипкурьеры решительно отказались его принять.

Явился комендант, толстый, с хитрыми острыми глазами, и на ломаном английском языке спросил: чем недовольны заключенные?

Крилл заявил, что держат их в тюрьме незаконно, поэтому они требуют немедленного освобождения, а до тех пор объявляют голодовку. Китаец побежал доносить начальству.

Четыре дня не притрагивались наши товарищи к еде. Уже к вечеру первого дня в городе стало известно о голодовке советских заключенных. Было немедленно сообщено в Пекин и Ухань. Китайские сатрапы взволновались: узнают за границей, будут неприятности, тем более что налет, по существу, ничего не дал.

На пятый день явился доктор Сунг и попросил прекратить голодовку, так как все будут освобождены в скором времени. Сунг говорил как будто искренне...

Советское правительство разоблачало перед всей мировой общественностью произвол китайских милитаристов и требовало его прекращения. С китайской стороны следовали все новые и новые живые обещания о скором освобождении заключенных.

Было очевидно: китайская военщина пыталась выиграть время.

Англия, США и Япония усиленно готовились к новой интервенции против Советской России. Одна за другой следовали провокации, направленные против молодой республики Советов. Нападения на дипкурьеров, нападения на наши заграничные органы, убийства послов, организация заговоров внутри страны — все было направлено на обострение международной обстановки. Как указывалось в воззвании ЦК КП Великобритании, «фактическое положение таково, что под давлением зловещих сил... готовится новая война и интервенция в СССР»¹.

Когда наши товарищи находились в заточении, Чжан Цзо-лин с прямого благословения и по указке английских, американских и японских поджигателей войны организовал еще большую провокацию, напав на советское полпредство в Пекине.

Советское правительство заявило, что в такой обстановке оно не может далее поддерживать нормальных отношений с китайскими властями, не желает терпеть подобных бандитских действий и впредь до освобождения задержанных советских граждан, наказания виновных и возмещения убытков отзывает из Пекина своего поверенного в делах со всем персоналом полпредства.

В ноте Советского правительства от 9 апреля 1927 года указывалось:

¹ «Правда», 26 февраля 1927 г.

«Советское Правительство, обладающее достаточными техническими ресурсами, чтобы прибегнуть к репрессивным мерам воздействия, заявляет тем не менее, что оно решительно отказывается от таких мер. Советское Правительство отдает себе ясный отчет в том, что безответственные круги иностранных империалистов провоцируют СССР на войну. Советское Правительство отдает себе полный отчет и в том, что Пекинский Кабинет сделался орудием игры, разыгрываемой иностранными империалистическими кругами. Но Советское Правительство исходило, исходит и будет исходить в своей политике из интересов трудящихся масс всего мира, в том числе и из интересов масс китайского народа и рабочего класса всех стран»¹.

О нападении на советское полпредство дипкурьеры узнали спустя много дней, после того, как их самих 4 мая 1927 года доставили в пекинскую тюрьму под новым лживым предлогом, что здесь-де будет оформлено их освобождение.

Начались новые допросы. Одно предъявленное обвинение было глупее другого. Особенно нелеп был вымысел о 70 миллионах мексиканских долларов.

Уж очень была глупа эта выдумка. Часто буржуазные провокаторы создавали лживую легенду о том, что «Советы финансируют» коммунистическое движение в той или иной стране. Это уже стало как бы нормой любой полицейской провокации. Но чтобы советских представителей обвиняли в вывозе из какой-нибудь страны денег — такое было впервые!

Оставались несуществующие пропагандистские «материалы». Но объявить таковыми журналы и книги на русском языке тоже было невозможно.

Не было найдено ни одного доказательства хоть какой-нибудь вины арестованных. Тем не менее вскоре был организован суд. Одно за другим лопались на процессе дутые обвинения.

Дипкурьеры держались на этом незаконном судилище стойко и мужественно. Все трое не только отвергли вздорные обвинения, объявив, что не совершали ничего противозаконного, но подчеркивали, что арест и преда-

¹ «Документы внешней политики СССР», т. X, стр. 151—152.

ние их суду не имеет прецедента в истории международных отношений.

— Суд над дипкурьерами, привлечение их к суду — небывалый случай, — заявил Иван Крилл.

Пункт за пунктом отвергали они обвинение, требуя вызова свидетелей и настаивая на немедленном освобождении. Грейбус заявил, что, отказывая в вызове свидетелей, суд демонстрирует свою несостоятельность.

Защитник дипкурьеров в конце своей речи подчеркнул, что, принимая решение, суд берет на себя огромную международную ответственность, так как устанавливаемый им прецедент неизбежно будет иметь обратное или взаимное действие в других странах.

Судилище явно проваливалось. Его организаторы предпринимали самые отчаянные действия, чтобы выгородить себя, но все было тщетно. В конце концов судья объявил:

— Все материалы, которые представлены следствием и прокурором и на основании которых были предъявлены обвинения по 101 статье, суд находит несостоятельными... Обвиняемые будут освобождены...

Забрав вещи из тюрьмы, советские дипкурьеры и Ф. С. Бородина поспешили в помещение советского полпредства. Наконец-то они среди своих!

...Через некоторое время с советского парохода у одного из причалов Владивостока благополучно сошли все четверо. Они вырвались из лап китайских милитаристов.

Советское правительство принимало самые решительные меры и к освобождению команды «Памяти Ленина» и возвращению их на Родину. Наконец в декабре 1927 года они были переданы советским властям. Через десять месяцев после пиратского нападения на пароход «Память Ленина» моряки вернулись в родной Владивосток.

СОДЕРЖАНИЕ

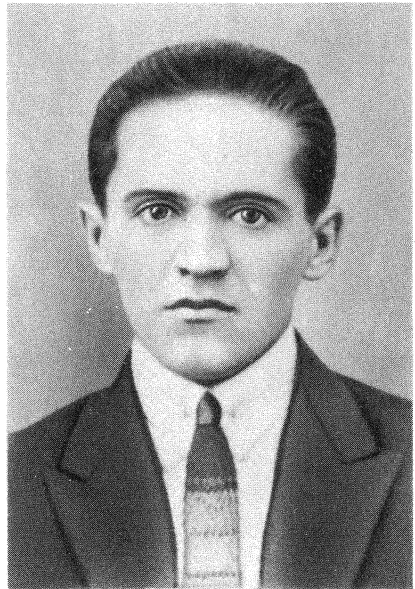
И. Майский.		
О советских дипкурьерах первых лет революции		5
С. Аралов.		
Часовые наркоминдельской работы		10
М. Сонкин.		
Сорок слов в пакете дипкурьера		16
Д. Коротков.		
С белым флагом через линию фронта		28
А. Умбляя.		
Первые поездки		35
Б. Шапик.		
Гонец из Нью-Йорка		47
Е. Рубинин.		
Мои встречи с дипломатическими курьерами		87
И. Майский.		
Дипкурьер Шефер		97
А. Семенов.		
Призванный революцией		102
В. л. Рудин.		
Баллада о трудных дорогах		121
В. Попов.		
Провал одной международной провокации		167
М. Цебоев.		
Встреча в Гонолулу		200
И. Бауман.		
От Токио до Бильбао		212
О. Герман.		
По Европе и Азии с дипломатической почтой		243
В. Бауман.		
Мате Залка — дипкурьер		252
В. л. Крымский.		
Нападение на реке Янцзы		257

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

1. Прием диппочты одного из советских полпредств за рубежом для доставки в Москву. 1924 г.
2. Д. П. Коротков (фото 1920 г.).
3. А. Г. Умбля.
4. Б. С. Шапик (фото начала 20-х годов).
5. А. А. Богун (справа) в Копенгагене. 1925 г.
6. А. Г. Шефер (фото 1924—1925 гг.).
7. А. С. Семенов (фото конца 20-х годов).
8. Теодор Нетте.
9. Иоган Махмасталь.
10. В. А. Урасов.
11. Е. М. Климек (фото 1905 г.).
12. И. Х. Бауман — красногвардеец. 1917 г.
13. О. Х. Герман (фото 1926 г.).
14. Мате Залка.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

9.

10.

11.

12.

13.

14.

ДИПКУРЬЕРЫ

**Очерки о первых советских
дипломатических курьерах**

Редактор О. В. Вадеев

Художник Г. А. Позин

Художественный редактор В. И. Терещенко

Технический редактор Н. Е. Трояновская

Сдано в набор 16 июля 1970 г. Подписано в печать 23 октября
1970 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Услови-
печ. л. 14,70. Учетно-изд. л. 13,67. Тираж 100 тыс. экз. А03857.
Заказ № 3623. Цена 46 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.